

МИНБАР

Исламские исследования

MINBAR

Islamic Studies

Информация об издании:

Научный рецензируемый журнал.
Основан в 2008 г. Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-33940 от 01.11.2008 г.
Периодичность издания – два выпуска в год.
Перепечатка материалов без согласия редакции не
допускается.

Учредитель и издатель:

Негосударственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Российский исламский
университет».

420049, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19.

Редакция:

420049, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Газовая, д. 19.

Тел.: (843)277-64-06; (843)277-57-95.

Главный редактор:

Мухаметшин Р.М. – доктор политических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук
Республики Татарстан, заведующий отделом общественной мысли и исламоведения Института Истории
Академии наук Республики Татарстан, ректор Российского исламского университета, Казань, Россия

Редакционная коллегия:

Адыгамов Р.К. – кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Российский
исламский университет, Казань, Россия;

Батров Р.Г. – проректор по научной работе, Российский исламский университет, Казань, Россия;

Закиров Р.Р. – кандидат филологических наук, Российский исламский университет, Казань, Россия;

Ислаев Ф.Г. – доктор исторических наук, Институт развития образования Республики Татарстан,
Казань, Россия;

Хайрутдинов А.Г. – кандидат философских наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.

**Материалы международной научно-практической конференции
«Исламское образование в России и за рубежом»
(27-30 сентября 2009 г.).**

**ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: СОХРАНЕНИЕ ПРЕЕМС-
ТВЕННОСТИ И ПОИСКИ НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ**

КАРИНА АЙНУТДИНОВА
«Проблематика развития мусульманского образования в России и
в Средней Азии» 5

НАРГИЗ КОВАЛЬЧУК
О состоянии системы мусульманского образования в России..... 15

ИЛЬДАР МАЛАХОВ
Состояние и проблемы исламского образования в Башкортостане..... 19

СТАНИСЛАВ ПРОЗОРОВ
Научное исламоведение в контексте исламского образования в России 23

МАКСУД САДИКОВ
Исламское образование в Дагестане: история и современность..... 33

СЕЙЕД ШАМСОДДИН ШАХИДИ
Важность разработки стратегии образования в исламских странах..... 40

МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У ТАТАР

РАФАЭЛЬ АДУТОВ
В стране самураев: татарская диаспора и мусульманские школы Японии..... 46

МУХАММАТ ГАЛЛЯМОВ
Библиотека Духовного Управления Мусульман Европейской части
СССР и Сибири в городе Уфе..... 54

ЗИЛЯ МАГИЯРОВА
Реализация педагогического наследия татарских просветителей в современ-
ных моделях нравственного воспитания детей..... 57

МАДИНА МАХМУТОВА
Образование в мусульманской общине Финляндии в контексте
духовного наследия татар Поволжья..... 64

ДИНА МУХАМЕТЗЯНОВА
Роль духовного наставничества в воспитательном процессе
кадимистского медресе 73

Содержание

РАФИК МУХАМЕТШИН Мусульманское образование у татар в дореволюционной России: состояние, проблемы и перспективы.....	79
ЛЮДМИЛА СВЕРДЛОВА О постановке образования в Мусульманском детском приюте братьев Ибрагима и Исхака Юнусовых в середине XIX – начале XX вв.....	94
ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА В СВЕТСКИХ ВУЗАХ РОССИИ	
РАФИС ЗАКИРОВ Особенности преподавания арабского языка в группах с углубленным изуче- нием истории и культуры ислама.....	99
НАИЛЯ МИНГАЗОВА Интерактивные методы обучения арабскому языку студентов, изучающих историю и культуру ислама.....	103
МИХАИЛ ПАНАСЮК Перспективы развития направления «Экономика исламских стран» в Татарском Государственном Гуманитарно-Педагогическом Университете.....	107
СЕРГЕЙ УСТИНКИН Опыт Нижегородского Государственного Университета им. Н.И. Лобачевского в реализации программы подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама.....	113
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ	
АЛЕКСАНДР ГОРБУНОВ, ИБРАГИМ ИБРАГИМОВ Университетское теологическое образование как уникальный фактор преемственности межконфессионального диалога в поликультурном пространстве.....	121
ТИМУР ШАЙХУЛЛИН Воспитание толерантности в полиэтнической среде (на материале устойчивых конструкций в Коране).....	128
АЛЬБИНА ФАЙЗУЛЛИНА Образовательный аспект социокультурной адаптации детей трудовых мигрантов	132
ВАЛЕРИЙ ХАЗИЕВ, ЕЛЕНА ХАЗИЕВА Толерантность в бытии человека: знание и вера	138

ИСЛАМОВЕДЕНИЕ И БОГОСЛОВСКАЯ МЫСЛЬ

МАРАТ САЛАХОВ

Востоковедение в Казанской духовной академии во второй
половине XIX – начале XX века. Миссионерский аспект..... 144

ДИНАР ГАЛЛЯМОВ

Иджтихад и таклид в богословской мысли российских мусульман 157

Карина Айнутдинова

«ПРОБЛЕМАТИКА РАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И В СРЕДНЕЙ АЗИИ»

Проблематика развития мусульманского образования в России

Сегодня вопрос формирования основ исламского образования является ключевым и для верующих, и для всех тех, кто думает о будущем татарского народа и других мусульманских народов, о будущем своих детей, о завтрашнем дне общества.

Демократизация общества конца XX в. привела не только к реализации принципов свободы слова, печати и собраний, но и сняла фактический запрет на свободу совести. Начался процесс стихийного возрождения религиозного сознания. 1990-е - начало 2000-х гг. стали периодом бурного развития исламских институтов. Неотъемлемой частью этого сложного и неоднозначного процесса явилось создание сети мектебов, средних и высших исламских учебных заведений, укрепление их учебно-материальной базы, комплектование педагогическими кадрами и многое другое.

Сегодня главным критерием развития ислама в России выступает уровень религиозного образования и богословия.

Находясь на пересечении Европы и Азии, Татарстан издавна является связующим звеном между Западом и Востоком, хранит и развивает традиции двух великих мировых религий и культур – Ислама и Православия.

В советскую эпоху единственным народом, имевшим хоть какую-то возможность сохранять культурное наследие прошлого, были русские. Поскольку русская дореволюционная культура, несмотря на свой преимущественно светский характер, была неотъемлемой частью европейской и, шире, христианской культуры, для русских и других народов России, традиционно исповедующих христианство, их культурная традиция фактически не прерывалась, хотя и была значительно деформирована во всех религиозно-мировоззренческих аспектах.

Для народов, традиционно исповедующих ислам, ситуация сложилась гораздо более неблагоприятная. Примером могут служить татары – самый

многочисленный из мусульманских этносов нашей страны, принявший ислам за полвека до христианизации Руси и хранящий многовековую традицию образованности. В предреволюционное время грамотных среди татар было заметно больше, чем среди русских. Основная заслуга в этом принадлежала развернутой системе религиозного образования — сети мектебов и медресе, содержавшихся за счет прихожан.

Еще при Екатерине II (по закону 1773 года) мусульмане получили возможность открыто исповедовать свою религию, строить мечети в крупных городах, открывать в них исламские учебные заведения.

В конце XVIII века появляются первые медресе в Казани (Ахуновское, Апанаевское, Амирхановское) и крупнейшие сельские медресе (в д. Кышкар, Менгер, Сатыш, Саба, Береске, Стерлибаш, Мачкара, Тайсуган, Ташкичу и др.). В XIX веке они уже исчисляются десятками и даже сотнями, а качество образования в них соответствует весьма высоким стандартам.

Традиционная учебная программа медресе включала мусульманское право (фикх), догматику (калам), коранические дисциплины, хадисоведение, арабский язык, логику; дополнительно могли изучаться арифметика, медицина, астрономия, риторика. Однако даже наиболее образованным мусульманам было трудно проникнуть в общероссийскую элиту, не пожертвовав в какой-то мере своей «мусульманскостью». К концу XIX века это серьезно мешало дальнейшему социально-экономическому развитию исламских народов России.

В этот период в татарской образованной среде возникает движение джадидизма (от араб. «джадид», новый), у истоков которого стоял знаменитый историк и богослов Шихабеддин Марджани. В мектебах и медресе

стали вводить звуковой метод обучения грамоте взамен буквослагательного — так называемый усули джадид («новый метод»). Движение было призвано обновить систему мусульманского образования, привести его в соответствие с требованиями современной жизни. Реформа мусульманской школы была связана с именами таких выдающихся просветителей, как Исмаил-бей Гаспринский и Абду-решид Ибрагимов. Наиболее известными новометодными медресе стали «Мухаммадия» и «Касимия» в Казани, «Хусаиния» в Оренбурге, «Галия» в Уфе, «Расулия» в Троицке. К 1916 году в России насчитывалось уже более пяти тысяч таких школ. Преподавание в них велось не на арабском и старотюркском, как прежде, а на татарском и башкирском языках, причем изучение светских дисциплин было существенно расширено. В школах был упорядочен учебный год и осуществлен переход к классно-урочной системе преподавания. При этом религиозные дисциплины и нравственная сторона воспитания отнюдь не отодвигались на второй план. Более того, в некоторых джадидистских медресе (например, в основанном Галимзяном Баруди медресе «Мухаммадия») уровень преподавания предметов традиционного цикла был значительно выше, чем в исламских учебных заведениях старого типа.

Непревзойденным образцом новометодного медресе была открытая в 1891 году оренбургская «Хусаиния», где наряду с мусульманскими дисциплинами преподавались также татарский, русский, персидский, арабский и немецкий языки; татарская, русская и арабская литература; российская история, философия, этика, законоведение, педагогика, математика, физика, астрономия, естествознание, химия (отсутствовавшая, кстати, в гимназических программах того времени),

гигиена и гимнастика, чистописание, черчение, рисование и т. д. Признавая новаторские заслуги джадидов, необходимо отметить, что их просветительское движение в полной мере соответствовало традициям ислама, не разделяющего науки на религиозные и светские.

Стремление сообразовать программы обучения с требованиями современной эпохи затронуло и Кавказ. В начале XX века там насчитывалось более семисот медресе, именуемых также худжрами. Они существовали исключительно на добровольные пожертвования. Высочайший уровень образованности был присущ прежде всего мусульманам Дагестана, который в прошлом называли «бахраль-улюм», т. е. «морем наук». Книги дагестанских исламских богословов использовались даже в школах Сирии, одного из признанных лидеров исламского религиозного образования.

Одним из первых на Кавказе с требованием реформирования мусульманской школы выступил лакский ученый и мыслитель Али Каяев. Он не только пропагандировал новую систему, но и ввел ее в своем медресе. Первоначальное обучение здесь осуществлялось на родном языке, а затем ученики постепенно переходили на арабский. Новаторская педагогическая деятельность Каяева оказала благотворное влияние на школьное дело не только в Дагестане, но и получила поддержку многих мударрисов (преподавателей медресе) Северного Кавказа. Новометодные учебные заведения способствовали возникновению новой мусульманской интеллектуальной элиты, прекрасно знавшей ислам и в то же время по-европейски образованной, способной органично включиться в общероссийский культурный и цивилизационный процесс. Однако, после 1917 года система мусульманского просвещения была практически разрушена, и на

смену ей пришла советская школа с ее тотальным атеизмом. Процесс формирования новой мусульманской интеллигенции был прерван на семьдесят лет.

Сознательному уничтожению в этот период были подвергнуты многие сочинения по истории и богословию, принадлежащие перу выдающихся российских мусульманских авторов — Габд ан-Насира Курсави, Шихабеддина Марджани, Хусаина Фаизханова, Исмаила Гаспринского, Галимджана Баруди, Ризаутдина Фахретдина. Не менее губительными для мусульманской культурной традиции стали реформы письменности: переход в 1929 году с арабского алфавита на латиницу, а позднее, в 1939 году, — на кириллицу. Они автоматически лишили молодежь доступа к культурному наследию народа, прежде всего — к старым книгам (разумеется, не переиздававшимся в новом графическом облике).

Так была подготовлена почва, на которой выросла новая советская интеллигенция — не помнящая родства и, как правило, вполне равнодушная к исламу. Разумеется, эта закономерность не универсальна: в некоторых регионах (например, в Дагестане) процесс «размусульманивания» протекал менее интенсивно и не привел к столь разрушительным последствиям, как в более европеизированных регионах Поволжья и Урала. Однако, в целом, ситуация была такова, что к концу XX века мусульманам России пришлось решать задачи религиозного просвещения практически заново.

Кстати говоря, совершенно невозможно в нынешних условиях провести грань между высшим исламским учебным заведением и средним, именуемым по традиции медресе.

Сегодня перед российской уммой стоит важнейшая задача — приведение в норму учебных программ исламс-

ких учебных заведений. С точки зрения государства, нужны специалисты высокого профиля, которые, будучи религиозно грамотными людьми, не превращались бы в специалистов по обрядам – мулл или в ограниченных в своих представлениях фанатиков. Нужны специалисты, в равной мере подкованные как в области религии, так и в светских дисциплинах.

Один из выводов – определенный набор светских предметов должен присутствовать в любом исламском учебном заведении. Вывод другой – на сегодня мусульмане России не имеют единого образовательного пространства, которое следовало бы назвать сегодня «разорванным, обрывочным» образовательным полем.

Среди проблем, возникающих при обсуждении настоящей темы – вопрос финансирования исламских учебных заведений.

Разумеется, ни одно Духовное управление мусульман не в состоянии финансировать высококачественное религиозное образование – а именно таким оно и должно быть; отсюда результат – многие ДУМ имеют при себе различные медресе, которые могут дать студенту лишь самые поверхностные, элементарные знания.

Следующая проблема – неспособность современных Духовных управлений мусульман обеспечить выпускников медресе и исламских вузов рабочими местами в полном объеме. Одна из причин ее – слабая координация действий между исламскими учебными заведениями и ДУМ, когда студентов набирается больше, чем требуется (если меньше, чем требуется в данном регионе – это тоже проблема), или же когда студенты заранее не подготавливаются к работе в данной конкретной местности. Более того, связь между Духовными управлениями и студентами порой вообще сведена к нулю.

Выпускники исламского вуза или медресе не желают идти работать сельскими имамами за мизерную зарплату. С другой стороны, многие директора медресе не считают нужным взаимодействие с ДУМ в вопросе востребованности кадров. Таким образом, проблема утечки кадров, особенно из села и в первую очередь – молодых имамов – требует своего решения, помимо прочего, и через упорядочение исламского образования.

Десятки вернувшихся из-за границы молодых людей еженедельно обивают пороги посольств мусульманских стран в поисках работы; в то же время вакансий в достаточно престижной сфере арабистики практически не бывает. Как известно, в свое время массовый выезд российских студентов на обучение в страны исламского мира был пущен на самотек; нашему обществу еще долго придется расплачиваться за различные многочисленные негативные последствия такого шага. Несоответствие привносимых из-за рубежа норм сложившемуся российскому мусульманскому менталитету наиболее наглядно проявляется на Северном Кавказе, и об этом уже много раз говорилось.

Один из выводов, который можно и нужно сделать из констатации этого факта – зарубежное обучение во многом исчерпало себя, перестало быть необходимостью; другой же вывод – необходим контроль над процессами обучения студентов за границей и в самой России со стороны уммы.

И еще один штрих к проблеме невостребованных выпускников медресе и исламских вузов: некоторые из них, не сумев самостоятельно найти «место под солнцем» (а задача учебного заведения, и религиозной организации как раз в том, чтобы помочь человеку обрести себя, найти ему достойное место ради пользы общества), могут впоследствии создать

новые учебные либо религиозные структуры, которые станут конкурировать с уже имеющимися в регионе и создадут предпосылки к расколу мусульманского населения.

Радикально настроенные молодые люди часто вынашивают такого рода планы. Только распланированное и контролируемое уммой обучение может принести положительные всходы среди мусульманского населения конкретного региона.

Следующий вопрос, на котором необходимо кратко остановиться - это состав учащихся. Не секрет, что в медресе зачастую идут выходцы из села, а также те юноши, которые не могут себя реализовать через обучение в светских вузах. Таким образом, изначально в медресе поступают малограмотные люди, что потребует от преподавателей особенного усердия и напряжения в ходе обучения.

Почему же отличники не часто идут сюда? Ответ очевиден - такое образование, которое способно дать медресе, не кажется человеку престижным. Действительно, откуда взяться престижу, если, скажем, нет нормальной зарплаты, способной обеспечить по выходу из медресе молодого человека и его будущую семью?

Эта проблема характерна для всех регионов России. Одна из задач в этом плане – добиться такого уровня исламского образования, который обеспечивал бы приток высококачественных, грамотных абитуриентов.

Важной проблемой является качество учебных пособий. Прежде всего, нужно сказать о том, что пособий, составленных в соответствии с ханафитским мазхабом, чрезвычайно мало; большинство из них были разработаны в начале XX в. До последнего времени в стране не было никаких книг про имама Абу Ханифу и его ближайших учеников; таким образом, молодежь знает об этих величайших

умах Ислама чрезвычайно мало.

Если же наши молодые мусульмане обучались в некоторых странах Ближнего Востока, то они и вовсе приезжают в Россию с убеждением о том, что Абу Ханифа - это вчерашний день; что его суждения не верны; что он работал с недостоверными источниками; что он не является должным примером для нынешнего мусульманского общества.

Таким образом, работа по возрождению ханафитского богословия в России должна стать чрезвычайно актуальной, ведь до сих пор у нас не разработаны учебные пособия по специфическим предметам исламского богословия: фикх (шариатское право), акыда (мусульманское вероучение), история Ислама и т.д.

Почему же делается упор именно на ханафитском мазхабе? Отличительной чертой любого исламского деятеля должны являться не просто его знания, но и рационалистическое мышление – человек, не способный к сложным аналитическим размышлениям, вряд ли сумеет достичь успехов в современном мире. Абу Ханифа, Мухаммад аш-Шафии и многие другие развили фикх до очень высоких степеней, так что их ученикам оставалось лишь следовать их методам и способам принятия решений.

Однако современные их последователи должны быть людьми крайне высоко образованными и рациональными, так как в условиях постоянного потока новых изобретений и технологий мусульмане столкнулись со множеством новых вопросов и проблем – а предмет фикха охватывает обширные области взаимоотношения не только человека и Аллаха (‘ибадат), но и человека и общества (муамалат), а именно такие важнейшие общественные проблемы, как мораль, этика, семья, личность, ответственность за преступления и нарушения закона,

межнациональные и межрелигиозные отношения.

Абу Ханифа впервые применил глубокое логическое обоснование правовых источников. Внутренняя суть фикха обозначена им следующим образом: «никого из людей киблы (т.е. мусульман) не обвинять в неверии из-за греха; ни в ком не отрицать веру; призывать к доброму и удерживать от дурного; знать, что постигшее тебя не должно было пройти мимо, а прошедшее мимо не должно было тебя постигнуть (т.е. верить в предопределение); не отречься ни от одного из сподвижников Пророка, а дело Усмана и Али (т.е. разногласия, приведшие к первой гражданской войне в Халифате и вызвавшие появление шиизма) оставить на суд Бога».

Таким образом, перед нами – классический пример консолидации мусульманского общества, крайне актуальной для постсоветского пространства, с одновременным богословским ответом тем радикалам, которые обвиняют других в неверии – кифре.

Итак, если мы рассматриваем трудности образовательного процесса, то контроль над книгопечатанием необходим хотя бы уже с той точки зрения, чтобы не допустить в медресе некачественные (со всех сторон) учебные пособия.

При наличии множества нерешенных проблем - есть ли будущее у исламского образования в России? Очевидно, что пока существует спрос - будет и предложение, а спрос на образование - в частности, исламское - вечен.

Решение проблем исламских школ и вузов должно быть комплексным. В частности, необходимо:

- создание концепций исламского высшего и среднего профессионального образования в России;
- утверждение типовых положений

о среднем и высшем профессиональном учебном заведениях, об их аттестации и аккредитации;

- создание классификатора специальностей по средней и высшей профессиональной школе с учетом мирового опыта;

- введение светского компонента в традиционное религиозное исламское образование;

- проработка единого образовательного пространства мусульман России (для начала – в рамках мест традиционного расселения представителей ханафитской школы);

- создание механизма распределения выпускников исламских вузов соответственно потребностям региональных ДУМ и др. организаций;

- возрождение ханафитского богословия;

- богословский ответ исламскому экстремизму и радикализму и его распространение в общинах;

- включение сложившейся и продолжающейся складываться исламской образовательной системы в правовое поле РФ;

- выработка общих принципов формирования двухступенчатого религиозного образования в России, учитывая, однако, то, что будущее исламского высшего образования - за созданием трехступенчатой образовательной системы;

- формирование единого информационного пространства, непременным условием которого является наличие собственного сайта или электронной почты всех учебных заведений;

- формирование системы профориентационной работы и работа с наиболее одаренными юношами, будущими богословами; направление за рубеж наиболее способных шакирдов для их дальнейшего обучения.

Реализация вышеперечисленных задач лишь послужит делу укрепле-

ния доверия государству со стороны уммы России и внесет свою лепту в изменение негативного имиджа России в странах исламского мира (в связи с геополитически преступным, на наш взгляд, выбором прежними руководителями России 1990-х годов пути конфронтации с мировым Исламом) и создаст предпосылки к тому, что наше религиозное образование станет конкурентоспособным с зарубежными образовательными центрами.

В современных условиях представляется целесообразным учредить ассоциацию мусульманских профессиональных учебных заведений, которая сыграла бы важную роль в формировании единого образовательного пространства и возрождении системы мусульманского профессионального образования в России на основе законодательства РФ и субъектов, лучших отечественных традиций, с учетом современного международного опыта. Она явилась бы общероссийским методическим и аналитическим центром для мусульманских профессиональных учебных заведений, координировала бы вопросы создания программ и учебной литературы, опираясь преимущественно на богословские образовательные традиции российских мусульман.

Проблематика мусульманского образования в Узбекистане

В Самарканде есть знаменитое медресе “Мир-Араб”. Основано оно в средние века и до сих пор остается главным центром мусульманской учености в Узбекистане, да и во всей Средней Азии. Питомцы медресе наряду с религиозным получают вполне современное светское образование. С дипломом “Мир-Араб” можно поступать в любой университет, но большинство выпускников все же выбирают Ташкентский Исламский Институт.

В XV-XVI веках Узбекистан был одним из крупнейших центров исламской мысли. Сюда приезжали набираться мудрости даже из Аравии. Изучали Коран и его толкования в специальных учебных заведениях - медресе, но можно было делать это самостоятельно под руководством ученого муллы. Такой порядок сохранялся вплоть до прихода советской власти, которая поначалу просто закрыла все медресе, а позже, разрешив открыть единственное, неусыпно следила за каждым шагом учеников и преподавателей. Сегодня религиозное образование в Узбекистане тоже находится под контролем светской власти. Преподавание религиозных дисциплин разрешено только в государственных учебных заведениях. Это, по мнению правящей верхушки, гарантия того, что в среду учащихся не проникнут идеи радикального толка. Первой ступенью религиозного образования по-прежнему являются медресе. В 1946 г. в Бухаре открылось медресе “Мир-Араб”. Оно дает среднее богословское образование. Срок обучения - четыре года. В советское время сюда принимали учеников со всего Союза. Отбор кандидатов происходил в республиках. Принимали в медресе сорок человек в год, что для огромной страны было каплей в море.

Поскольку “Мир-Араб” долго оставался единственным подобным заведением в СССР, не приходится удивляться, что все мусульманские лидеры сегодняшней России и стран СНГ - выпускники этого медресе. Его закончили верховный муфтий мусульман России Талгат Таджуддин, муфтий Пензенской области Аббас Бибарсов, его сын - Мукаддас Бибарсов - председатель духовного управления мусульман Поволжья, муфтий Татарстана Гусман-хазрат Исхаков. Ахмад Кадыров, кстати, тоже питомец “Мир-Араб”.

Сейчас здесь учится около тысячи студентов. Несмотря на то, что после распада СССР в бывших республиках открылись новые медресе, конкурс в “Мир-Араб” больше, чем в МГУ - 14 человек на место. Основал это учебное заведение в XV веке выходец из Аравии богослов Мир-Араб. Он же убедил бухарского эмира Убойдолохана построить для медресе здание. Находится оно в старинном районе Бухары Шахристане.

Для узбекских медресе, которые, как правило, не имеют куполов, выглядит “Мир-Араб” необычно - у него два купола. Один из них украшает мавзолей. В нем хоронили эмиров и их приближенных. Закрыв медресе, большевики разместили в его здании советские учреждения. До 41-го года в нем располагался военкомат, а во время войны - жили беженцы. Сейчас здесь на первом этаже аудитории, а на втором и третьем комнаты учеников. Живут они по двое - по трое. Обстановка крайне простая, почти монашеская.

В учебную программу медресе входят все светские дисциплины, которые изучают в узбекских школах, - математика, физика, астрономия, информатика. Поэтому диплом “Мир-Араб” признается во всех вузах республики.

Некоторые выпускники медресе выбирают светскую карьеру. Те же, кто хочет продолжить религиозное образование, поступают в Ташкентский Исламский институт имени Аль-Бухари. Кстати, имам обязательно должен иметь высшее духовное образование¹.

Выпускники института сдают четыре экзамена - тафсир, или толкование Корана, фикх - мусульманское право, хадисы - предания о деяниях и речах Пророка, арабский язык. Но читают здесь и светские курсы - историю, иностранные языки, математику, географию и даже экологию. В ислам-

ском университете учатся и женщины. Правда, применить свои знания им удастся разве что при воспитании детей.

Если конец занятий в Исламском институте совпал со временем вечерней молитвы, ее не всегда возглавляет преподаватель. Бывает, что роль имама поручают кому-то из студентов. Это что-то вроде практических занятий.

Здесь же в институтской мечети студенты перед своими сокурсниками учатся произносить проповеди. Искусство говорить с людьми, убеждать их пригодится этим молодым людям в любом случае, как бы ни сложилась их судьба.

Проблематика мусульманского образования в Кыргызстане

Качественное религиозное образование сегодня, это гармоничное развитие отношений между светской и религиозной частью общества страны в будущем.

На современном этапе в исламских образовательных учреждениях Кыргызстана отсутствуют общеобразовательные дисциплины, что свидетельствует о некачественном религиозном образовании. И это явление, к сожалению, приводит к узкому религиозному мышлению и низкому уровню толерантности, что в свою очередь является препятствием для полноценного участия гражданина страны в социальной жизни.

Исламское образование в Кыргызстане, в большинстве случаев, основывается на медресе с пансионным обучением, где, как правило, в программе обучения отсутствуют общеобразовательные дисциплины. О методике преподавания говорить не приходится. После окончания таких “медресе”, у выпускника в голове будет только одна узкая религиозная информация, что не может не созда-

вать трудностей при интеграции в современное общество. В Кыргызстане есть и другие виды медресе, которые объединяют светское обучение с религиозным только в разных зданиях. В этих медресе ребенок учится после школы, или школьные учителя приходят в медресе и преподают дисциплины общеобразовательной программы. Однако медресе такого типа катастрофически мало.

Высшее религиозное образование в Кыргызстане также оставляет желать лучшего, притом что множество проблем рождается после окончания ВУЗа - трудности с признанием дипломов государством, последующее трудоустройство по специальности и многое другое.

Вопрос о регулировании государством религиозного образования путем введения общеобразовательных предметов в религиозные и религиозных предметов в государственные учебные заведения настолько важен, что от него зависит будущее отношения общества к религии.

Было бы целесообразным в первую очередь определить «ключевых игроков» в процессе интеграции между религиозным и светским образованием. Это Духовное Управление Мусульман Кыргызской Республики, Государственная Комиссия по Делах Религии и Министерство Образования и Науки. Представляется необходимым предложить варианты решения проблемы и определить результаты.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Слово “имам” произошло от арабского “амма” - “стоять впереди”. Имам - глава мусульманской общины. Он ведет молитву и произносит пятничную проповедь. Кроме того, имам имеет право устраивать для молодежи занятия по исламским дисциплинам.

Итак, прежде всего для решения назревших проблем в исламском образовании необходимо изучить Ислам без предвзятости, объективно, на научной основе. Также государству необходимо выработать собственную, конкретную религиозную политику в правовой, образовательной и информационно-просветительской сферах. В результате это даст возможность проведения глубокой профилактики подверженности идеям религиозного радикализма, устранения негативно сложившихся стереотипов об Исламе и, наконец, укрепления основ национальной государственности.

Исходя из этого, целесообразно использовать Ислам в качестве «идейного щита». А для этого нужно первым делом модернизировать подходы к религиозному образованию, даже если на это потребуются внесение изменений в закон о религиозном образовании.

В итоге можно сказать, что потребность в религии это социальное явление, искоренять которое не имеет смысла, ее нужно воспринимать не иначе как дар и использовать в решении жизненно важных проблем. И в данной ситуации проблема повышения качества образования должна решаться путем «модернизации», которая явилась бы альтернативой существующей системе и представила бы выбор для граждан.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются современное состояние и наиболее актуальные проблемы развития исламского образования и выстраивании государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации и двух республиках Средней Азии – Узбекистан и Кыргызстан. Отсутствие должного внимания к исламскому образованию со стороны государства, недостаточность стратегического планирования в этой сфере, разорванность и неоднородность исламского образовательного пространства и ряд других проблем являются общими для всего постсоветского пространства.

KARINA AYNUTDINOVA

THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF ISLAMIC EDUCATION IN RUSSIA AND CENTRAL ASIA

SUMMARY

The paper deals with actual state and key problems of development of Islamic education and establishing good relations between government and Islamic communities in Russian Federation and two republics of Central Asia – Uzbekistan and Kyrgyzstan. The lack of proper attention of government towards Islamic education, weak strategic planning in this field, disruption and heterogeneousness of Islamic educational space and quite a few other problems are commonplace for all Post-Soviet regions.

Ключевые слова: исламское образование, Россия, Средняя Азия, мектебы, медресе, джадидизм.

Keywords: Islamic education, Russia, Central Asia, Maktab, Madrasa, Jadidism.

Айнутдинова Карина Артуровна (Казань, Россия) - ассистент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета ТПУ.

Наргиз Ковальчук

О СОСТОЯНИИ СИСТЕМЫ МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Вопрос о модели религиозного образования российских мусульман в настоящее время приобретает все более узкомусульманский характер.

Система мусульманского образования в России начала формироваться в 90-е гг. прошлого столетия. В связи с дефицитом российских преподавательских кадров в исламских учебных заведениях, которые тогда начали открываться в нашей стране, у нас начали работать иностранные миссионеры. Во многих российских заведениях и на базе различных «центров», в частности в Чечне, продолжительное время функционировала сеть квазимедресе, где обучение дополнялось и военной подготовкой.

В различных регионах нашей страны мусульманское образование развивалось и продолжает развиваться по-разному, имея специфическую окраску. Так на Кавказе (северо-запад и центр) прослеживается турецкое влияние, обусловленное тем, что распространение там Ислама шло из Турции. Образовательные учреждения, где обучаются молодые мусульмане с Кавказа, рассредоточены по всей территории Турции. Другая молодежь Кавказа получает образование в арабских странах Ближнего Востока, особенно в Саудовской Аравии. В частности, ряд лидеров мусульманского движения «молодых мусульман» получили образование в исламском университете Эр-Рияда. Мусульмане с северо-восточного Кавказа (Дагестан, Чечня, Ингушетия) отправляются учиться в Сирию (Дамаск), Египет (Каир, «Аль-Азхар»), государства Персидского залива (Саудовская Аравия), выходцы из некоторых районов Дагестана (кумыки, ногайцы) – в Турцию.

Выезд молодежи на учебу за рубеж осуществляется в нашей стране двумя путями – официальному и неофициальному (по частным приглашениям). Официальный канал – это учеба по направлению духовных управлений мусульман (ДУМов) в рамках договоров между ДУМами и учебными заведениями. Такой путь предусматривает стипендии, жилье и пакет социальных услуг. Неофициальный канал таких привилегий не предоставляет, поэтому молодежь бывает вынуждена пользоваться услугами джааматов и их фондов.

Такая разногласия в сфере мусульманского образования российской

молодежи требует переосмысления места и роли самой системы мусульманского образования в нашей стране в контексте урегулирования взаимодействия государства и исламских учебных заведений.

Президент РФ Д. Медведев высказался за необходимость жесткого контроля за теми, кто выезжает из России на обучение в зарубежные исламские вузы, и выразил мнение за заключение долгосрочных договоров с признанными исламскими образовательными центрами. «Контроль должен быть обязательно и не только с точки зрения того, что они выезжают в государства, откуда они могут привезти «неправильный» Ислам. Прежде всего, это наши граждане и мы должны понимать, что с ними будет твориться», - сказал Медведев в ходе встречи в Сочи с муфтиями и главами регионов Северного Кавказа 28 августа 2009 года. Вместе с тем, как подчеркнул президент, в рамках единого порядка, по которому будет осуществляться выезд на обучение в зарубежные исламские вузы, мы не должны изолироваться от исламского мира. Однако мы как крупное государство, в котором живут представители разных конфессий, должны иметь свои соответствующие заведения, где будут работать квалифицированные преподаватели. По заявлению Д. Медведева, нужно делать « и то, и другое – собственное мусульманское образование развивать и контактировать с исламскими центрами, но действовать при этом внимательным образом». [1]

В этой связи ректор Северо-кавказского университета Ш.Чогаев заявил, что наши граждане должны получать духовное мусульманское образование в России, позже, если это необходимо, проходить стажировку в арабских странах. Он предложил определить 10-15 зарубежных вузов, заключить с ними контракты и отправлять туда

российских мусульман только по официальным каналам по направлениям ДУМов.

Президент Дагестана М.Алиев полагает, что повышение качества российского исламского образования дает возможность сократить отток студентов в зарубежные мусульманские вузы и они, возвращаясь, не будут испытывать трудности, адаптируясь на своей родной земле. [1]

В настоящее время на территории ЮФО (южный федеральный округ) существует ряд средних и высших учебных заведений, но некоторые из них не имеют лицензий на право ведения образовательной деятельности. В Татарстане, Чечне, Ингушетии, Астраханской области, Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республиках функционируют ВИУ-Зы, обладающие лицензиями Министерства Образования и Науки РФ на право ведения образовательной деятельности.

Как подчеркивают эксперты-исламоведы, в качестве регионального базового учебного центра для мусульман Кавказского региона могут служить Северо-Кавказский Университет (Дагестан) и Исламский институт (Кабардино – Балкария, г. Нальчик).

В Татарстане (г.Казань) кроме ВИУЗА «Российский Исламский Университет», Ислам с научных и светских позиций изучается в институте иностранных языков (восточное отделение) Татарского государственного гуманитарно – педагогического университета, где студенты в рамках своей специальности (арабский, английский языки) познают историю и культуру Ислама. Рациональное сочетание изучаемых дисциплин способствует формированию у студентов толерантного отношения к представителям разных народов и конфессий. Подобные группы были сформированы в университете в 2007 году по

инициативе руководства республики и лично президента М. Шаймиева. Такая позиция обусловила факт, что именно в столице Татарстана Казани, которая традиционно считается перекрестком восточных и западных культур и цивилизаций, оазисом толерантности и взаимопонимания между Исламом, Христианством и другими религиозными конфессиями, проводится реализация программы РФ по подготовке специалистов с углубленным изучением истории и культуры Ислама. В этом же ключе идет преподавание курса языкознания (автор статьи читает курс в этих группах и имеет многолетний опыт работы), в процессе которого студенты познают социальную природу и сущность языка, знакомятся с культурно-языковыми союзами, объединенными общим культурно-историческим прошлым, в частности, что один культурно-исторический союз охватывает языки Европы, другой – страны Азии и Африки (где распространен Ислам), третий – Индию и страны Юго-Восточной Азии, четвертый – Китай, Корею, Японию, Вьетнам. При изучении курса особое внимание обращается на характеристику языка как некоего концентрата культуры нации, воплощенного в различных группах культурно – языкового общества. Обращается особое внимание на языки как инструмент культуры, формирующей личность человека, который с помощью языка познает традиции и обычаи, науку, искусство, религию своего народа, специфический культурный образ мира. [2] При изучении данного курса внимание студентов также акцентируется на важнейшем достижении современной лингвистики, когда язык не рассматривается «в самом себе и для себя», а предстает в новой парадигме с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Знания о мире, социальном,

контексте, о принципах речевого общения и т.д. приближает студентов к пониманию проблем когнитивной лингвистики, лингвистики будущего, важнейшим объектом которого является концепт – ментальная сущность, имеющая имя в языке, воплощающая и отражающая культурно-национальное представление человека о мире в целом. Вышеуказанные и другие разделы науки о языке красной нитью проходят на лекциях и семинарских занятиях, обогащая миропонимание, формируя взаимопонимание и толерантность по отношению к разным народам, их культуре, искусству, конфессиям. [3]

Исламовееды-эксперты утверждают, что назрела необходимость расширения образовательной программы в высших мусульманских учебных заведениях России. В частности, кроме изучения арабского языка Корана, исламской юриспруденции, истории ислама, ритуала и т.д., необходимо включение в программы истории, психологии, политологии, экономики и др., а самое главное совместить преподавание с освещением таких современных актуальных проблем человечества, как распространение мирных технологий, экологический кризис, международный терроризм и т.д.

Определенные усилия в плане введения светских дисциплин в программу мусульманских учебных заведений предпринимаются в Исламских университетах (Москва, Уфа) и др. Однако, как указывают ученые, этот процесс требует тщательного и всестороннего рассмотрения, то есть проблема может быть решена путем привлечения преподавателей светской высшей школы из числа этнических мусульман. В частности, в целях придания религиозному образованию просветительского характера с расширением светского направления можно изучать историю развития

мусульманского реформаторского движения – джадидизма, имевшего широкое распространение на рубеже 19-20вв. в среднем Поволжье и в Крыму.

Суммируя вышеизложенное, необходимо сделать вывод о том, что исходя из специфики развития общественно-политических процессов в

России, необходимо создать в нашей стране российскую модель мусульманского образования, которая способствовала бы минимализации межконфессиональной напряженности и нейтрализации негативных тенденций влияния религиозного экстремизма на Ислам в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев Д. предложил «дать зеленый свет» исламским вузам. Газета «Взгляд» www.vz.ru
2. Вендина Т.И. Введение в языкознание.- М.: Высшая школа, 2005, -С.70-75.
3. Замалетдинов Р.Р. Проблемы соотношения концептуальной и языковой картин мира. В сб. Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы.- Казань, 2009-С.252 – 256
4. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. - М.,1998.-С.79-80.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается современное состояние мусульманского образования в России, оцениваются различные факторы, влияющие на формирование религиозных убеждений выпускников мусульманских учебных заведений в России и за рубежом. Автор предлагает уделять больше внимания разработке национальной модели мусульманского образования, которая должна основываться на воспитании культуры межконфессиональной толерантности. В программу обучения мусульманских специалистов должны в большем объеме вводиться светские дисциплины, в том числе новейшие достижения современной лингвистики.

NARGIZ KOVALCHUK

ON THE SYSTEM OF ISLAMIC EDUCATION IN RUSSIA

SUMMARY

The paper deals with actual state of Islamic education in Russia and appraises different factors affecting the process of shaping of religious convictions of graduates of Islamic higher education institutions in Russia and abroad. The author proposes to pay more attention to working out of Russian model of Islamic education which should be based on fostering of tolerance toward all confessions. The curricula of Muslim educational institutions should include secular disciplines as well as the last achievements of modern linguistics.

Ключевые слова: мусульманское образование, толерантность, межконфессиональное согласие, экстремизм, подготовка специалистов с углубленным изучением истории и культуры Ислама.

Keywords: *Islamic education, tolerance, interconfessional peace, extremism, training of specialists with advanced study of history and culture of Islam*

Ковальчук Наргиз Галимзяновна (Казань, Россия) – кандидат педагогических наук, доцент Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ).

Ильдар Малахов

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ

Можно с уверенностью говорить, что в России в конце 19 и начала 20 вв. система мусульманского образования была сформирована. Эта уверенность основана на полемике между различными методологическими школами преподавания в медресе, под которыми я имею в виду кадимистов и джадидистов. Однако следует учитывать, что современное общество, в котором мы пытаемся возродить исламскую систему образования, в корне отличается от общества того времени, когда эта система была разрушена. В то время в своей основе общество было религиозным, сегодня же мы восстанавливаем систему исламского образования в атеистическом обществе и некоторой степени среди неофитов, которые не всегда правильно трактуют и применяют на практике установления шариата. Между тем шариат известен своей гибкостью и возможностью адаптироваться к изменяющимся условиям, на протяжении веков он доказал свою способность сосуществовать с различными системами государственного правления. Необходимо учитывать это при восстановлении и воссоздании системы исламского образования.

При этом образовательный процесс должен быть построен с учетом традиций. Хотя мы знаем, что исламская религия стоит над расовой и национальной принадлежностью, но вместе с тем обычаи и традиции народов являются одним из источников шариата после Корана, сунны, иджма¹ и кыяса. В условиях глобализации, обучая исламу в отрыве от традиций, мы рискуем получить «квазиэтнос», который не будет связан с прошлым, а значит, и с будущим своего народа и государства. Некоторой иллюстрацией такому обучению могут служить так называемые «ваххабиты». Вместе с тем чрезмерный упор на традицию может привести к другой форме религиозного экстремизма, когда приверженцы традиции не признают последователей других учений. Это явление можно наблюдать в некоторых регионах России.

На сегодняшний день преподавательский состав медресе и высших исламских заведений Башкортостана, за редкими исключениями, сформирован из людей, не имеющих специального педагогического образования, что естественно сказывается на организации учебного процесса. Также следует отме-

медресе могут возникнуть иждивенческие настроения. А ведь, по сути, имам это человек, который, выступая в роли духовного наставника и лидера, добровольно берет на себя дополнительную общественную нагрузку. Он никак не должен восприниматься общиной как иждивенец. Сегодня же наше общество еще не до конца готово платить деньги за содержание имама и за исполнение религиозных обрядов и не склонно рассматривать мечеть как здание, содержать которое должны сами прихожане. С учетом невысокого уровня доходов основной массы прихожан, постоянного роста цен на ЖКХ, медицинское обслуживание и образование, не все готовы платить закат или садаку.

Для решения этого вопроса, медресе им. М. Султановой дает своим учащимся дополнительное образование. В частности, углубленные знания пользователя ПК, делопроизводство и основы программирования. Это позволит выпускникам найти дополнительную работу на селе, например в качестве преподавателя информатики в школе. Это стало возможным благодаря тесному сотрудничеству с Башкирским Государственным Педагогическим университетом им. М. Акмуллы в рамках уже упоминавшейся программы по подготовке специалистов по истории и культуре ислама, направленной на профилактику экстремизма и формирование у обучающихся установок толерантности.

Несмотря на то, исламские учебные заведения ежегодно готовят специалистов, многие сельские приходы по-прежнему не имеют образован-

ных имамов. Сами приходы не занимаются решением этого вопроса, т.е. не направляют на учебу подходящих для себя кандидатур и не подают заявок по подготовке специалистов. А направленный без приглашения в сельскую мечеть выпускник медресе в большинстве случаев будет отторгнут. Потому что, как правило, выпускник медресе ничего не умеет делать, кроме как возглавлять богослужение. А функции имама, если брать пример с пророка Мухаммеда, гораздо шире. И как уже отмечалось, общество еще не готово брать на себя обязательства по содержанию имама.

Кроме того, в связи с тем, что большинство мечетей находится в деревнях, выявляется еще одна проблема, скорее всего психологическая. Выпускники университетов не всегда готовы к работе в деревне. В этой связи необходимо укреплять и расширять среднее звено мусульманского образования, а именно медресе.

Очевидно, что мусульманская община России неизбежно будет пополняться мигрантами из Средней Азии, а также собственно россиянами, получившими образование в арабских странах. Выпускникам медресе необходимо будет выстраивать с ними конструктивные отношения, и находить общий язык.

В заключение, хочу сказать, что будет целесообразным, чтобы студенты исламских учебных заведений получали полноценную светскую специальность. Это позволит им прокормить себя, не будучи зависимыми от благосостояния прихода.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются современное состояние и проблемы исламского образования в Республике Башкортостан. Автор подчеркивает, что система исламского образования должна опираться на традиции прошлого и учитывать региональную и этническую специфику республики. Основными проблемами выпускников исламских учебных заведений остаются невостребованность на рынке труда, низкий образовательный уровень и отсутствие светской специальности.

ILDAR MALAKHOV

THE ACTUAL STATE AND PROBLEMS OF ISLAMIC EDUCATION IN BASHKORTOSTAN

SUMMARY

The paper deals with actual state and problems of Islamic education in the Republic of Bashkortostan. The author emphasizes that Islamic educational system should be based on tradition of historic past and consider regional and ethnical peculiarities of the Republic of Bashkortostan. Among main problem which graduates of Islamic institutions of higher education encounter are very low demand for them in labor-market, their low educational level and lack of secular training.

Ключевые слова: Башкортостан, исламское образование, медресе, имам, кадровая политика, трудоустройство.

Keywords: Bashkortostan, Islamic education, Madrasa, Imam, manpower policy, employment.

Малахов Ильдар Загидуллович (Уфа, Россия) – директор медресе им. М.Султановой (г. Уфа, Республика Башкортостан).

Станислав Прозоров

НАУЧНОЕ ИСЛАМОВЕДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Будучи сотрудником специализированного востоковедного академического института, я вот уже более сорока лет занимаюсь «классическим» исламоведением. Кроме того, на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета много лет читаю с магистрантами оригинальные арабо-исламские тексты разных жанров и школ и два спецкурса лекций по составленным мной программам – «Введение в исламоведение» и «Ислам как идеологическая система». И в течение всего этого времени мое отношение к исламу не зависело от идеологической конъюнктуры в стране. Это дает мне моральное право высказать некоторые соображения о проблемах научного академического исламоведения и исламского образования в России.

Прежде всего, необходимо внести ясность в содержание понятия «научное», или «академическое» исламоведение. Его отличают:

1) широта источниковедческой базы, опора на оригинальные арабографические сочинения, контекстно-исторический подход к содержащимся в них сведениям;

2) владение понятийным аппаратом ислама, передающим специфику и общие принципы этой религиозной системы;

3) методологический подход к изучению ислама как самостоятельной идеологической системы, общие принципы которой лежат в основе многообразия форм их истолкования.

Крупнейшие представители российской школы научного исламоведения – В.В.Бартольд (1869-1930), А.Э.Шмидт (1871-1939), И.Ю.Крачковский (1883-1951), Е.Э.Бертельс (1890-1957), И.П.Петрушевский (1898-1977).

Академическое исламоведение не занимается критикой ислама, тем более атеистической пропагандой, его задача – предоставлять российскому обществу непредвзятую информацию об исламе и духовных ценностях и ориентирах его последователей.

Научное исламоведение и исламское образование в России могут и должны быть союзниками в преодолении невежества в обществе в отношении ислама. Алгоритм здесь простой: вера без знаний слепа, а невежество – питательная

среда для фанатизма, для нетерпимости по отношению к инакомыслящим. Чем меньше человек знает, тем легче его убедить в истинности внушаемой ему мысли. Пропаганда «исключительности», «совершенства» ислама провоцирует несведущих мусульман к конфронтации с теми, кто не разделяет их взглядов.

Идеализация ислама за счет искажения его истории не может принести тех плодов, на которые рассчитывают официальные или самозванные «защитники» ислама. Пример с комментариями к недавно опубликованному переводу Корана на русский язык, в котором утверждается, что текст «Священного» Корана был отредактирован самим Мухаммадом. При этом сохраняется традиционная версия об «Османовой» редакции Корана. Автора этих комментариев не смущает абсурдная ситуация, чтобы халиф решился «править» текст, отредактированный самим Пророком.

Абсолютизируя толерантность ислама, его «защитники» умалчивают о том, что сам Мухаммад менял свое отношение к иноверцам, в частности, к иудеям. История распространения ислама знает немало примеров далеко не толерантного отношения властей не только к внешним «врагам», но и к инакомыслящим внутри мусульманской общины (например, к му'тазилитам, аш'аритам, хариджитам и т.д.).

В последние два десятилетия в России изданы комментированные переводы Корана на русский язык, подготовленные последователями ислама, не знакомыми с переводческими традициями российской арабистики и научного исламоведения. В основе идеологической позиции авторов таких переводов и комментариев лежит идеализация ислама, идея его превосходства как самой совершенной и универсальной религии. Эти

задачи мусульманские авторы решают не только путем внесения в коранический текст дополнений в виде соответствующих определений, но и путем недопустимой подмены текста Корана его расширенным толкованием.

В результате такого вмешательства стирается грань между сакральным текстом Священного Писания и его целенаправленной интерпретацией, которая на протяжении веков менялась в зависимости от объективных и субъективных факторов. В мусульманской экзегетике находили отражение новые реалии мусульманского мира, историко-культурные традиции мусульманских народов, региональная специфика, приверженность авторов разным богословско-правовым школам и течениям ислама и т.д.

Идеология не существует сама по себе, ее формируют и реализуют люди, и «что посеешь, то и пожнешь». Стремление «обелить» («подправить») ислам ссылкой на «ошибочное» толкование отдельных аятов Корана средневековыми мусульманскими богословами, это – тоже лукавство и претензия на то, что нынешние толкователи Священного писания знают истинный смысл его содержания. При этом «забывают» (сознательно или по невежеству), что мусульманская экзегетика существует уже более 13-ти веков, в ходе которых представители многочисленных школ экзегетики написали тысячи томов, посвященных толкованию Корана. И, как известно, ни одна из экзегетических школ не стала господствующей в исламе и признанной во всем мусульманском мире.

Идеализация ислама как самой совершенной и толерантной религии и фактическое противопоставление его другим религиям не способствуют сложению позитивного образа последователей ислама в немусульманской среде и созданию атмосферы реаль-

ной толерантности в российском обществе. Конфронтационная позиция проповедников ислама (выражения вроде «враги ислама», «злопыхатели ислама» и т.п.), их претензии на «избранность» и «превосходство» ислама над другими религиями и верованиями (например, размещенный на сайте tatarlar.spb.ru лозунг «Самая Великая и Истинная Вера во Вселенной, это – Ислам! Все татары – часть этой Великой Веры!») порождают в российском обществе тенденцию к отчужденности и разобщенности, провоцируют межэтническую и межконфессиональную напряженность.

Плохую службу в деле просвещения российского общества в отношении ислама оказывает наводнившая книжный рынок печатная продукция на темы ислама, в которой трудно ориентироваться даже более или менее «продвинутому» читателю. К этому следует добавить публикации в Интернете и СМИ. Создается впечатление, что в России «исламоведов» больше, чем мусульман. Авторами этих публикаций и интервью часто выступают носители ученых званий и важных титулов, не являющиеся в сущности профессиональными исламоведами, но бойко и безапелляционно пишущие и рассуждающие об исламе. Свою лепту в это неблагоприятное дело вносят конъюнктурные политологи, ангажированные публицисты, невежественные «защитники» ислама.

Представители российского научного (академического) исламоведения и мусульманские ученые, служители исламского культа должны исходить из интересов российского общества в целом, заключающихся в том, чтобы их научная и практическая деятельность способствовала комфортному сосуществованию россиян независимо от их вероисповедания и образа жизни. Идеализация ислама и факти-

ческая фальсификация его истории, равно как и антиисламская истерия, не отвечают интересам российского общества.

В качестве одного из шагов на пути возможного сотрудничества представителей академического исламоведения и мусульманских ученых в области исламского образования в России предлагаю свою авторскую программу спецкурса «Ислам как идеологическая система». Количество лекционных часов и семинарских занятий может варьироваться в зависимости от подготовленности аудитории, но для облегчения восприятия концепции этой программы целесообразно использовать ее после прочтения курса «Введение в исламоведение»¹.

Предлагаемая программа не имеет юридического статуса, но она может способствовать формированию более широкого и не предвзятого взгляда на ислам среди студентов, а через них и в российском обществе в целом.²

Ислам как идеологическая система

Цели и задачи спецкурса: дать магистрантам конкретное и комплексное представление об исламе, понимание механизма его функционирования как идеологической системы; ознакомить с понятийным аппаратом ислама, с многообразием форм бытования этой религии.

Каждая тема рассматривается не изолированно, не как сумма сведений и фактов, а как составная часть (элемент) идеологической системы ислама. Запланировано использование иллюстративного материала (схемы, фото, фильм).

Спецкурс предусматривает проведение 2-3 *контрольных семинаров* для проверки усвоения материала лекций и умения его излагать.

В конце каждой лекции – *экспресс-вопросы* (основные понятия, ключевые слова, на которые студенты должны кратко ответить в письменной форме), *экзаменационные вопросы* (3-4) и *обязательная литература* по теме.

По завершении курса лекций магистрантам предлагается 30-35 *экзаменационных вопросов*.

Общее лекционное время – 28-32 часа.

Общий план спецкурса

Вводная часть (2 часа)

Основные темы лекций:

I. Специфика ислама как религии (2 часа)

II. «Божественный закон» (*аш-Шари‘а*) и мусульманское богословие (*ал-‘илм ал-илахи*): общая характеристика, структура (2 часа).

III. Экзегетика (*‘илм ал-Кур‘ан ва-тафсирихи*) (2 часа).

IV. «Наука о Предании» (*ас-Сунна ва-‘илм ал-хадис*) (2 часа).

V. Методология права (*‘илм ал-усул*) (2 часа).

VI. «Наука о религиозных обязанностях» (*‘илм ал-фикх, ал-аркан ал-хамса*) (2 часа).

VII. Догматика (*‘илм ал-‘ака‘ид, ‘илм ал-калам*) (2-4 часа).

VIII. Господствующие идеи ислама (2-4 часа).

IX. Суфизм (*‘илм ат-тасаввуф*) как форма истолкования и бытования ислама (2-4 часа).

X. Ислам как образ жизни мусульман (2 часа).

Тема I

Специфика ислама как религии.

Краткий план лекции:

1. Теократический характер правления Мухаммада.

2. Три стадии развития ислама.

3. Ислам единый, ислам региональный.

Экзаменационные вопросы:

Специфика догматико-правовой

системы ислама и ее отражение в богословии.

Единство и многообразие ислама.

Обязательная литература:

Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. М., ИФВЛ, 2004.

Тема II

«Божественный закон» (*аш-Шари‘а*) и мусульманское богословие (*ал-‘илм ал-илахи*): общая характеристика, структура

Краткий план лекции:

1. Понятийный аппарат ислама как религии.

2. Зарождение и формирование мусульманского богословия (*ал-‘илм ал-илахи*).

3. Структура мусульманского богословия.

4. Специфика ислама и ее отражение в мусульманском богословии.

5. Ислам и католицизм.

Экспресс-вопросы:

ал-‘амал, ал-ахкам, ал-ахкам аш-шар‘ийа, ад-дин ал-ислами, ал-икрар би-л-лисан (би-л-каул), ‘илм ал-‘ака‘ид, ал-‘илм ал-илахи, ‘илм ал-калам, ‘илм ал-Кур‘ан ва-тафсирихи, ‘илм ал-усул, ‘илм ал-фикх, ‘илм ал-фуру‘, ‘илм ал-хадис, ал-иман, ал-ислам, ал-и‘тикад, ал-ихсан, ал-ма‘рифа, мутакаллим(ун), ‘улама’, усул ад-дин, факих/фукаха’, *аш-Шари‘а*/Шари‘ат.

Экзаменационные вопросы:

1. Зарождение и формирование мусульманского богословия.

2. Структура мусульманского богословия.

3. Специфика ислама и ее отражение в мусульманском богословии.

4. Ислам и католицизм.

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Исламское образование в России и за рубежом

Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. - М., ИФВЛ, 2004.

Тема III

Экзегетика (‘илм ал-Куран ва-тафсирихи)

Краткий план лекции:

1. Начало и причины зарождения «науки о толковании Корана» (‘илм ат-тафсир).
2. Становление жанра историко-филологического толкования Корана (ат-тафсир).
3. Зарождение символично-аллегорического (эзотерического) направления в «науке о толковании Корана» (ат-та’вил).
4. Классификация коранического текста и попытка компромисса между «буквалистами» и «рационалистами».
5. Эзотерическое толкование Корана.
6. Реформистская экзегетика рубежа XIX-XX вв.
7. Роль мусульманской экзегетики в формировании догматико-правовой системы ислама.

Экспресс-вопросы:

айат, ал-‘амма, асхаб ал-хадис, ахл ал-батин, ахл аз-захир, ал-‘илм, ‘илм ат-тафсир, ‘илм ал-фикх, ‘илм ал-хадис, куссас, ас-сунна, ат-та’вил, ат-тафсир, ал-хасса.

Экзаменационные вопросы:

Мусульманская экзегетика (‘илм ат-тафсир) как отрасль богословия.

Мусульманская экзегетика: экзотерическое толкование Корана (ат-тафсир).

Мусульманская экзегетика: эзотерическое толкование Корана (ат-та’вил).

Школы эзотерического толкования Корана.

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. - М., 1991.

Р.Белл, У.М.Уотт. Коранистика. Введение. - М.-СПб, 2005.

Тема IV.

«Наука о Предании» (ас-Сунна ва-‘илм ал-хадис)

Краткий план лекции:

1. «Наука о Предании» как отрасль мусульманского богословия.
2. Ас-Сунна – легитимный способ и норма толкования Корана.
3. Ас-Сунна как источник исламского вероучения.
4. Ас-Сунна – источник мусульманского права.
5. Ас-Сунна и формирование религиозного культа.
6. Ас-Сунна – оружие в идеологической борьбе.
7. Место ас-Сунны в духовной жизни и в быту мусульман.

Экспресс-вопросы:

ал-асхаб/ас-сахаба, асхаб ар-ра’й, асхаб ал-хадис, иджаза, ‘илм ал-хадис, иснад, матн, мусаннаф, муснад, мухаддис, ас-сунна, табакат, усул ал-хадис, ал-хабар/ал-ахбар, хадис/ахадис.

Экзаменационные вопросы:

«Наука о предании» (‘илм ал-хадис) как отрасль мусульманского богословия.

Ас-Сунна как источник исламского вероучения и права.

Место ас-Сунны в духовной жизни и в быту мусульман.

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. - М., 1991 (статья: ас-Сунна).

Ислам. Историографические очерки. - М., 1991 (Раздел «Хадисы и хадисная литература»).

Хрестоматия по исламу. Составитель и отв. ред. С.М.Прозоров. - М., 1994.

Тема V

Методология права ('илм ал-усул)

Краткий план лекции:

1. *Т'лм ал-усул* как одна из отраслей мусульманского богословия.

2. Систематизация и классификация источников права (*усул ал-фикх*). «Послание» (*ар-Рисала*) аш-Шафи'и (ум. в 820 г.). Четыре источника права (*ал-усул ал-арба'а*): ал-Кур'ан, ас-Сунна, *ал-кийас* («аналогия») и ал-иджма' («согласие»).

3. *Т'лм ал-усул* и догматика ('илм ал-'ака'ид).

4. *Т'лм ал-усул* и «наука о религиозных обязанностях», вероучение ('илм ал-фикх, ал-аркан ал-хамса).

5. Роль богословско-правовых школ (*мазхабов*) в узаконении региональной специфики бытования ислама.

Экспресс-вопросы:

ал-аркан ал-хамса, ал-иджма', ал-иджтихад, 'илм ал-усул, 'илм ал-фикх, ал-кийас, мазхаб, ал-усул ал-арба'а, усул ал-фикх, фуру' ал-фикх.

Экзаменационные вопросы:

Методология права ('илм ал-усул) как одна из отраслей мусульманского богословия.

Систематизация и классификация источников (*усул ал-фикх*) мусульманского права.

Роль богословско-правовых школ (*мазхабов*) в узаконении региональной специфики бытования ислама.

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. - М., 1991.

Сюкияйнен А.Р. Мусульманское право. - М., 1986.

Тема VI

«Наука о религиозных обязанностях» ('илм ал-фикх)

Краткий план лекции:

1. *Т'лм ал-фикх* как одна из отраслей богословия (*ал-фикх-право*, «практическая» религия, *аркан ал-ислам*, *ал-аркан ал-хамса*, ислам).

2. Два уровня исламского вероучения. Практика и письменная фиксация единообразия в исполнении религиозных предписаний.

3. *Т'лм ал-фикх* и экзегетика.

4. *Т'лм ал-фикх* и «наука о Предании».

5. *Т'лм ал-фикх* и догматика. *Аш-Шахада* («символ веры») - «корень» главных догматов ислама.

6. Роль 'илм ал-фикх в идеологической системе ислама: догматико-правовой, этический и социально-политический аспекты.

7. Роль 'илм ал-фикх в единении исламского мира.

Экспресс-вопросы:

ал-джихад, аз-закат, ал-'ибадат, 'илм ат-таухид, 'илм ал-фикх, ас-салат, ас-саум, ат-та'ат, усул ал-фикх, фуру' ал-фикх, ал-хаджж, аш-шахада.

Экзаменационные вопросы:

«Наука о религиозных обязанностях» ('илм ал-фикх) как одна из отраслей мусульманского богословия.

Практика и письменная фиксация единообразия в исполнении религиозных обязанностей.

Роль 'илм ал-фикх в идеологической системе ислама.

Роль 'илм ал-фикх в единении исламского мира.

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991.

Тема VII

Догматика ('илм ал-'ака'ид, 'илм ал-калам)

Краткий план лекции:

1. Догматика как одна из отраслей богословия.

Исламское образование в России и за рубежом

1,1. Спекулятивная система догматов (*ал-усул ал-хамси*) и догматическое богословие.

1,2. *Усул ад-дин* («основы веры») – учение об общих принципах веры и методология догматического богословия.

1,3. Учение о единобожии (*'илм ат-таухид*) как идейный стержень догматики.

2. Догматика и народные верования.

2,1. *'Илм ат-таухид* и обожествление человека.

2,2. *'Илм ат-таухид* и вера в потусторонние силы.

2,3. Мухаммад – «печать пророков» (*хатам ал-анбийа'*) и последующие выступления претендентов на пророческую миссию.

2,4. Эсхатология в богословской литературе и в народных представлениях (воскресение, божий суд, заступничество, рай и ад).

2,5. Мессианские идеи и махдистские движения: суннитский *ал-махди* и ши'итский *ал-ка'им*.

Экспресс-вопросы:

ал-'адл, 'азаб ал-кабр, ал-'акида/ал-'ака'ид, ал-амр би-л-ма'руф ва-н-нахй 'ан ал-мункар, ал-аслах, ал-ахира, ахл ал-калам/ахл ан-назар, ахл ат-таухид ва-л-'адл, ал-ва'д ва-л-ва'ид, ал-васийа, ал-вилайа, ал-джанна, джаханнам, 'илм ал-'ака'ид, 'илм ал-калам, 'илм ат-таухид, йаум ад-дин, йаум ал-кийама, йаум ал-хашр, йаум ал-хисаб, ал-ка'им, ал-калам, ал-кийама, ал-ма'ад, ал-манзила байна-л-манзилатайн, ал-махди, ал-мизан, му'джиза, мутакаллим, ан-нар, ан-нубувва, ар-радж'а, ас-са'а, ас-сират, ас-сират ал-мустахим, ат-танасух, ат-таухид, усул ад-дин, ал-усул ал-хамса, хатам ал-анбийа', аш-шафа'а.

Экзаменационные вопросы:

Догматика (*'илм ал-'ака'ид*, *'илм ал-калам*) как одна из отраслей богословия.

Основные догматы (*ал-'ака'ид*) ислама.

Догматика и народные верования.

Обязательная литература:

Прозоров С.М. Ислам как идеологическая система. - М., ИФВЛ, 2004.

Хрестоматия по исламу. Сост. и отв. редактор С.М.Прозоров. - М., ИФВЛ, 1994 (Раздел IV. Догматика. Идейные расхождения в исламе).

Ислам. Энциклопедический словарь. - М., 1991.

Тема VIII

Господствующие идеи ислама

Краткий план лекции:

1. Специфика ислама как религии. Теократическое правление Мухаммада.

2. Природа верховной власти: раскол (ши'иты, сунниты, хариджиты, догматико-правовые школы, идейные течения), предопределивший идейную борьбу и расхождения в исламе.

3. Вера.

3,1. Предопределение (*ал-джабр*) или свободы воли (*ал-кадар*)?

3,2. Проблема «истинной» веры (*ал-иман*) и греха (греховности).

4. Единобожие (*ат-таухид*): единство и единственность Аллаха.

4,1. Природа божества. Божественная сущность (*аз-зат*) и божественные атрибуты (*ас-сифат*). Антропоморфный (*ат-ташбих*) или абстрактный, трансцендентальный (*ат-та'тил*) Творец? Дуализм исма'илитов (Мировой Разум и Мировая Душа).

4,2. Божественная справедливость (*ал-адл*).

5. Идея пророчества. Пророческие циклы.

6. Природа Священного Писания.

5,1. Сотворенность (*махлук*) / не-сотворенность (*гайр махлук*) Корана.

7. «Правоверие» (*ад-дин ал-кавим*) и «заблуждение» (*ад-далал/ад-далала*) в исламе – концентрированное отра-

жение господствующих идей в исламе и расхождений по ним.

8. Мессианские идеи: суннитский ал-махди, ши'итский *ал-ка'им*.

9. Потусторонний мир: рай и ад, воскресение, переселение душ (метемпсихоз).

Экспресс-вопросы:

ал-адл, ал-ахира, ал-бид'а, ад-далал/ад-далала, ал-джабр, ад-дин ал-кавим, аз-зат, ал-имама/имамат, ал-иман ал-кадар, ал-ка'им, ал-кийама, ал-махди, махлук/гайр махлук, ас-сифат, ат-танасух, ат-та'тил, ат-таухид, ат-ташбих, ал-хилафа/халифат.

Экзаменационные вопросы:

Мусульманские концепции верховной власти.

Проблема веры: «правоверие» и «заблуждение» в исламе.

Предопределение или свобода воли?

Идея единобожия: сущность и атрибуты Аллаха.

Обязательная литература:

С.М.Прозоров. Ислам как идеологическая система. - М., 2004.

Хрестоматия по исламу. Составитель и отв. редактор С.М.Прозоров. - М., 1994.

Тема IX.

Суфизм (мусульманский мистицизм, 'илм ат-тасаввуф) как форма истолкования и бытования ислама

Краткий план лекции:

1. Многоликость суфизма:

а) «умеренный», монотеистический суфизм;

б) «крайний», пантеистический суфизм;

в) суфизм «трезвый» и суфизм «опьяняющий».

2. Суфийский «гносис» (*ал-ма'рифа*, *ал-'ирфан*):

а) суфийские практики («упражнения»/*рийада*, «уединение»/*хауля*);

б) теория «озарения» (*ал-ишрак*);

в) экстаз как способ духовного общения (единения) с Богом.

3. Суфизм как особый, мистический путь (*ат-тарика*) познания Бога:

а) «состояния» (*ал-ахвал*), «привалы» (*ал-маназил*) и «стоянки» (*ал-макамат*) (лестничные пролеты и площадки многоэтажного дома);

б) *ал-фана* и *ал-бака* как высшая ступень на пути познания Божественной Истины.

4. Мусульманский мистицизм в идеологической системе ислама:

а) суфизм и Священное Писание (экзегетика, 4 уровня коранического текста, транс как способ раскрытия сокровенного смысла Корана, Коран как закодированная Вселенная);

б) суфизм и мусульманское Предание;

в) суфизм и мусульманское право;

г) суфизм и догматика (единобожие);

д) суфизм и исламский культ (нормативные предписания).

5. Влияние суфийских учений на религиозную практику мусульман.

а) учение об «угодничестве» («святости», *ал-валайа*), культ «божьих угодников» («святых», *ал-аулийа*), иерархия «святых»;

б) культ пророка Мухаммада (образ «совершенного человека», обладание сверхъестественными знаниями, пророческие чудеса, обожествление).

б. Роль суфиев в формировании регионального ислама.

Экспресс-вопросы:

ал-аулийа', ал-ахвал, ал-бака, ал-валайа, вахдат ал-вуджуд, завийа, аз-зухд, 'илм ат-тасаввуф, ал-инсан ал-камил, ал-'ирфан, ал-ишрак, ал-карамат, кутб, ал-макамат, ал-маназил, ал-ма'рифа, ал-махабба, риджал ал-гайб, ар-рийада, ас-сабр, силсила, ат-

Исламское образование в России и за рубежом

таваккул, ат-тарика, ал-факр, ал-фана, ал-хасса, хаула.

Экзаменационные вопросы:

Суфизм как особый, мистический путь (*ат-тарика*) познания Бога.

Мусульманский мистицизм в идеологической системе ислама.

Влияние суфийских учений на религиозную практику мусульман.

Роль суфиев в формировании регионального ислама.

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. - М., 1991.

Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. - М.-СПб.: Диля», 2004.

Тема X

Ислам как образ жизни мусульман

Краткий план лекции:

1. Исламский культ.

1.1. Мечеть как исламский культовый храм.

1.2. Мечеть как общественное заведение и место обучения.

1.3. Богослужение.

1.4. Пятничная проповедь (*ал-хутба*).

1.5. Религиозный этикет.

2. Система образования.

3. Праздники.

4. Обряды.

5. Семейный этикет.

Экспресс-вопросы:

азан, джаназа, ду'а, 'ибадат, лахд, мадраса, мактаб, минбар, михраб, мударрис, мусалла, нафила/навафил, никах, хатиб, хитан, ал-хутба.

Экзаменационные вопросы:

Мечеть как исламский культовый храм.

Система образования в исламе.

Мусульманские праздники.

Обязательная литература:

Ислам. Энциклопедический словарь. - М., 1991.

Мей А. Мусульманский ренессанс. - М., 1973.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. С.М.Прозоров. *Классическое исламоведение (Введение в исламоведение). Программа спецкурса лекций для студентов Восточного факультета СПбГУ. - Санкт-Петербург, 2009, 95 с.*

2. *Разные аспекты этой проблемы рассмотрены в опубликованных мной статьях: Целевая комплексная программа «Ислам в России» // Oriens/Восток. 2004, № 2, 107-114; Методологические подходы к переводу Корана на русский язык / Шигабутдин Марджани: наследие и современность / Материалы международной научной конференции. Казань, 15-17 мая 2008 г. Казань, 2008, сс. 73-76; Научное исламоведение или апология ислама? (несколько слов об издании комментированного перевода Корана на русском языке) (<http://islamica.orientalstudies.ru/rus/index>) (22.02.2008).*

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор ставит задачу продемонстрировать объективную значимость академического исламоведения для развития исламского образования в России. По мнению автора статьи, научное исламоведение и исламское образование в нашей стране могут и должны быть союзниками в преодолении невежества в обществе в отношении ислама. В качестве одного из шагов на пути такого сотрудничества представителей академического исламоведения и мусульманских ученых в области исламского образования в России автор предлагает свою авторскую программу спецкурса «Ислам как идеологическая система».

STANISLAV PROZOROV

ACADEMIC ISLAMOLGY WITHIN CONTEXT OF ISLAMIC EDUCATION IN
RUSSIA

SUMMARY

The author of paper tries to demonstrate importance of implementation of academic Islamology for development of Islamic education in Russia. According to him academic Islamology and Islamic education in our country should become associates in struggling ignorance of our society towards Islam. The author suggests his original program for special course "Islam as an ideological system" as the first step towards co-operation between Islamic scholars and specialists on academic Islamology in the field of Islamic education.

Ключевые слова: (академическое, научное) исламоведение, исламское образование, идеология, программа спецкурса «Ислам как идеологическая система».

Keywords: (scientific, academic) Islamology, Islamic education, ideology, program for special course "Islam as an ideological system".

Прозоров Станислав Михайлович (Санкт-Петербург, Россия) – кандидат исторических наук, заместитель научного директора Института восточных рукописей РАН. E-mail: s_prozorov@mail.ru; prozorov@orientalstudies.ru

Максуд Садигов

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ДАГЕСТАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.

Традиционное исламское образование в Дагестане имеет достаточно длительную и самобытную историю. Ислам является одним из ведущих компонентов этнической самоидентификации народов Дагестана. Исламское образование в Дагестане во все времена, начиная с первых веков проникновения сюда мусульманской религии до наших дней, имело и имеет высокий социальный престиж, оно востребовано обществом, играет в нем заметную роль. Еще в девятнадцатом веке член Петербургской АН Петр Карлович Услар писал о дагестанском образовании следующее: «если об образовании народном судить по соразмерности числа школ с массой народонаселения, то дагестанские горцы в этом отношении опередили даже многие просвещенные европейские нации. Учение доступно каждому горскому мальчику. В каждом ауле найдутся люди, которые учат детей читать и писать. Можно сказать, что в Дагестане нет почти ни одного селения, в котором при мечети у кадия не обучались бы арабскому языку от трех, до пятнадцати и более учеников...».

Сегодня развитие традиционной системы исламского образования, ее интеграция в современное образовательное пространство является одной из важнейших задач, стоящих перед духовенством и исламскими учебными заведениями Дагестана.

Проникновение Ислама в Дагестан, а следовательно, и на территорию современной Российской Федерации, началось с города Баб аль-абваб. Таким было арабское название Дербента, что в переводе означает «Ворота ворот». Именно через эти «ворота» примерно в 20-м году хиджры (642 г.) вошли посланцы мусульманского халифа, чтобы приобщить местное население к Исламу. Впоследствии Дербент занял особое место в истории Дагестана и России.

Окончательно власть исламского Халифата в Дербенте и его окрестностях утвердилась к началу VIII в. н.э. Примерно к 733 г. здесь была построена грандиозная соборная мечеть и семь квартальных мечетей. Это были первые мечети на территории сегодняшней России. Они строились при халифе Харуне ар-Рашиде и ширваншахе Ибрагиме Дербенди.

Мечети служили не только для совершения молитв; они еще являлись сре-

доточием всей культурной жизни общины, в том числе и образовательной. При них были организованы и первые школы по обучению к Корану и основам ислама - *мактабы* (мектебы), где было начато системное обучение грамоте.

Довольно рано в Дагестане появляются и мусульманские образовательные школы второй ступени— *мадраса* (медресе). Уже в конце XI века в селении Цахур было построено первое медресе на Северном Кавказе, прототип медресе в Багдаде, организованное в 1064-1066 гг. сельджукским вазиром Низам ал-Мулком.

Значение Дербента как крупного духовно-образовательного центра на Северном Кавказе неуклонно растет. О том, что складывающаяся система исламского образования в то время прекрасно работала и достигла весомых результатов, мы можем судить по свидетельствам средневековых мусульманских авторов. Исходя из данных средневекового арабского путешественника Ибн Баттуты о том, что “среди шафиитских мударрисов (в медресе столицы Золотой Орды Сарай-Берке) имеется факих достойный имам Садраддин Сулейман ал-Лакзи, один из превосходных людей”, мы можем предположить, что выходцы из Дагестана в XIV в. преподавали в золотордынских медресе.

Система исламского образования, сложившаяся в Дагестане к XVIII-XIX вв., имела уже четыре ступени подготовки: кораническая школа, мектеб, медресе, индивидуальное обучение у мусульманских ученых – алимов. Обучение у алимов было последним, высшим звеном исламского образования. Только после этого заслуживали звания алима.

Основной целью подготовки на первой ступени было обучение чтению Корана, этике, обрядам и правилам религии. Очень часто кораническая

школа организовывалась грамотными родителями для детей или их родственниками в частном порядке. Родители считали своим “священным долгом” дать детям такое образование, чтобы те смогли потом хотя бы читать Коран. Кораническая школа играла важную роль в деле распространения грамотности среди мусульман.

Второй ступенью организованного мусульманского обучения считается мектеб. Обычно мектебы организовывались при мечети или при доме муллы и не имели какого-то специально построенного здания. Кроме чтения Корана, в мектебах обучали заучиванию отдельных сур Корана, порядку отправления религиозных обрядов, а также преподавались самые начатки арабской грамматики.

Третий уровень - Медресе. Это считалось школой высшего типа. В отличие от мектеба, медресе располагалось либо в отдельном для него выстроенном здании, либо в пристройке к мечети. Медресе организовывались обычно крупными учеными – алимами или кади. Известные не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе медресе имелись в Согратле, Ободе, Кудутле, Кудали, Ахты, Кумухе, Ураде, Алкадаре, Эндирее, Аксае и других населенных пунктах.

По словам Абдурахмана Газикумухского, в Дагестане были распространены двенадцать наук: “морфология, синтаксис, метрика, логика, теория диспута, законоведение, толкование Корана, жизнеописание (пророка), суфизм, маан, байан, бади (риторика, стилистика, поэтика) – все эти три (отрасли) считались единой наукой, ал-мухадара и хуласа”. Далее он пишет: “Больше всего у нас изучаются морфология и синтаксис, так как для учащихся необходимо избегать ошибок (в языке); законоведение для разбора людских дел, связанных с жизнью и верой; затем наука о толковании Ко-

рана для объяснения значения сур священного Корана; жизнеописание и история, чтобы знать о жизни нашего пророка Мухаммеда – мир ему; метрика для сочинения стихов на арабском языке; теория диспута, чтобы соблюсти правила ведения дискуссии среди мутааллимов”. Кроме этих наук, в медресе преподавали также географию, астрономию, иногда физику и философию, а также тюркский и персидский языки.

Риза Фахретдинов сообщает, что «после падения Казанского ханства занимавшиеся сельским хозяйством наши предки в начале получили упорядоченное образование от улемов Дагестана..». Он считал дагестанское образование более полезным и продуктивным. Особенно это касается таких наук, как право, хадисоведение, риторика, лексикология и морфология арабского языка.

Ко второй четверти XIX века были попытки корректировки традиционной модели образования, методик обучения и круга преподаваемых в медресе предметов. Как тогда говорили, приспособить мусульманскую школу к потребностям новых, нарождающихся производственных отношений, меняющихся реалий. Однако в Дагестане эти «новометодные» школы не получили широкого распространения, причем возникшие в начале XX в. «школы нового типа», согласно свидетельству официальных властей, по существу «мало чем отличались от мечетских».

В первой четверти XX века в Дагестане насчитывалось 644 примечетские школы, в которых обучался 5581 учащийся. Из них 10,6% составляли девочки. Такое же количество обучалось и в медресе. Тогда же, по официальным данным, в республике действовало около 2000 мечетей. Было около 40 тыс. человек, которых можно было отнести к категории му-

сульманского духовенства: шейхи, имамы мечетей, муллы, кадии, алимы и муталимы. В то время это составляло до 4% населения республики, «тогда как в России духовенство не составляло и одной десятой процента». По численности примечетских школ и обучавшихся в них детей Дагестан, как и в XIX в., значительно превосходил соседние мусульманские районы Северного Кавказа и не без основания считался поставщиком кадров духовенства для всего Восточного Кавказа.

С 1928 г. начали закрывать мечети и репрессировать служителей культа. Их закрытие сопровождалось физическим устранением тех, кто мог бы преподавать исламские науки. В том году были сосланы в Архангельскую область более 800 служителей культа, преимущественно люди пожилого и преклонного возраста, т. е. обладавшие наибольшим авторитетом.

Однако в горных и предгорных районах Дагестана, несмотря на все меры властей, религиозное обучение не прекращается. Уцелевшие после репрессий алимы при негласном одобрении местного населения продолжают тайно набирать к себе учеников и преподавать им курс исламских наук. Помимо этого, практически повсеместно в Дагестане продолжала существовать домашняя кораническая школа при муллах, которая пополняла ряды неофициальных служителей культа. Произошло разрушение исламского образования на уровне медресе, но при этом оно сохранилось на уровне мектеба, который принял более частный, «домашний» характер.

Ислам ушел в глубь горской сакли, которая всегда оставалась последней и неприступной крепостью горца. Там, укрывшись от внешнего мира, за стенами жилищ, религиозное учение и практика продолжают жить и передаются новым поколениям, уп-

рощаясь и консервируясь, сохраняя те стороны, которые отвечают духовным потребностям и представлениям простых горцев.

Особую роль в сохранении и передаче исламских знаний в Дагестане и Кавказе в целом, в сложные исторические периоды, сыграли суфийские шейхи. Они продолжали вести скрытую жизнь внутри семьи, родовой группы и джамаата. И именно благодаря суфизму в Дагестане была сохранена преемственность исламских знаний и традиций. И из суфийской среды главным образом поставлялись знатоки ислама – кадры имамов для официально действующих мечетей и работники в аппарат Духовного управления мусульман.

Особой популярностью в Дагестане пользовался арабский язык. Арабский - становится языком не только образования, но и вообще образованности. На нем пишут научные труды, литературные произведения, по-арабски ведут делопроизводство, он является языком официальной и частной переписки.

Людьми, получившими образование на арабском языке, была создана местная письменность - аджам, которой пользовались в Дагестане на протяжении многих десятилетий, вплоть до 1928 г., когда был введен новый, латинизированный алфавит. Мусульманская арабоязычная школа в широком смысле выпестовала не одну плеяду выдающихся дагестанских ученых, получивших широкую известность не только в Дагестане и России, но и в странах мусульманского Востока.

О больших успехах системы исламского образования свидетельствует то, что в Дагестане не только переписывают созданные не местными авторами труды, но и создают свою собственную разнообразную литературу на арабском языке.

В Фонде восточных рукописей Инс-

титута истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН сосредоточено в настоящее время более 3000 рукописей, древнейшие из которых написаны в XII в. 6000 документов – письма дагестанских ученых, памятники обычного права, переписка правителей, сельских обществ. Поражает тематическое разнообразие этой литературы - арабская грамматика, лексикография, художественное творчество, Коран и его тафсиры, юриспруденция, история, логика, этика, медицина, астрономия; или же тексты или памятные записи на дагестанских языках на основе арабской графики, наиболее ранние образцы, которых относятся к XIV – XV вв. Все эти дисциплины, следовательно, составляли круг учения в средневековых дагестанских медресе. Крупнейший отечественный востоковед, академик И.Ю. Крачковский, писал: "... ни в одной из неарабских стран местная литература, возникшая на арабском языке, не сохраняла в такой мере полной жизненности до второй четверти XX в. как в Дагестане".

Сегодня дагестанские алимь возрождают былые традиции религиозного образования. В настоящее время в Дагестане действуют более 1700 мечетей, 214 мактабов, 13 исламских вузов, 18 медресе. В них обучаются более 5 тыс. человек.

В 2007 г. в Дагестане создан Северо-Кавказский университетский центр исламского образования и науки.

Основными задачами Университетского центра являются:

- координация деятельности религиозных учебных заведений региона, их учебно-методическое и организационное обеспечение; организация аттестации, повышения квалификации и переподготовки священнослужителей и преподавателей исламских учебных заведений;
- разработка и внедрение в религи-

Исламское образования в России и за рубежом

озные учебные заведения современных педагогических, образовательных, научно-информационных и компьютерных технологий; адаптация системы религиозного образования к условиям и особенностям региона и страны.

При Университетском центре действует Ученый совет из авторитетных специалистов в области религии, созданы и работают отделы: религиозных исследований и методических разработок, аттестации религиозных учебных заведений и преподавателей, повышения квалификации служителей исламского культа и преподавателей исламских учебных заведений.

Университетским центром разработаны адаптированные образовательные и воспитательные программы с учетом ситуации в стране и мире, а также особенностей многонационального Кавказского региона. Особое внимание в них уделяется воспитанию у студентов высоких духовно-нравственных характеристик, так как знание без воспитания порой бывает опасным.

Главным учреждением Университетского центра является Институт теологии и международных отношений. Институт является одним из первых инновационных учебных заведений России, приступившим к реализации государственного стандарта подготовки исламских теологов и прошедшим государственную аккредитацию.

В Институте теологии функционируют четыре факультета, где ведется подготовка по следующим направлениям и специальностям: теология (бакалавр теологии), лингвистика (лингвист, преподаватель иностранных языков и культур: арабский язык, английский язык), искусства и гуманитарные науки (бакалавр искусств и гуманитарных наук), экономика (бухгалтерский учет, анализ и аудит).

Все студенты Института, не зависимо от выбранной ими специальности, проходят религиозную (ислам) и языковую (арабский, английский) подготовку. К примеру, на факультете экономики, помимо экономических дисциплин в рамках государственного образовательного стандарта, изучается исламская экономическая модель; а при подготовке лингвистов им даются не только знания по нормам литературного языка, но и нормы религиозного канонического языка.

Университетский Центр ведет активную работу по установлению связей и отношений с учебными заведениями как России, так и за рубежом. Идет налаживание контактов с известными зарубежными исламскими образовательными центрами, как «Аль-Асхар» в Египте, «Абу-Нур» в Сирии, Иорданским государственным университетом. Идут переговоры и с европейскими учебными заведениями: теологическим факультетом Амстердамского университета, с кафедрой исламской теологии Кембриджского университета.

Исходя из вышесказанного, в Дагестане сегодня, на первый взгляд, созданы все условия для реализации конституционного права граждан на религию, свободы вероисповедания. Есть почти в каждом населенном пункте мечети, есть религиозные учебные заведения (80% всех религиозных учебных заведений России находится в Дагестане), ежегодно более 15 тыс. паломников из республики совершают хадж (70 % от общероссийской квоты на паломничество), неплохо развита система исламских СМИ и т.д.

Но, к сожалению, немало и проблем.

Первая группа проблем – это проблемы, обусловленные активизацией в регионе экстремистских течений и сект, попытками их внедрения в традиционную систему ислама. Цель

экстремистов не в исламском образовании, не в духовно-нравственном оздоровлении нашего общества, а в социальной дезориентации граждан, используя недостаточную их просвещенность, используя слабость институтов общественного контроля и государственной безопасности.

Вторая проблема - общая религиозная безграмотность нашего общества, нашей молодежи, что становится опасным в современных условиях. Это – как раз то, что и желанно идеологам экстремизма. Им нужна молодежь с неопределенным мировоззрением, малограмотная, легко зомбируемая. Поэтому повышение религиозной грамотности является одним из необходимых условий профилактики антиобщественных идеологий, а также как важное средство для развития мирного межкультурного диалога в многонациональном регионе

Третья проблема. Сегодня более 1000 молодых дагестанцев учатся за рубежом в разных странах: Пакистане, Малайзии, Египте, Саудовской Аравии, Сирии, Тунисе, Кувейте, Иране, Иордании. Многие из них выезжали за рубеж самостоятельно и характер получаемого им образования зачастую не известен. Тем не менее с ними нужно работать и налаживать диалог, адаптировать их к местным традициям и системе российского образования, трудоустраивать и находить им место на Родине. Традиционная дагестанская система религиозного образования является одной из самых эффективных в регионе. Поэтому получать религиозное образование, по крайней мере, до уровня бакалавра исламской теологии, было бы целесообразным на Родине. Лишь потом молодым людям было бы полезно выезжать за рубеж.

Четвертая группа проблем – это слабость материально-технической, учебно-методической и организаци-

онно-кадровой базы религиозных учебных заведений. Сегодня у каждого региона свои подходы и свои технологии решения этих проблем. Однако важно понимать, что проблемы в религиозном образовании и сферы религии в целом, это не только проблемы религиозных учреждений. Здесь без помощи и поддержки государства скорейшее решение обозначенных проблем невозможно.

Современное учебное заведение, в том числе и религиозное, должно способствовать воспитанию человека, готового к жизнедеятельности в мире и согласии в многообразном поликультурном обществе. В условиях глобализации мира и постепенного насыщения информационного поля разными антиобщественными идеологиями, в том числе экстремистскими и националистическими, важно ориентировать человека к правильному выбору, обеспечить его духовную и мировоззренческую безопасность.

Отсутствие у большинства наших граждан должных знаний как в области религии, так и жизни в современном светском обществе, делает их уязвимыми к внешним агрессиям и манипуляциям, делает их не способными противодействовать экстремистским, сектантским и другим антиобщественным идеологиям. Поэтому особое внимание в образовательном процессе должно быть уделено вопросам воспитания толерантности и уважительного отношения к людям разных мировоззрений, что является одним из важных условий выживания и обеспечения безопасности нашего общества.

Данные обстоятельства говорят об острой необходимости дальнейшего совершенствования и развития сферы образования страны, особенно - формирования эффективной системы религиозного образования.

Исламское образования в России и за рубежом

Осознание существующих проблем – вдвойне трагично. Мир и спокойствие в России могут быть сохранены, несомненно, приведет к оздоровлению ситуации и в регионе и в России в целом. Самая большая трагедия для любого народа – это его невежество, а невежество в вопросах религии – прежде всего, путем мирного диалога и налаживания взаимоотношений между людьми на основе этнических, нравственных, религиозных норм, а не насилия и оружия.

АННОТАЦИЯ

Автор данной статьи рассматривает историю и современное состояние исламского религиозного образования в Республике Дагестан. Дагестан имеет давние традиции исламского образования, возрождение и сохранение которых является фактором стабильности, взаимопонимания и согласия в сегодняшнем обществе. В статье дается характеристика основных проблем в сфере налаживания системы исламского образования Дагестана и перспективных направлений развития институтов исламского образования в этой республике.

MAKSUD SADIKOV

ISLAMIC EDUCATION IN DAGESTAN: HISTORICAL PAST AND PRESENT STATE

SUMMARY

The author examines history and actual state of Islamic education in Republic of Dagestan. Dagestan has a very old and strong tradition of Islamic education since VIII century and only through its preservation and revival we can achieve stability, peace and dialogue in our society. The author also considers main problems and difficulties in organization of Islamic education in Dagestan as well as major ways for development of the Islamic educational institutions in the Republic of Dagestan.

Ключевые слова: Дагестан, исламское образование, исламские науки, медресе, мектеб и т.д.

Keywords: Dagestan, Islamic Education, Islamic disciplines, Madrasa, Maktab etc.

Садиков Максуд Ибнугаджарович (Махачкала, Россия) - Ректор Северо-Кавказского университетского центра исламского образования и науки. E-mail: msi63@mail.ru

Сейед Шамсоддин Шахиди

ВАЖНОСТЬ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В ИСЛАМСКИХ СТРАНАХ

Мировая декларация прав человека, пункты которой поясняют мировое межнациональное понятие о «правах человека» и являются неоспоримыми и не подлежащими критике, в действительности есть гарантированное обязательство для всего международного сообщества в целом, и для каждого ее члена в отдельности¹. Декларация содержит пункты, посвященные правам на образование. В 26-м пункте декларации, наиболее содержательном, говорится следующее:

1. Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным, по меньшей мере, в том, что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, и высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

2. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основам свободы. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами, и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

3. Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей.

Также об этом говорится в международных² и региональных³ протоколах и декларациях. Исламские страны, основываясь на религиозных догмах и взглядах, придают особую важность и значимость проблеме «права на получение образования». Этот вопрос был рассмотрен и утвержден членами Организации Исламской Конференции в контексте Исламской резолюции прав человека, известной как Каирская резолюция принятая 5 августа 1990 года. В 9-м пункте данной декларации говорится следующее:

А) Получение знаний является обязанностью, а обеспечение образования – долгом общества и государства. Государство обеспечивает наличие путей и

средств получения образования и гарантирует разнообразие видов образования в интересах общества, чтобы человек мог познакомиться с религией ислам и знаниями о Вселенной на благо человечества.

Б) Каждый человек имеет право на получение религиозного и мирского образования в различных учреждениях учебного и воспитательного характера, включая семью, школу, университеты, средства массовой информации и т.д. для комплексного и гармоничного развития своей личности, укрепления веры в Господа, уважения и защиты прав и обязанностей человека.

При сравнении 26-го пункта Всемирной декларации прав человека и 9-го пункта Каирской исламской резолюции прав человека видны некоторые различия.

В начале каждого из вышеупомянутых пунктов «получение образования» официально определяется как важное право человека. После чего 26-й пункт приводит этапы и виды образования, к примеру, начальное, высшее и высшее специальное. 9-й пункт исламской декларации упоминает о способах и важности создания условий, необходимых для получения образования и роста уровня образованности общества. Вторая глава 26-го пункта определяет цели и задачи образования: формирование человека как личности, готовой к межнациональному общению, оказание положительного влияния на межкультурные коммуникации и облегчение поисков путей, ведущих к диалогу и дружбе народов мира, уважению их национальных, религиозных и традиционных убеждений и содействию деятельности ООН для сохранения стабильности во всем мире. 9-й пункт исламской декларации упоминает о создании возможностей для обучения и ознакомления с религией Ислам, ее основами и получения образования,

что в итоге формирует личность, и называет это основными целями образования.

Организация Объединенных Наций и Организация Исламской Конференции, выступающие в роли соавторов данных деклараций, для достижения своих целей, оговоренных в пунктах, создали учреждения, и организации которые занимаются претворением в жизнь перечисленных выше пунктов.

Усилия Организации Исламской Конференции (ОИК) в создании специальной международной организации в области образования, науки и культуры, осуществились с подписанием Устава Исламской организации образования, науки и культуры на одиннадцатом заседании министров иностранных дел стран-членов ОИК (Исламабад, май 1970 г.), которая с 1982 года официально начала осуществлять свою деятельность в достижении нижеследующих целей:

1. Укрепление сотрудничества между странами-членами в сферах образования, науки, культуры и связи.

2. Развитие прикладных наук и использование новейших технологий в рамках высоких ценностей Ислама.

3. Укрепление солидарности между мусульманскими странами и сотрудничество в достижении мира и мировой безопасности различными путями, в частности, путем образования, науки, культуры и связи.

4. Поддержка развития и создание единодушия между специализированными структурами Организации Исламской Конференции (ОИК) в сферах образования, науки, культуры и связей, также укрепление сплоченности и исламского единства в мусульманских странах.

5. Представление исламской культуры в качестве основы для разработки образовательных программ на всех ступенях.

С 13 по 16 декабря 1996 года в Нью – Дели для проведения первого заседания глав государств на тему «Образование для всех» собрались главы 9 стран, которые являются самыми густонаселенными в мире (Бангладеш, Бразилия, Китай, Индия, Египет, Индонезия, Мексика, Нигерия, Пакистан). Пять из них являются членами ОИК (Бангладеш, Египет, Пакистан, Индонезия и Нигерия). Резолюция данного форума так же выражает важные аспекты получения образования. Основной целью этого форума являлось рассмотрение вопроса о совершенствовании системы начального образования и поднятия образовательного уровня у взрослых. Сегодня больше половины необразованных людей мира (взрослых более 70 процентов) и детей, не имеющих неоконченное среднее образование, проживают именно в этих 9 странах. Эти ужасающие показатели стали поводом для проведения вышеупомянутого форума. В 3 части резолюции данного форума приводятся шесть пунктов, для осуществления которых главы стран-членов ОИК обязались сотрудничать и оказывать взаимное содействие: обеспечение всех необходимых условий для получения образования детьми, развитие образовательных баз и их применение, противодействие проявлению дискриминации деле обеспечения средств получения образования, улучшение учебных и воспитательных учреждений, а также создание наилучших условий для учителей и преподавателей, проведение мероприятий по развитию человеческих, национальных и общественных ресурсов в целях образования, подключение всех общественных ведомств и организаций в деле достижения задач образования для всех.

Как свидетельствуют факты, проведение данных мероприятий и принятие подобных резолюций ускоряют

осуществление задач и целей образовательных программ в различных странах мира. Межгосударственное объединение ОИК является признанной организацией с весомым мировым статусом, и, учитывая возможности деятельности данной организации, страны-участницы ОИК могли бы осуществить образовательный международный проект. Совместная разработка и принятие «Стратегии образования в исламских странах» напрямую повлияет на уровень образования населения в странах-членах ОИК. В рамках данного проекта, принимая во внимание географический охват и стратегическое расположение стран-членов ОИК, можно реализовать множество международных соглашений в области образования и научно-образовательных программ. Исламские страны, которые по показателям образованности населения считаются отсталыми, посредством этого проекта смогут восполнить свои недостатки и поднять уровень качества образования. Страны-члены ОИК в силу ясных и очевидных причин имеют замечательный потенциал и возможности для устранения существующих сегодня проблем, а именно:

1) количество; членами ОИК, на сегодняшний день, являются 57 стран мира, и это число придает этой организации большую значимость, и играет большую роль в принятии политических решений на межрегиональном или международном уровнях, которые не всегда справедливы по отношению к исламским странам; как это происходит в других организациях, в которых голоса исламских стран находятся в меньшинстве, соответственно здесь подобного хода действий не предвидится;

2). Географическое положение: стратегическое положение и территориальная взаимосвязанность стран – членов организации, начиная от

Дальнего Востока до Средней Азии, Балканского региона и территории от Среднего Востока до Центральной Африки, и наличие важных и стратегических водных путей, выходов на океаны и моря, богатых природных и энергетических ресурсов, которые на сегодняшний день играют немалую роль в стабильности мировой экономики;

3) населенность: в вопросе человеческих ресурсов в странах членах ОИК процент молодежи велик, к примеру, возьмем страны Азии (Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан): возраст больше половины населения этих стран не превышает 30 лет, то есть миллионы молодых, полных энергии и идей людей, которые в будущем могут стать незаменимыми специалистами, работающими на благо своих стран. Нужно лишь удовлетворить их потребность в образовании, а иначе исход будет лишь негативным как для их стран, так и для мирового сообщества в целом;

Наряду с вышеперечисленными достоинствами, к сожалению, у стран-членов ОИК существует также множество проблем в разных сферах и очень много недоработок в вопросах сотрудничества. Среди молодежи стран Средней Азии очень сильно распространено употребление наркотиков, алкоголя, растет уровень безработицы, неграмотность и т.д. Нестабильность в экономике приводит к тому, что дети, вместо того чтобы учиться в школе, добывают деньги себе на жизнь, зачастую прибегая к незаконным методам. В докладе под названием «Молодежь Центральной Азии: исчезновение современного поколения», подготовленной международным фондом «ISG» описывается состояние в Республике Таджикистан: «в отдельных административных районах численность учащихся в школах уменьшилось в два раза, со-

стояние образования в странах Центральной Азии, из-за экономической отсталости, находится в плачевном состоянии, очень много подростков вынужденно покидают свою родину ...». Статистика показывает, что сегодня около 1/3 части населения стран Центральной Азии в поисках работы хотят мигрировать. Данное положение порождает очень много отрицательных последствий. Многие из таких мигрантов, нелегально пересекают границы того или иного государства и автоматически становятся сначала нарушителями, а далее, в случае неудачного сложения обстоятельств, преступниками, вынужденными совершать преступления ради выживания. Все это негативно сказывается на ситуации в регионе, тысячи молодых людей оказываются просто заложниками судьбы, поколение молодых, полных энергии людей размывается и наш мир теряет этот залог светлого будущего - молодежь..

Такие же глобальные проблемы, которые являются причинами губительных последствий самого разного характера, в той или иной степени имеются во всех странах исламского пространства. Специалисты всего мира озабочены проблемами наркомании, неграмотности, одним словом вымиранием молодого поколения. Последние данные статистики России просто ошеломляют, в одном из докладов вице-президента Российского общества борьбы за трезвость, приводятся цифры учащихся в некоторых областных центрах страны, которые не покрывают даже числа первоклассников десять лет назад. Подобные факты требуют от правительств этих стран принятия мер по предотвращению вымирания молодежи, способной внести вклад в развитие своей страны. ЮНЕСКО является одной из немногих международных организаций, занимающихся пробле-

мами молодежи, которая осуществляет различные программы и проекты образовательного характера, направленные на поднятие уровня образованности, борьбу с наркоманией, безработицей и т.д.

Организация Исламской Конференции является одной из крупнейших международных организаций, деятельность которой направлена на благо всего человечества. И учитывая то, что, в отличие от других организаций эта организация выделяется духовным единством своих членов, так как основана на принципах Ислама, она должна активно участвовать в решении глобальных проблем всего человечества. Помимо хорошей материальной базы, у стран-членов ОИК также есть вера, надежда на помощь Всевышнего и духовные ценности, поэтому при тесном сотрудничестве можно найти оптимальный путь решения проблем. Странам-членам ОИК, которые преследуют единые цели, следует разработать и запустить единый проект действий для осуществления своих нужд.

Разработка стратегии образования в исламских странах является программой, важность которой для ОИК обосновывается следующим: в религии Ислам самое почетное место отведено ученым и учащимся, и знания есть не что иное, как единственный фактор выявления и сохранения человеческих ценностей; учитывая 26-й пункт Всемирной декларации прав человека и 9-й пункт Исламской декларации, которые провозглашают право каждого человека на образование и обязывают государства и общественные организации содействовать получению образования, на всех нас ложится самая большая ответственность. Для выполнения своих обязательств перед человечеством мы предлагаем следующее:

1. Усердие и старание для искоре-

нения безграмотности есть религиозная и человеческая обязанность; странам-членам ОИК следует, совместно используя новейшие технологии, материальные возможности, лучших специалистов, то есть все имеющиеся ресурсы, совместно с ISESCO направить все свои силы для создания и осуществления до 2015 года программы по искоренению безграмотности по всей территории стран-членов ОИК.

2. Странам-членам ОИК нужно сосредоточиться на тесном сотрудничестве, что требует от нас особой серьезности. Всем без исключения странам-членам ОИК, для выявления сплоченности и единства будущих поколений, следует внести в программу обучения единые религиозные и культурные дисциплины, которые раскрывали бы истинную суть Ислама, порождали стремление к духовным и нравственным ценностям, укрепляли солидарность и созидание по отношению к другим религиям и национальным традициям, приверженность справедливости и равноправию. Также важно знакомить учащихся с Исламской декларацией прав человека и деятельностью ОИК.

3. При решении различного рода проблем в области образования, особенно в сфере высшего образования, странам нужно укреплять сотрудничество по обмену преподавателями и студентами, предоставлению грантовых и бюджетных мест, стипендий, совместных проведенных практик и стажировок, научных исследований.

4. Обмен и использование новейших образовательных технологий. Для этого ISESCO нужно создать центр координации сотрудничества стран-членов ОИК в этой области, а так же запустить проекты по созданию «Виртуального Университета» (Virtual University), а так же воспользоваться образовательными программами «Distance Education» и «E-Learning».

Исламское образования в России и за рубежом

5. Страны-члены ОИК должны бороться с проявлением разного рода дискриминации в сфере получения образования и стремиться устранить препятствия для приобретения знаний женщинами и сельскими жителями.

6. Правительства стран-членов ОИК, наилучшим образом используя научные источники и ресурсы, находящиеся на территории страны и

являющиеся наследием всего человечества, посредством установления связей между национальными и государственными библиотеками, создать книжный информационный телевизионный канал.

7. Для ознакомления общественности с деятельностью ОИК в сфере образования необходимо издавать научные и просветительские публикации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Декларация по правам человека, принятая ООН (Организацией Объединенных Наций) для всего мирового сообщества в апреле 1968 г.

2. 13-й и 14-й пункты международного экономического, общественно-культурного договора., 18-й пункт договора о политических и культурных правах.

3. 32-й пункт первого протокола Европейской конвенции о правах человека., пункт 12-й Американской конвенции о правах человека., 17-й пункт резолюции Африканского форума.

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор поднимает вопрос о необходимости разработки единой стратегии образования для всех стран исламского мира, что возможно сделать лишь на базе такой престижной международной организации, как Организация Исламской Конференции (ОИК). Данная стратегия призвана в первую очередь решить самые насущные проблемы развивающихся стран – ликвидация неграмотности и реализация общедоступности образования. В статье дается несколько предложений по оптимизации совместной деятельности стран-членов ОИК в этой области, нацеленной на создание единого исламского образовательного пространства.

SEYYED SHAMSODDIN SHAHIDI

THE IMPORTANCE OF EDUCATIONAL STRATEGY IN ISLAMIC COUNTRIES

SUMMARY

The author of the paper arouses the question of common educational policy making in Islamic countries which is possible only under aegis of such prestigious international organization as Organization of Islamic Conference (OIC). The making of common educational policy is necessary to solve main difficulties of all growing countries – to fight illiteracy and to make education accessible for everybody. The author shares with us some significant proposals to improve efficiency of activities lead by OIC members which are aimed at making of common educational space for all Islamic countries.

Ключевые слова: стратегия образования, исламский мир, безграмотность, Декларация прав человека.

Keywords: educational strategy, Islamic world, illiteracy, Human Rights Declaration.

Сейед Шамсоддин Шахиди (Кум, Исламская Республика Иран) – заведующий сектором стран СНГ, Университет «Джамиат аль-Мустафа». E-mail: syedalish@yahoo.com

Рафаэль Адуттов

В СТРАНЕ САМУРАЕВ: ТАТАРСКАЯ ДИАСПОРА И МУСУЛЬМАНСКИЕ ШКОЛЫ ЯПОНИИ

Яхшы киңәш: “Сөекле дустым! Хәзер син укырга һәм язарга өйрәнәп життең. Шуның өчен Ходайга шөкер итеп дога кыл һәм моннан соң зур гыйлем алырга тырыш. Гыйлем сиңа зур бәхет һәм күп файда китерәчәк. Укуның тамыры ачы булса да - жимеше бик тәмле була”. (Фонетическая азбука башкирского и татарского языка Токио, 1936г).

Япония, в течение столетий закрытая для иностранцев, лишь в конце 19 века вынужденно – после бомбардировок ряда ее портов пушками американских дредноутов – открыла свои границы. Японцы, в основной своей массе никогда не видевшие иностранцев, удивлялись высоким по сравнению с ними татарам и башкирам, их необычному внешнему виду, поведению.

Всеобщее изумление вызывали одетые в халаты коробейники из Поволжья и Урала, на велосипедах въезжавшие на улицы японских деревень и тотчас окружаемые толпой ее жителей.

Помню, в Стамбуле, в апреле 2003г, мы вместе с г-жой Р.Лаиш рассматривали фотографии из Японии. На мой вопрос, знает ли она, кто изображен на них, Рамзия-апа, к моему удивлению, ответила положительно. На мое уточнение, каким образом, она показала себя на одной из них.

О количестве татар и башкир в Японии в различных источниках указываются разные данные. Так, например, в «Информации Квантунского жандармского управления о современном состоянии тюрко-татарского национального движения» (23.03.1935) [6] считается, что в Японии их имеется около 2000 человек. Профессор К.Ивао (университет Хансей, Япония) [4], ссылаясь на участников круглого стола, организованного профессором М.Тахиром (22.05.1981г., Анкара, Турция), приводит данные о численности тюрко-татар от 600 человек (по свидетельству Ф. Кильки) до 1000 человек (по свидетельству А.Апаная).

В то же время представитель культурной ассоциации «Идель-Урал» считал, что количество татар в Японии в 1930-е годы могло достигать 10000 человек. Очевидно, исходя из этих противоречивых данных, президент тюркской об-

щины Токио г-н Т. Мухит считает, что в Японии количество мусульман из России в 1920-х годах составляло около 400 человек, а в 1930-е годы увеличилось до 5-6 тысяч [1].

Мусульмане из Поволжья и Приуралья, в том или ином количестве, проживают на всех, без исключения, японских островах: от острова Хоккайдо на севере до острова Окинава на юге [3].

Небольшие колонии (недостаточные для организации общин) были и в городах Камакура, Кумамото, Ивамотоко, Кавасаки, Каруиц(э)овада (в годы второй мировой войны).

Буквально крупицами собираемая информация постепенно становится известной широкой общественности. В том числе наименования эмигрантских организаций, имена лидеров и их труды. Особое место среди этих организаций занимает общество «Исламия», созданное в 1924 году, и деятельность которого распространилась на весь Дальний Восток. Получение прав юридического лица, зарегистрированного органами государственной власти Японии, давало лидерам общества возможности официальных обращений в государственные учреждения. Обществу «Исламия» оказывалось высокое покровительство многих государственных и общественных деятелей Японии. В связи с этим необходимо отметить особую роль старейшины японской нации г-на Мицуру Тоояма [4].

Известно о противоречивых и сложных отношениях между джадидистом [16] Гаязом Исхаки и кадимистом [16] М.А. Курбангали, которые имели различные точки зрения на развитие событий в России после, как они были уверены, победы белого движения. В то время как Г. Исхаки считал необходимым создание независимого государства «Идель – Урал», М.А. Курбангали был уверен, что раз-

витие народов Поволжья возможно лишь в рамках автономии внутри Российской империи. Можно предположить, что навыки лидера, способного к организованным и решительным действиям, помогли ему оказывать серьезное противодействие планам Г. Исхаки на Дальнем Востоке. После отъезда Г. Исхаки в Европу единственным лидером (до возвращения Р.Ибрагима из путешествия по странам Юго-Восточной Азии) в Японии остается М.А.Курбангали.

«В 1924 г., прибывший с одной из групп татар в Токио, Muhammed Abdelhay Kurbangali собрал всех местных татар под одной крышей и, при помощи японских властей, занялся важной общественной, культурной и государственной деятельностью» [7].

Из протокола допроса Таки Ока Ютака, 1918г.,...капитана Японской армии, бывшего начальником военной миссии в городе Дайрен:

«Вопрос: Вы знаете Мухаммеда Габдулхая Курбангали?»

Ответ: Да, приблизительно с 1944г.. мне известно, что в 1930-х годах шла борьба за пост руководителя мусульман, проживающих в Японии. В этой борьбе наиболее ожесточенное соперничество разгорелось между Курбангали и другим претендентом на пост главы мусульманской церкви Японии Ибрагимом...» [24].

Результатом разгоревшегося конфликта между М.А.Курбангали и А.Ибрагимом кади, явилось создание японскими властями специальной комиссии, которая, предложив оставить у руководства обществом «Исламия» Абдулрашида Ибрагима кади, в 1938г. рекомендовала выслать М.А.Курбангали из Японии, местом жительства определив гор. Дайрен (Даолянь-Дальний) в Китае, где он со своими дочерьми прожил восемь лет - до своего ареста сотрудниками СМЕРШ в августе 1945года. Достав-

ленный в СССР он долгие годы провел в тюрьме гор. Владимира. После освобождения в 1950-х годах проживал, известный местным мусульманам как японский мулла (япун мулласы), в гор. Челябинске на Урале. Умер в полной нищете в 1972г. и похоронен на заброшенном мусульманском кладбище [24].

Лидерами общества «Исламия» Японии последовательно были:

1. Мухаммад (Г) Абдельхай Курбангали (1924-1938гг.); секретарь – Х. Вахап

2. Ахмет Вахап; секретарь – Т. Мухит;

3. Ахмет Апанай;

4. Тамимдар Мухит.

Наибольшее количество татар и башкир проживает в городах Токио, Йокогама, Осака, Кобе, Киото, Нагоя. В каждом из них действует отделение махалли «Исламия» («Исламия Токио», «Исламия Кобе» и т.д.) [2].

Среди отделений общества наиболее активным являлось отделение «Исламия Токио», официальное учреждение которого состоялось в 1924 году.

Имамами отделения «Исламия Токио» поочередно были:

М. Абдельхай Курбангали (1924-1938гг.);

Абдулрашид Ибрагим кади (1938-1944гг.);

Мухамметамин Ислами (1944-1951гг.);

Шарифулла Мифтахетдин (1951-1967гг.);

Гайнан Сафа (1967-1984гг.).

После отъезда Мухамметамина Ислами в Египет старшим имамом стал Шарифулла Мифтахетдин, бывший в 1924-1951гг. заместителем имама Токийской мечети. Он являлся ближайшим сподвижником М.А. Курбангали - до землетрясения 1923г., во время которого у него погибла семья (жена и дочь), живший в Йокогаме. Переехав

в Токио - женился на Раузе Мухит, родной сестре г-на Т. Мухита. Здесь мы можем также добавить, что во-время этого же землетрясения погибла семья (отец, мать, жена, дочь) хаджи Ахмета Вахапа – лидера общества «Исламия» Японии в 1946-50гг.

С 1933г. по январь 1967 года обязанности муэдзина исполнял Гайнан Сафа, ставший имамом после смерти Ш. Мифтахетдина в 1967 году. Обязанности имама Г. Сафа исполнял до самой смерти в 1984 году. После него имамов из Поволжья и Урала в руководстве обществом «Исламия» не было.

В 1938 году по проекту японского архитектора в городе Токио мусульманами из Поволжья и Урала возводилась мечеть, на церемонии открытия которой присутствовали государственные и общественные деятели Японии, гости из Индонезии, Китая, принц Сейфуль Ислам аль Хусейн из Египта, Хафис Вахба из Саудовской Аравии и др. [13].

Токийская мечеть «Исламия», выстроенная в 1938 году, простояла 48 лет. В 1985 году после одного из землетрясений рухнули ее стены, в 1986 году она была окончательно разобрана.

Из письма хаджи Тамимдара (Токио, 27.11.2000):

“...В июне 1986 года было принято решение о строительстве новой мечети, финансировать строительство которой дали слово ряд посольств исламских государств в Японии. Но из-за начавшегося экономического кризиса... не смогли его сдержать. Лишь поддержка президента Турции господина Сулеймана Демиреля во время его официального визита в Японию в июне 1996 года, позволила начать строительство новой мечети в марте 1998 года и закончить его

30 июня 2000 года” [10].

Активистами общества «Исламия» были также построены мечети и медресы

ресе при них в городах Кобе и Нагоя. Махалля мусульман из России в городе Нагоя состояла «всего из 12 семей и поэтому самостоятельно не могла финансировать строительство мечети». Лишь финансовое участие Гисматуллы хаджи Агрыза, когда он «со своей семьей приехал в гости и внес 100 тысяч йен, строительство возобновилось» [19] и было закончено в январе 1937г.

Деревянная мечеть в городе Нагоя сгорела во время второй мировой войны, земля – собственность общества «Исламия-Нагоя» - была продана. После того, как татары и башкиры в годы войны решением властей были переселены из города Нагоя в город Кобе, средства, вырученные от ее продажи, были переданы обществу «Исламия-Кобе».

Мечеть в городе Кобе, сооруженная в 1935 году (с финансовым участием мусульман из Индии), сохранилась до наших дней) [2]. «... Даже после бомбежек мечеть осталась целой. Хотя вокруг ничего не осталось. Половина мечети была школой – она сгорела, а мечеть осталась»[10].

Из письма госпожи Р. Лаиш (Стамбул, 12.2000):

Супруг г-жи Р.Лаиш – Ибрахим Лаиш(ев): выходец из Пензы, жил с родителями в поселке Пограничный в Приморском крае - на границе России и Китая; окончив русскую гимназию в поселке - работал на КВЖД. Его отец, занимаясь торговлей, был убит хунхузами во время торговой поездки в Китай.

23 апреля 2003 года в Стамбуле Рамзия-апа рассказывала историю своей помолвки с ним: « Мы тогда жили в Корее, когда меня позвали в Токио и познакомили нас. Был хаджи Агрыз, который очень хвалил Ибрахима и сказал маме про него: «Совершенно не сомневайся и отдавай дочь за него».

В наше время молодые люди не

встречались, что сказали родители – то и делали. Даже когда в кино ходили (смеется - Р.А.), к нам приставляли старшую сестру Санию.

Большая свадьба была в отеле «Империал» в Токио 4 июня 1943 года. До 1955 года жили в городе Кобе. В декабре 1955 года на пароходе через Аден и Бейрут переехали в Стамбул.

В 1925 году у семьи Касим рождается дочь Салиса. В письме г-жи Р.Лаиш (старшей сестры Салисы Мухит) мы читаем об инициативе Саймы Касим и Мулламухаммата Касим (ее родителей): основать школу, способствующей сохранению традиционного мусульманского национального воспитания.

В 1927 году во время празднования Курбан-байрама происходит встреча соотечественников, после которого основывается начальная школа[1]. Необходимо отметить, что собрание участников махалли состоялось в доме М.Касима по поводу никаха его дочери Камарии с Закиром Ильматом – беженцем из города Кунгур на Урале, для чего из города Камакура пригласили имама М.А.Курбангали. Гостей было около пятнадцати человек.

Из письма г-жи Р. Лаиш (Стамбул, 12.2000):

“...Уже после нашего приезда в Японию в декабре 1924 года, в 1925 году родилась Салиса... Нашими соседями были пожилые японцы, они ее очень любили. Салиса... росла, общаясь с ними... Мама, посоветовавшись с отцом, начали искать татар по городу. И нашли хаджи Агрыза, он оказался из Перми. Они встретились с большой радостью и начали искать татар для того, чтобы открыть школу.

Постепенно нашли четыре семьи. Вначале ходили пять учеников... Учили Курбангали, мама (Сайма Касим)... потом присоединилась Рабига апа, до этого она преподавала в гимназии в Харбине... Постепенно... услышав о

школе... со всех сторон начали собираться татары, и дети уже не вмещались в комнату... Усилиями общины (татар) было собрано много денег и построена школа»[10].

Из юбилейного альбома, посвященного открытию медресе «Исламия» в городе Токио: «...в 1927 году во время празднования Курбан-байрама между участниками махалли состоялся разговор о необходимости открытия национальной религиозной школы. По этому поводу было обращение имама Абдельхай хазрата Курбангали к властям Японии. В тот же год, 2-го октября 1927 года, с разрешения властей открылась школа (г. Токио, Окубо-Хиакунинто, 279) и началось обучение по программе начальной школы, по религиозной и национальной тематике»[1].

Двухэтажное здание школы было построено в 1930-1931 гг. Обучение велось по программам начальной и средней* школ. Вначале обучалось 13 учеников (2 класс – 8 учеников, 3 класс – 1 ученик, 6 класс – 4 ученика). В школе велось преподавание на татарском, русском, японском, английском языках. 5 декабря 1937 года после выполнения требований Императорского закона Японии «Об образовании» школа* «Махалля Исламия(т)*» была включена в реестр государственных школ Японии и пользовалась всеми правами, предоставленными государственным школам. Это позволяло, например, переводиться ее ученикам в школы других регионов Японии.

Из писем госпожи Саймы Касим (Токио. 12.10.73): «...я, как птица, затерявшаяся в далеких странах... мои - дочь и зять, он хороший человек, ко мне заботливы. Дети, выросшие в Японии, от природы мягкие, они даже никогда не скандалят). До войны мы хорошо жили... Я работала преподавателем, муж торговал в Корее. В нескольких городах у нас были магазины одежды.

Он ездил постоянно. Дети кончили школу. Тамимдар окончил 4 класса. Потом все оставили и переехали в Корею. Там жили 9 лет. Потом вернулись в Японию»[10].

Деятельность тюрко - татарских типографий на Дальнем Востоке.

Мусульмане из России для того, чтобы «информировать друг друга и, чтобы их голос был услышан во всем мире, вступили в издательскую деятельность»[7], основав в нескольких городах Китая типографии с использованием техники каменного прессы [13].

Известно о наличии типографий в городе Мукден в Китае. Стараниями 'Ahun Giniatulla Seli Ahmed, Hussain Gabdus, R.Rahmeti Arat' [7] издавались газеты («Йырак шарк», «Байрам нуры», «Мин йул масчиты», «Чаткы»), учебники («Татар алифбасы», «Уку китабы», «Хисаб китабы»), стихи и сочинения Габдуллы Тукая. В типографии города Мукден выпускалась газета «Милли Байрак», учебники Тюрк-татар тарихы, Мавлюд китабы, Татар алифбасы, Уку китабы 1-2, Зекат – хас масалаларе, Хисаб дареслеге. Типографией руководили 'Rukiye Devlet-Kildi, Ibrahim Devlet-Kildi, Mansur Arslanbek' [7].

Башлангыч мәктәбе өчен аваз метод буенча дәрәс әйтелеше (сөйләү) татар әлифба. нәширә: Корейдәге торычу мөселманнарның Кижү (Сеул) мәркәзе динни вә милли идәрәсе. 1936. Басылган урыны: Токция Исламия мәтбүгәтендә.

В 1928 году в молодой Турецкой Республике [7] переходят с арабской на латинскую графику. Множество типографских шрифтов, не находя больше применения, выкидываются. Воспользовавшись этим, наши соотечественники привозят в Японию два мешка типографских шрифтов

с арабской графикой. Эти шрифты находятся в сохранившемся здании школы “Махалля Исламият” в Токио и в наши дни.

С постройкой здания школы “Махалля Исламият” * (1931-32гг.) * “при поддержке высоких должностных лиц и чиновников” [7] основали типографию “Матбугаи Исламия”, расположившейся на первом ее этаже. Книги, печатаемые здесь, расходились по всему исламскому миру. Благодаря усилиям М.А.Курбангали сумели выпустить целый ряд учебников для медресе “Исламия”, книги религиозного характера, литературные произведения, рассылаемые в 33 страны.

С 1930 по 1942гг. из изданных 39 книг были – 19 религиозного характера, 8 – литературного, 1 – по музыке, 4 – учебники по грамматике, 7 – различного содержания [7]. До наших дней сохранились учебники, по которым обучались дети эмигрантов. В частности, фонетическая азбука, напечатанная по заказу мусульманской общины Кижу (Кэйджю – Сеул, впервые использованная в рукописном виде в Харбине*) в типографии «Матбугаи Исламия» в Токио, с вступительным словом М.А.Курбангали. Ее оригинал передан нам в Стамбуле в апреле 2003г. г-жой Р.Лаиш, обучавшейся в 1930-е годы по этому учебнику.

Вступительное слово
М.А.Курбангали к фонетической азбуке башкирского и татарского языков. 15.03. 1936г. Токио.

Не теряя надежды (өметсезлеккә төшмчә) в условиях эмиграции (чит илләрдә болып), надеясь на

благословение Аллаха и опираясь на его поддержку (Аның ярдәменә таянып), для нашего развития (алга алып бару өчен), сохраняя нашу веру (диненне саклау берничә фарыз булса) - будучи каплей в океане среди чужих народов (чит милләтләр арасында дингездән бер тамчы булып) и, потеряться, не узнавая самих себя (кем икәнәнне белмичә югалып китмәү өчен) - мы считаем своим историческим (тарихи) долгом (бурычыбыздыр) сохранение родного (милли) языка (телебезне), народа (халкыбызны) и веры (динебезне).

Изучение родного (милли) языка арабской графикой (бу гарәп хәрәфләре белән) позволит следующему поколению наших потомков (киләчек буыныбызда) адаптироваться в 300 миллионном мире Ислама (Ислам доньясына беркәтәдер) и даст возможность нашим детям читать Коран (һәм балаларыбызның Коръән укырга өйрәнүләре өчен момкинлек бирәдәр).

По этой причине (шул сәбәпле), для претворения этих целей в жизнь (ошбу максатларны тормышка аштыру нияте белән) эта книга татарской азбуки печатается, по решению национальной и религиозной общины (дини һәм милли идарәсе бу татарча алифба китабын бастырды), мусульманами из столицы Кижу.

Председатель общества мусульман, проживающих в Японии, имам и мударис Мухаммет Габделхай Курбангали. Токио. 15 марта, 1936г. – 21 зулхиза 1354 года по хиджре

ИСТОЧНИКИ

1. Адутлов Р.М. Татаро-башкирская эмиграция в Японии. - Набережные Челны. 2001. 154с.
2. Адутлов Р.М. Ст. Тюрко-татарская эмиграция на Востоке. Сборник по материалам конференции «Глобализация и национальная самобытность». - Казань. 2003.
3. Адутлов Р.М. Ст. Тюрко-татарская эмиграция на Дальнем Востоке. Вестник НГПИ. Сб. науч. тр. Вып. 3. - Наб. Челны. 2004.
4. Адутлов Р.М. Татаро-башкирская эмиграция в Японии. Набережные Челны. -,2006. 231 с.
5. Гайнетдинов Р.Б. Тюрко-татарская политическая эмиграция: начало 20века – 30-е годы. Набережные Челны. - 1997.
6. Гайнетдинов Р.Б. Информация Квантунского жандармского управления о современном состоянии тюрко-татарского национального движения на Дальнем Востоке.23.03.1935 / Эхо веков. № 1-2. - Казань, 1999.
7. Dyundar M. Uzak doguda Idil-Ural tyurklernin yayain faaliyetleri ve Tokyo Mahalle-Islamiye Matbaasi. Ankara. 2003. 116.
8. Курбангали М.А. Обращение к министру Иностранных дел Японии. Обращение к министру народного просвещения Японии. - Мукден. 12 сентября 1922г.
9. Таган Г. Башкиры в Забайкалье. / Ватандаш. № 7-8. - Уфа. 1997.
10. Письма татарских и башкирских эмигрантов. 1973-2003гг.
11. Р.Салихов. Исторические мечети Казани. - Казань.: Татар. кн. изд-во, 2005.- 191с.
12. М.А.Курбангали. Фонетическая татарская и башкирская азбука. - Токио, 1936.
13. Prof.Dr. S. Samarraı. History and Development of Dava İslamı in Japan. Islamic Center Japan, Tokio, 12/2002.
14. Uzunoglu Ahmet. Tokio Camii. Ankara, 2003. -78с.
15. Hee – Soo Lee. Osmanlı Japon munasebetleri ve Japonyada İslamiyet. Ankara: Dianet vakfi yayınlari, 1989. 151 s. (В переводе И. Х. Закирова).
16. Надир Дзулэт. Ерак кончыгыштагы татар – башкортларга ни булды. Издательство Казанского университета - Казань, 2005. 99с.
17. Гали Акъши. Милләткә багышланган гомер. Татарстан Фәннәр Академиясе. Казан.2005. 115с.
18. Рокыя Дзулэткилде. Бер татар хатынынын ачы язмышы. Издательство Казанского университета - Казань, 2005. 109 с.
19. Усманова Л.Р. Махалля “Исламия” в городе Нагоя (Япония)// Вестник НГПИ: Сборник научных трудов.. Вып. 5. - Наб. Челны. 2006
20. Усманова Л.Р. Тюрко-татарская эмиграция в Юго-Восточной Азии в начале 20в.//Эхо веков. №1. - Казань.2005.
21. Юлдашбаев Б.Х. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925гг.). Введение. т. 2, ч. 1. - Уфа: Китап, 2002.- 680 с.: а) с.55. док. №17; б) с. 59. док.№19.
22. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. - Уфа, 1999. - 352 с.
23. Второй Всемирный курултай башкир. Документальные материалы. Стенографический отчет. – Уфа: Китап, 2002.-840 с. Выступление профессора Юнусовой А.Б. с. 687.
24. Юнусова А.Б. Японская военная разведка и мусульманская эмиграция на Дальнем Востоке накануне и в годы второй мировой войны / Археография Южного Урала. Документальная история подвигов народов России в Великой Отечественной войне. - ЦЭИ УНЦ РАН, Уфа, 2005.
25. Акира Матсунага. Ayaz Ishaki ve uzac Shardeki tatar turkleri/ Baki. 2004.

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор на основе новых источников рассматривает историю татаро-мусульманской диаспоры Японии и сопредельных с ней стран Дальнего Востока. Татары, эмигрировавшие в этот регион, сумели в течение нескольких десятилетий сохранять свою самобытную культуру и религию, при этом не теряя тесных связей с мусульманским миром. Мусульманские школы, в которых нашли свое продолжение традиции татарского дореволюционного образования, стали важным фактором устойчивости и жизнеспособности татарской общины.

RAPHAEL ADUTOV

IN THE COUNTRY OF SAMURAI: TATAR DIASPORA AND ISLAMIC SCHOOLS IN JAPAN

SUMMARY

The author of the paper reconstructs the history of Tatar-Muslim Diaspora in Japan and adjacent countries of Far East. Tatars emigrated to this region were able during decades to keep their original culture and religious tradition and herewith maintain their relations with Islamic world. Islamic schools which continued Tatar pre-revolutionary educational traditions were instrumental in providing stability and viability of Tatar Diaspora.

Ключевые слова: Япония, татарская диаспора, мусульманские школы, джадидизм.

Keywords: Japan, Tatar Diaspora, Islamic School, Jadidism.

Адутов Рафаэль Масгутович (Набережные Челны, Россия) – исследователь и публицист, автор книги «Татаро-башкирская эмиграция в Японии», член набережночелнинского отделения Медресе татарских муфтиев. E-mail: adutov-rafail@mail.ru

Мухаммат Галлямов

БИБЛИОТЕКА ДУХОВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАН ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР И СИБИРИ В ГОРОДЕ УФЕ

В конце 19 – начале 20 веков в г. Уфе была основана восточная мусульманская библиотека. Со временем она стала одной из крупнейших мусульманских библиотек в России и постепенно приобрела международное значение.

Инициатива организации этой библиотеки принадлежала известному ученому-ориенталисту Ризаэтдину ибн Фахретдину ибн Сайфетдину (1859-1936). Он передал в фонд библиотеки много книг из собственного собрания (более 2 тысяч). Кроме того, Р. Фахретдинов обратился к своим друзьям, писателям, литературным деятелям, издателям с просьбой пожертвовать книги.

По его инициативе и при его участии, с разрешения муфтия М.М. Султанова (1836-1915), в 1894 году, в библиотеке в честь поэта-просветителя М. Акмуллы (1831-1895) устраивается меджлис, на котором читались стихи, байты и мунажаты, состоялось поэтическое соревнование – эйтеш – между М. Акмуллой и М. Уметбаевым (1841-1907). Меджлис приобрел характер первого своеобразного литературного вечера в г. Уфе и прошел успешно. Вот как описал свои впечатления Р. Фахретдинов: «Должно быть, душа его была переполнена, поэт (т.е. М. Акмулла – Р.У.), даже не откашлявшись, со своеобразной интонацией начал читать свои стихи и настолько разошелся. Его взволнованное состояние передалось даже мне».¹

Библиотека всегда находилась в тяжелом материальном положении.

Не хватало денег, не было возможности иметь хотя бы одного платного сотрудника.

Особенно трудными были 1905-1906 и 1911-1912 гг. Встал даже вопрос о ликвидации библиотеки. Однако преданность науке, библиотеке, энтузиазм Р. Фахретдинова помогали преодолевать эти трудности. В 1925 году Р. Фахретдинов приложил последние свои силы, знания и жизненный опыт для сохранения от неминуемой гибели (из-за спешного вывоза из своего помещения) библиотеки и архива Духовного Собрания, значение которых было велико для потомков.

Библиотека комплектовалась целенаправленно. В ней собиралось все о России, Востоке и вся исламоведческая литература, выходившая за рубежом.

Пополнялись Фонды библиотеки за счет покупки книг, даров.

Первоначальную основу Фонда, как уже было сказано, составило большое количество книг, пожертвованных Р. Фахретдиновым. Особенно ценными пополнениями явились дары из личных библиотек З. Расулева (1833-1917), Г. Расулева (1881-1950), М. Хасанова (1865-1924), З. Камалетдинова (1873-1942) и т.д. В 1925 году в ней насчитывалось более 30 тысяч томов книг, которые следующим образом распределялись по отделам: беллетристики (произведения Ахмета Мидхата (1844-1913), Г. Тукая (1886-1913), М. Гафури (1880-1934) и др.), истории (труды Ибн-Хальдуна: «Тарих» (1284 х.) в семи томах, «Тарджемател Мукаддимата» в трех томах; «Всеобщая история» М. Мурада, «Великая всеобщая история» А. Рафика, «История» Г. Джаудата в 12 томах (1309 х.); «Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар» и «Вафийат аль-аслаф ва тахийат аль-ахлаф» Ш. Марджани; труды В.В. Бартольда в переводе на турецкий язык и др.), истории литературы (труды профессора М.Ф. Купрелезада (1890-1966), Г. Газиза (1887-1938) и Г. Рахима (1891-1942) и др.), естествознанию и математике; философии, лингвистике, педагогике; географии; исламской юриспруденции и богословию (корановедение и хадисоведение)...

Особую ценность представлял газетно-журнальный фонд: многие хранившиеся издания хронологически относились к 1906-1908 гг.

Читателями библиотеки в свое время состояли не только жители Уфы, но и других городов России. Ими были ученые, студенты, учащиеся, изучаю-

щие восточные языки и литературу Востока.

Большую ценность представлял рукописный фонд («Вакигатуль муфтин» - Основы Исламской юриспруденции, 362 с.; «Аль васайль Валь Джауаб» - Вопросы и ответы юриспруденции, 380 с.; «Мустальяхуль хадис» - Завещания пророка – 90 с.)...

В 70-е годы, из-за безнадзорности, богатейший фонд библиотеки подвергался расхищению.

К настоящему времени библиотека располагает книжным фондом в 4 тыс. томов. Фонд регулярно пополняется ценнейшими отечественными и зарубежными изданиями общественно-политической и философской литературы.

В числе многочисленных работ об Исламе, о Коране, появившихся после Октябрьской революции, следует назвать работы академика А.А. Бартольда «Ислам», «Мусейлима», «Коран и море», «К вопросу о призвании Мухаммеда», «О Мухаммеде» и др.; мастерские исследования московской арабистики К.С. Кашталева, посвященные объяснению терминологии, языка и стиля Корана, а также статьи профессора И.Н. Винникова о признании пророка Мухаммеда и о толковании ряда стихов Корана; прекрасные исследования Е.А. Беляева (перу доктора исторических наук Беляева Е.А. принадлежат свыше 150 работ по Исламу и около 30 трудов вышло в свет под его редакцией); труды Л.И. Климовича, Г.М. Керимова, Р.Р. Мавлютова; М.Т. Степанянц, Л.И. Шайдуллиной, А.В. Сагадеева, Е.А. Дорошенко, И. Гильфанова, Н. Аширова, Н. Байрамсагатова, Д.А. Патрушева и многих других.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1 Журнал «Шура», 1912, № 14, с. 431 (на арабописьменном татарском языке).

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается история создания и накопления фондов знаменитой библиотеки исламской литературы, созданной видным татарским религиозным деятелем Ризаэдином Фахретдином. Эта библиотека, включавшая в себя колоссальный объем религиозной и востоковедческой литературы на различных восточных и европейских языках, и сегодня продолжает служить интересам исламского образования.

MUKHAMMAT GALLYAMOV**THE LIBRARY OF RELIGIOUS BOARD OF MUSLIMS OF EUROPEAN RUSSIA AND SIBIRIA IN UFA****SUMMARY**

The paper deals with history of foundation of famous library of distinguished Tatar religious personality Rizaetdin Fakhretdin and accumulation of its holdings. This library containing a tremendous number of editions on religious disciplines and Oriental studies published in different European and Oriental languages still continues to serve Islamic education.

Ключевые слова: Духовное управление мусульман Европейской части России и Сибири (ДУМЕС), Ризаэдин Фахретдин, исламоведение, востоковедение.

Keywords: Religious Board of Muslims of European Russia and Sibiria (DUMES), Rizaetdin Fakhretdin, Islamic studies, Orientalism.

Мухаммат-хазрат Галлямов (Уфа, Россия) - председатель мусульманской религиозной организации «Ихлас» Кировского района г. Уфы Республики Башкортостан.

Зиля Магиярова

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТАТАРСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЯХ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

В педагогике под социализацией понимают процесс включения личности в общество, усвоения ценностно-нормативных знаний из всего богатства и многообразия культуры, подготовке к выполнению социальных ролей.

Первичная стадия социализации связывается с развитием ребенка на самых ранних его ступенях под преобладающим влиянием воспитания, обучения. Далее развитие зрелой личности продолжается под воздействием социальных институтов, продолжается всю жизнь человека и включает непрерывное формирование новых знаний, навыков, отношений. На развитие личности оказывают влияние биологические факторы, в том числе наследственность, окружающая среда.

Система образования как важная сфера социальных институтов воспитания определяет главной целью становление в человеке духовности и культуры, проявляющихся в условиях соотношения социального и индивидуального. Взаимодействие социального и индивидуального в поведении определяет тот факт, что определенный социальный статус требует выполнения совокупности ролевых установок. Формирование готовности личности к взаимодействию с окружающими по предписанным социальной ролью нормам коммуникативного поведения – одна из главных задач социализации личности.

Понятие социальной роли уже прочно занимает свое место в науке и подразумевает стереотипный образ поведения, определенной личностно-значимой позицией человека.

Важной составляющей социального поведения личности в принятой роли является общение согласно нормам языкового поведения в процессе участия ее в определенном виде деятельности. Поэтому формирование нормативного поведения младших школьников требует рассмотрения проблем формирования речевого коммуникативного поведения как способности моделировать вербальное и невербальное поведение адекватно определенным условиям взаимодействия. В связи с этим следует подчеркнуть, что в современной модели формирования новых стереотипов поведения среди членов определенного социума средством активизации личности, поиска собственных нрав-

твенных ценностей, утверждения их в жизни одним из ведущих факторов должен стать родной язык. Существенные положительные изменения, происходящие в изучении родных языков в нашей стране способствуют своевременному педагогическому управлению освоением нравственного опыта в условиях овладения детьми родной речью.

Речевое общение можно представить как бесконечное множество социальных ситуаций, дифференцирующихся по ролевым признакам, правилам, регулирующим поведение. Особенно ярко социально-ролевой характер коммуникативного поведения проявляется в условиях корпоративного взаимодействия, основным критерием которого является социальная приемлемость или отклонение от норм и стереотипов, которые влияют на этот процесс.

Язык (речь), принадлежащий определенной нации, народности, представляющий собой национальное единство, – явление очень подвижное. Развиваясь в процессе общественной исторической практики, он отражает социальный опыт, накапливаемый народом в процессе жизни и деятельности. Нравственный опыт, являющийся частью социального опыта, включает в себя знания о моральных нормах поведения, нравственное отношение к окружающему миру, нравственные привычки, умения, навыки. Знания о морали, заложенные в ярких образцах родного языка, способствуют формированию у человека собственного индивидуального нравственного сознания. Овладевая речью на родном языке, ребенок усваивает знания о морали той среды, в которой он живет. С развитием речи у него формируются личные нравственные представления, понятия, взгляды, убеждения и суждения. Посредством языка ребенок учится высказывать

суждения, давать моральную оценку поступкам родных и близких, литературных героев, сверстников, собственным поступкам. Умелое педагогическое управление формированием основ нравственности ребенка в процессе становления речи побуждает к творческому нравственному саморазвитию и самостоятельному выбору поведения в конкретных жизненных ситуациях. Поэтому речевое общение на родном языке рассматривается в педагогике и психологии как важнейшее средство усвоения ценностно-нормативных знаний и раннего включения личности в выполнение социальных ролей.

В этой связи актуальным остается утверждение К.Д. Ушинского о необходимости обучения и воспитания детей на родном языке. Современная наука и практика подтверждают мысли великого русского педагога о том, что главными предметами в общем гуманитарном развитии человека являются родной язык и родная литература. Позиция педагога была принята известными татарскими просветителями К. Насыри, Г. Тукаем и сегодня представляется особенно важной, поскольку основывается на сущности педагогического понятия о единстве общечеловеческого и национального.

Решение этой важной проблемы стало возможным благодаря тому, что в отечественной психологии и педагогике стало определяться единое общее направление в изучении этих проблем. Оно существенно отличается от существующих ранее установок на обучение на родном языке и развитие речи на определенных возрастных этапах жизни ребенка.

Средства родного языка обладают большим воспитательным потенциалом. Согласно социокультурной теории Л.С. Выготского, дети усваивают способы мышления и поведения, составляющие культуру определенного

сообщества, через диалогическое взаимодействие с другими членами этого общества. Школа, являющаяся институтом передачи знаний, умений, навыков для ребенка в новом статусе младшего школьника, предъявляет к нему определенные требования по выполнению рпипнятых норм.

Если нравственное воспитание – это целенаправленное воздействие на личность, то воспитательная цель требует выбора и реализации соответствующих средств достижения желаемого положительного результата в процессе овладения ребенком нравственной культуры. Знаковые, то есть языковые, средства воспитания выполняют по крайней мере две функции: во-первых, они являются коммуникативными средствами, обеспечивающими связь воспитанников с воспитателями, а также между сверстниками; во-вторых, используются взрослыми для воздействия на ребенка с целью решения воспитательных задач.

Материальные и символические средства совместной деятельности, связанные с речью, образуют сложную систему, в которой символические средства направлены на развитие абстрактного мышления, формирование сознания, нравственных качеств личности.

Следует подчеркнуть, что речевые средства продолжают оставаться главными и в подростковом возрасте. Под их влиянием сознание впервые приобретает такие характеристики, как системность, обобщенность и действительность. Причем для обеспечения данных характеристик нравственного сознания требуется целая система разнообразных средств, так как воспитательные возможности единичных средств весьма ограничены.

Зависимость уровня воспитанности детей от использованной системы средств педагогического воздействия

представляет собой один из основополагающих законов педагогики.

Уместно также отметить, что средства воспитания связаны со всеми компонентами процесса взаимодействия воспитателя и воспитанников. Выбор средств нравственного воспитания зависит от возраста и уровня воспитанности учащихся. Так, в начальной школе основным средством нравственного воспитания служит личный пример учителя, речь учителя. Младшими школьниками перенимается у учителя даже манера разговаривать. Кроме того, в качестве средств педагогического воздействия широко используются произведения устного народного творчества, художественная литература (рассказы, сказки, стихи, басни и т.п.) с нравственным содержанием. Воспитательные возможности речевых средств наиболее полно реализуются при соответствии их следующим требованиям:

- возможно более полное и реальное отражение жизни ребенка данного возраста;
- учет разносторонней деятельности, особенно ведущего вида деятельности – учебной деятельности младшего школьника;
- удовлетворение духовных запросов и потребностей школьников в активных действиях: в игре, труде, быту;
- создание атмосферы творческого восприятия, радости сопереживания (согласия или несогласия с автором произведения);
- наличие романтического начала, мечты, характерной для младшего слушателя, читателя;
- соответствие потребностям школьника в активном эмоциональном общении;
- способность вызвать желание к активным целенаправленным действиям.

Детская литература обращена к растущему человеку. Поэтому к ней

издавна предъявлялись высокие требования как к важнейшему средству формирования личности. Известная критика так называемого вербализма в воспитании, проводимая в течение многих десятков лет, была связана с имеющимся на практике односторонним морализованием, высказыванием высоких, часто непонятных и не принятых ребенком слов нравственности, что вело к разрыву между нравственными знаниями детей и их поступками. Главный «недостаток» словесных методов не в переоценке их воздействия, а в формализме самого воспитания. «Йөзөң кара булса, көзгегә үпкәләмә» («Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива») – гласит пословица. Нередко неудачное, шаблонное использование средств речи воспринимают как недостаток самих речевых средств. Образно говоря, исполнение музыки путают с самой музыкой. И хотя словесные средства носят более прозаичный характер, чем симфония, исполнение их требует от воспитателя не меньшего мастерства, чем от дирижера.

Итак, в комплексе воспитательной деятельности и этического просвещения сложной областью, посредством которой ребенок приобщается к нравственной жизни человечества, являются словесные средства воспитания. Изучение работ по данной проблеме показывает, что в процессе неформального разговора, беседы, лекции, чтения литературных произведений ребенок приобщается к нравственному опыту человечества. Осмысление знаний о нравственности, формирование убеждений, взглядов играет важную роль в организации деятельности, поведения. Речевая деятельность очень рано становится активизирующим средством поиска собственных нравственных ценностей личности. Знания о нравственности, понятия, нормы и правила,

заложенные в ярких образцах родного языка, способствуют усвоению нравственного опыта своего народа, общества, в котором живет человек. Под их влиянием формируется собственное нравственное сознание.

Прогрессивными были утверждения К. Насыри, Г. Тукая, Г. Ибрагимова о необходимости обучения и воспитания ребенка на родном языке, их уверенность в том, что главным предметом в общем развитии человека является родной язык и родная литература. Позиция выдающихся педагогов и мыслителей сегодня представляется особенно актуальной и объективно значимой, так как исходит из сущности принципа единства общечеловеческого и национального.

Огромное значение языка в нравственном воспитании детей подчеркивал Каюм Насыри. Он считал, что устное народное творчество способствует решению многих задач одновременно: развитию речи, сознательному усвоению логики родного языка, приобщению к сокровищнице культуры.

Большое значение Каюм Насыри придавал ознакомлению детей с народными песнями, пословицами, загадками, баснями. Всю свою жизнь посвятил сбору, систематизации и внедрению в содержание педагогического процесса лучших образцов народного творчества. Открыл первую светскую татарскую школу с обучением русскому языку. Он мечтал, чтобы сочинения Ушинского, Толстого, Пушкина, Крылова дети читали в оригинале. Учебники, созданные великим педагогом, содержат тщательно подобранный материал из небольших рассказов, стихов, сказок, басен и произведений татарского фольклора. Простота, образность, эмоциональность изложения, прекрасный язык – таковы достоинства этих учебников, сборников для детей.

Следует отметить, что в XIX веке

взгляды на детскую литературу как на одно из средств воспитания получили наибольшее развитие. В этот период составляются новые учебники, учебные программы. К. Насыри, Г. Рахманколыи, Т. Яхин, Х. Фаезханов в свои книги по чтению включают произведения устного народного творчества, полюбившиеся детям и взрослым. Активизируются работа по сбору и публикации произведений народного творчества. Сбором и систематизацией татарского фольклора для детей занимаются К. Насыри, Г. Фаезханов, Г. Рахманколыи, Н. Исанбет и др.

Идеи обучения на родном языке, воспитания детей на традициях своего народа речевыми средствами нашли воплощение в творчестве практически всех татарских писателей и поэтов, участвовавших в формировании круга детского чтения. Выдающийся татарский поэт и просветитель Габдулла Тукай обнаружил глубокое понимание вопросов обучения и воспитания молодежи на родном языке. Его искренняя вера в воспитательные возможности национальной школы отражена в педагогических трудах «Хиссияте миллия» («Национальное чувство»), «Ана мәктүпләре», («Материнские письма»), «Мөкәтдимә» («Начало») и др. В период формирования основ обучения детей на татарском языке в школах велика роль Г. Тукая в создании детской художественной литературы. Его учебники, хрестоматии, сборники «Яна кыйраёт» (Хрестоматия для начальных школ), «Энже бөртекләре» («Жемчужинки»), «Күнелле сәхифәләр» («Веселые страницы»), «Мәктәптә милли әдәбият дәресләре» («Уроки национальной литературы в школе») и многие другие книги вошли в золотой фонд татарской детской литературы и явились неоценимым вкладом поэта и просветителя в педагогическую науку и практику.

При жизни Г. Тукая издано около

тридцати его книг для детей. Тукай, как никто другой, понимал, что для привития детям любви к родному языку, литературе, чтению книг, а через них воспитания нравственных качеств нужен доступный детскому возрасту языковой материал. Годы издания его книг (с 1909 по 1913 гг.) свидетельствуют о том, как поэт спешил помочь национальной школе. Содержание каждого произведения поэта направлено на воспитание детей в национальных традициях. Особенно ценно в творчестве поэта-педагога то, как он видит особенности воспитания мальчиков и девочек, роль семьи в воспитании, и ряд других проблем, находящихся в настоящее время в центре внимания современной педагогической науки и практики.

Нельзя не отметить, что педагогические идеи, выраженные в его произведениях, еще при жизни поэта находились в центре внимания прогрессивных просветителей-татар Э. Урманчеева, Г. Ибрагимова и др.

Галимджан Ибрагимов, видный татарский писатель, ученый, вслед за Г. Тукаем обратил внимание на огромные воспитательные возможности родного слова. Он, как и другие татарские просветители того времени, искренне радовался тому, что в татарских школах и медресе введено обучение на родном языке (в начале XX в.), и верил, что национальная школа посредством родного языка вызывает «в ребенке определенные чувства, формирует сознание». Писатель сравнивал национальную школу с деревом, у которого основание (корень) – родной язык. Педагогическая деятельность Г. Ибрагимова, как и Г. Тукая и других выдающихся просветителей, тесно переплетается с литературной деятельностью. Произведения Г. Ибрагимова пронизаны идеями народности. Народное творчество и родной язык возведены в разряд общепедаго-

гических принципов. Он призывает включать произведения народного творчества на родном языке во все школьные учебники на всех ступенях образования: «Если мы включаем произведения народного творчества в книги для чтения, то тем самым возбуждаем в детях любовь и понимание своего народа, невольно привлекаем их в круг жизни татарского народа» [51]. Этой мыслью пронизаны его педагогические работы «Әдәбият кануннары» («Основы литературы»), «Татар телен ничек укытырга?» («Методика татарского языка»), не потерявшие своего значения и по сей день. Г. Ибрагимов как крупный писатель, хорошо знающий литературу других народов, понимающий воспитательные возможности художественной литературы, много сил отдавал созданию учебников, хрестоматий, книг для детского чтения. Например, одна из таких книг по родной литературе, изданная в 1914 году и выдержавшая несколько изданий, примечательна тем, что в нее включены лучшие произведения его современников – Г. Тукая, М. Гафури, Ф.Амирхана и других писателей. Здесь содержатся также лучшие образцы татарского народного творчества.

Поскольку содержание исторически сформировавшегося человеческого опыта обобщено в словесной форме, в устных и письменных источниках, передача его и усвоение происходит преимущественно через речевые формы деятельности. К устным источникам относятся произведения фольклора и сам язык татарского народа. Как известно, фольклор объединяет разные жанры: легенды, сказки, песни, которые содержат све-

дения о жизни народа, его быте, идеалах, нравах. Именно они положены в основу татарской детской литературы, первоначально дописменной. Как одно из средств воспитания детский фольклор упоминается с середины XIX века. М. Иванов, С. Кукляшев, К. Насыри, Т. Яхин в книги по чтению включали много сказок, загадок, пословиц и произведения других жанров татарского фольклора, отличающиеся педагогической направленностью.

Изучение речевых средств показывает, что каждый народ формирует, развивает богатое наследие приемов, методов, средств воспитания детей. Различные источники донесли их до нас, благодаря чему можно проследить, как народом веками передавалось, видоизменяясь и пополняясь новыми положительными идеями и содержанием, стремление к нравственному воспитанию молодого поколения.

Для современной теории и практики воспитания характерны поиски эффективных средств формирования у детей интереса к произведениям родной литературы. В целом анализ обширного материала позволил представить условия организации воспитательной работы с детским коллективом и отдельным ребенком в период становления речи, определить и обосновать эффективность средств родного языка в нравственном воспитании.

Научный поиск позволил представить возможности речевых средств в формировании нравственного нормативного поведения детей как основы успешности их пребывания в новом социальном статусе – статусе младшего школьника.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема реализации педагогического наследия татарских просветителей в контексте современных моделей нравственного воспитания татарских детей. Автор анализирует взаимосвязь между национальной речью, языковым наследием и усвоением образцов нравственного поведения детьми, обосновывает эффективность средств родного языка в нравственном воспитании подрастающего поколения.

ZILYA MAGIYAROVA

**THE IMPLEMENTATION OF PEDAGOGICAL HERITAGE OF TATAR
ENLIGHTENERS IN CONTEMPORARY MODELS OF MORAL EDUCATION OF
CHILDREN**

SUMMARY

The paper deals with the problem of implementation of pedagogical heritage of Tatar Enlighteners in contemporary models of moral education of Tatar children. The author examines the correlation between national language, folklore heritage and adoption of patterns of moral conduct by children, substantiates efficiency of means of native language in moral education of the rising generation.

Ключевые слова: татарские просветители, татарский язык, нравственное воспитание.

Keywords: Tatar Enlighteners, Tatar language, moral educations.

Магиярова Зилья Миннегаяновна (Казань, Россия) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры обучения на двуязычной основе Казанского государственного технологического университета (КГТУ).

Мадина Махмутова

ОБРАЗОВАНИЕ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЕ ФИНЛЯНДИИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ

В современной системе образования основой педагогической культуры определяется овладение педагогическим опытом своего народа. В связи с этим новая образовательная парадигма выдвигает одним из неизменных условий глубокое и целостное изучение и сохранение исторического культурного наследия татар и его реализация в конкретных социально-экономических условиях.

Изучение и анализ основ становления и развития педагогики мусульманской религиозной общины татар Финляндии позволяет показать определенную общность в системе воспитания молодого поколения мусульман Поволжья и татар Финляндии в современных условиях.

Известно, что в результате миграционных процессов со второй половины XVI века татары оказались расселенными дисперсно практически во всех регионах России, а также в других странах. В дальнем зарубежье относительно большие группы татар живут в Турции (около 20 тысяч), Болгарии (5 тысяч), в Китае (4,2 тысячи), в Финляндии и Австралии (около 1 тысячи), Польше (5,5 тысяч), Германии, Японии и других странах.

Из всех стран эмиграции татар диаспора в Финляндии остается наиболее активной в организации образовательного процесса и сохранения национальной культуры своего народа. Наши исследования показывают, что на протяжении всего периода проживания татар за границами исторической родины мусульманская религиозная община высоко ценила образование, приобретение профессиональных навыков, поддерживающих престиж членов диаспоры.

В ходе исследования охарактеризованы сложившиеся в педагогической культуре татар Финляндии цели воспитания совершенного человека и ее задачи: раскрытие физического потенциала человека, обеспечение его здоровья; овладение жизненно необходимыми знаниями, умственное развитие; воспитание детей в труде и для труда; развитие нравственных чувств, навыков и привычек поведения, соответствующих общей человеческой и исламской морали; эстетическое воспитание. Преемственность из поколения в по-

коления сохранения родного языка, религии, национальных традиций, явились важной основой в формировании идентичности и национального самосознания татар. И в настоящее время мусульманская религиозная община поддерживает необходимость высокого уровня образования в диаспоре. Как отмечал председатель Исламской общины татар Финляндии Окан Дахер, уровень образования членов татарской общины в два раза выше, чем у финского населения. Представители общины, получившие хорошее образование в финской системе высшего образования, работают на важных постах в государственных и муниципальных органах. Многие члены общины известны в финских бизнес-кругах, а также как активные участники деятельности различных организаций

Исторический путь развития традиций воспитания и образования татар Поволжья характеризуется естественностью, ранним началом, участием в процессе воспитания подрастающего поколения всего народа и раскрывает национальный характер воспитания татар.

Государственность волжских булгар с IX в., а также культурное влияние с Востока, в виде влияния арабо-мусульманской культуры, а позднее в виде связи Золотой Орды с родственными по происхождению этносами, окончательно сплотила этнические группы народностей и создала из них единый татарский народ, который является сложным по структуре этническим образованием, окончательно сформировавшимся ко второй половине XIX – начале XX веков. Консолидация произошла в силу ряда исторических причин: близости этнических территорий, этнического смешения, языкового и культурно-бытового сближения и усвоения общего «татарского» самосознания. Языковым выражени-

ем существования татарской этнической и этнокультурной общности стал татарский язык, основанный на среднем (казанский) и на западном (мишарский) диалектах народно-разговорного языка. Социокультурные и семейно-бытовые традиции сформировались на основе взаимовлияния культур кочевых тюркских и местных оседлых племен волжских булгар, а также во взаимосвязи особенностей городской и сельской культур в процессе этногенеза нации и формирования единого татарского народа. В истории педагогики накоплен огромный педагогический опыт формирования норм, правил поведения, регулирующих совместный труд и жизнь соплеменников, создана своеобразная система воспитания, содержание, формы и методы которой закреплены в фольклоре, в лучших традициях и обычаях народа.

Основой становления и дальнейшего развития педагогики татар Финляндии является объективный опыт народной педагогики татар Поволжья конца XIX - начала XX в.в. Концептуальной основой современной системы образования мусульманской общины является идея сохранения мусульманских культурно-национальных традиций воспитания. Приоритетными задачами стали:

- организация национальной школы, обеспечивающая качественное преподавание учебных дисциплин на татарском языке;
- воспитание личности в традициях Ислама;
- реализация концептуальных положений воспитания на основе мусульманских традиций через широкую благотворительную деятельность членов общества как объединяющее условие всех татар.

На формирование такого подхода к организации воспитания оказало влияние состояние образования му-

сульман Поволжья второй половины XVIII – начала XX в.в. В этот период благотворительность для татар являлась важным источником финансирования образования и просветительских нужд. Учебные заведения разделялись на два типа – мектеб и медресе. Мектеб, как начальная школа, существовал при каждой мечети. Основную массу учеников составляли мальчики от 8 до 14 лет. Девочки получали домашнее обучение под руководством остабик или абыстай. Медресе, как и мектеб, открывались при мечети в крупных селениях и городах богатыми прихожанами, способными содержать эти учебные заведения. Благодаря решительным действиям прогрессивной части татар развивалось национальное меценатство. Среди покровителей татарской духовной культуры были крупные дельцы и промышленники Хусаиновы, Рамиевы, фабриканты Акчурины, Утямышевы, Азимовы и др., которые внесли значительный вклад в дело развития национального просвещения: строительство мечетей, открытие школ (мектеб и медресе), субсидирования учебных заведений, «спонсирования» одаренных шакирдов на учебу за рубежом. Например, в 1913 году в России насчитывалось 87 татарских благотворительных и культурно-просветительских организаций, которые действовали во всех городских центрах с компактным проживанием мусульман.

К концу XIX столетия в татарском обществе в Поволжье наметился серьезный поворот к реформированию образования. Воспитание молодежи с известным минимумом знаний, умений, навыков для ведения дел и развития производства стало необходимым требованием нового времени. В программах татарских медресе появились такие предметы, как математика, физика, химия, география, при-

родоведение, физическое воспитание и др. Например, объем знаний, даваемых в таких известных медресе, как «Мухаммадия» в Казани, «Галия» в Уфе, «Хусаиния» в Оренбурге, «Мутыгия» в Уральске, приближалось к вузовскому уровню. Официальная статистика того периода свидетельствует о том, что по уровню грамотности татары занимали первые позиции среди всех народов России.

Татарское общество в Финляндии этого периода для сохранения и обеспечения дальнейшего развития в условиях формирования новых отношений, нуждалось в новых людях, которые должны были иметь светское образование, знать языки. Актуальными проблемами просветительского движения татар Финляндии середины XIX века были общекультурные проблемы расширения сфер образования, повышение уровня образованности диаспоры. Это был период стремления к сплочению татар во имя реализации этих идей, что привело к зарождению просветителей и прослойки предпринимателей-меценатов, светски образованных людей, стремящихся поднять культуру своего народа на европейский уровень.

Одним из характерных признаков общественной жизни татарского народа во второй половине XIX - начале XX в.в. стало появление особых мусульманских обществ, целью которых была концентрация денежных средств и реализация целенаправленных благотворительных программ, призванных удовлетворить экономические, духовные и культурные нужды татарского народа. Общества определили для себя приоритетными такие направления деятельности, как:

- 1) помощь татарам-мигрантам, уехавшим из сельской местности в торгово-промышленные центры в период развития капиталистических отношений;

2) финансирование просветительской деятельности среди мусульман. Средства направлялись на оплату обучения бедных шакирдов в средних и высших духовных учебных заведениях России, на распространение литературы нравственного содержания, а также на создание подведомственных Обществам русско-татарских начальных школ;

3) благотворительная деятельность по обеспечению мусульман условиями для соблюдения предписаний шариата.

Мусульманские благотворительные общества позволили включить организованную и систематическую заботу в общественную систему социального обеспечения и сохранить этноконфессиональные особенности татарского населения. Благодаря родственным, профессиональным узам в обществах культивировались элементы соседского права, возводились в негласный закон общежития солидарность, взаимопомощь, местный патриотизм. Самоуправление локальной мусульманской общины обеспечивалось и крепкой системой самофинансирования, наличием общей казны, управляемой специальными попечителями, что позволяло содержать здания мечетей и медресе, имамов, муэдзинов и мугаллимов, финансировать развитие образования. Таким образом, в этот период четко обозначилось стремление представителей татарского населения участвовать в работе выборных органов местного самоуправления, организовываться в различные общественные структуры для успешного решения неотложных задач национального возрождения, сохранения духовной и культурной самобытности.

В течение XVIII-XIX веков происходит постепенная эмиграция татар Среднего Поволжья за пределы исторической родины. Причин крупных переселений татар в Финляндию в

XVIII-XIX веках несколько. Отдельные упоминания о переселении в Финляндию можно найти в летописных источниках середины XVI века. В Скандинавии татары принимали участие в строительстве крепости Бумарсунд на Аландских островах и крепости Свеаборг на островах возле Хельсинки, в начале 1800 года в строительстве и ремонте крепости Суоменлинна. Об этом свидетельствуют исторические документы: записи военного имама о татарах, служивших в крепости, тетради 1836, 1850, 1871 г.г., которые хранятся в архивах города Хельсинки. После присоединения Финляндии к России в 1808 году в новых военных гарнизонах наряду с русскими служили и татары – выходцы из Нижегородской губернии. Они положили начало татарской эмиграции в Финляндию. Финский ученый Гарри Гален отмечает, что в середине XIX века к первым переселенцам из военнослужащих присоединились их земляки из Сергачского уезда Нижегородской губернии. Позднее их число дополнили мелкие торговцы и купцы из татар Петербурга и Москвы. Все они были верующими людьми, исповедовавшими мусульманскую религию, неукоснительно соблюдавшие законы шариата, мусульманскую семейную и календарную обрядность. Таким образом, татары влились в многонациональную структуру Финляндии (финны, шведы, карелы, саами, эстонцы, цыгане, евреи и др.) и интегрировались в финскую культуру, сохраняя свою собственную самобытность. Двойная идентичность была обусловлена языковыми, религиозными, благотворительными, хозяйственными, культурно-бытовыми связями с населением Финляндии.

Структура деятельности мусульманских общин Нижегородской губернии в значительной степени составила основу организации Исламской об-

щины татар Финляндии. С конца XIX - начала XX веков татарская диаспора в Финляндии предпринимает многочисленные попытки создания организации форм выражения национального самосознания. Имея программу, квалифицированные кадры и высокую степень сплоченности, наиболее прогрессивные и активные члены диаспоры смогли создать стабильные национальные организационные формы деятельности для сохранения национальной идентичности. Так, в 1915 году было создано «Благотворительное общество мусульман Хельсинки». Объединяющим людей были – общий родной язык, общая вера, общее дело и родственные связи. Люди считали важным сохранить особенности национальной культуры в другой среде. После принятия в 1920 году Финским правительством Закона о свободе вероисповедания, появилась возможность татарам узаконить деятельность религиозной мусульманской общины. 24 апреля 1925 года было зарегистрировано «Исламское общество татар Финляндии» (Suomen Islam-Seurakunta)(фин.), деятельность которой определялась утвержденной структурой. Правление Общества состоит из председателя, пяти действительных членов, трех заместителей, имама, которое выбирается на три года и является исполнительным органом, осуществляющим контроль над выполнением всех решений, принятых на годовом собрании, имеющем постановляющую силу. В случаях необходимости принятия срочных важных решений предусматривается проведение внеплановых собраний прихожан. Среди членов Правления обязанности распределены с учетом профессионального грамотного исполнения решений. Правлению дано право привлечения к делам общины членов диаспоры, в зависимости от их опыта и знаний. Отделения Исламско-

го общества татар на всей территории Финляндии имеют своих местных руководителей. В настоящее время такие отделения находятся в Ярвенпяя, Турку, Тампере, Раума, Котка, Сало.

В условиях формирования татарской диаспоры в Финляндии в эпицентре внимания первого и второго поколения переселенцев встал вопрос организации образования нового подрастающего поколения. Сохранение традиционной системы образования татар Поволжья стало основой и единственным инструментом энкультурации татар Финляндии. Изучение архивных материалов Исламского общества татар Финляндии показывает, что система образования создавалась по образу и подобию традиционных конфессиональных учебных заведений мусульман Поволжья. Благодаря сплоченности, взаимной поддержке была создана материальная основа организации образования. Надо признать, необходимость централизованной организации обучения и воспитания усиливались исходя из интересов развития торговли, сплочения для совместного общения и деятельности, формирования отношений с внешним миром за рубежом и внутри страны.

Таким образом, Исламская община татар становится “поставщиком” педагогических услуг: организует обучение родному татарскому языку в различных сферах жизнедеятельности детей во время пребывания на курсах зимних и летних лагерей, и во-вторых, координирующим центром усилий общественных комиссий общины по воспитанию детей, что позволяет создать “педагогическую среду энкультурации”. Культурно-просветительская деятельность Исламского общества татар Финляндии образовывает “воспитательный город”: есть отдел непрерывного образования основам религии и родному

языку, библиотека, спортклуб, музыкальный ансамбль, мечеть. Деятельность комиссии по образованию и издательским делам удачно направлена на гармонизацию школьного и внешкольного воспитания. В образовательном центре объединяются ученики, преподаватели, родители, их деятельность имеет педагогически направленный характер.

По мере увеличения количества детей появилась возможность организовать постоянные курсы и проводить занятия. Деятельность курсов постепенно превратилась в обязательную образовательную систему. Обучение осуществлялось круглый год: зимой и летом. Учитель, переезжая с места на место (Тампере, Ярвенпяя, Выборг, Лаппенранте, Куопио, Хюрвинкяля, Турку, в последние годы в Мянтсяля), проводил двухмесячные курсы. На летних курсах учащиеся закрепляли полученные знания. В программу курсов входили следующие предметы: основы веры, родной язык, арабский язык, история тюркских народов, а также общая история. Арабский язык преподавался в том объеме, в каком ученики могли свободно читать Коран в подлиннике. Одновременно дети успешно обучались в финских общеобразовательных школах. В 1948 году происходит открытие народной школы. Основными задачами в построении педагогического процесса в учебно-воспитательном заведении, определяемыми Исламским обществом татар Финляндии, являются:

- Постановка цели воспитания и целенаправленная деятельность по ее реализации;
- Обладание необходимыми средствами для осуществления деятельности по вопросам образования и воспитания в диаспоре (наличие профессиональных кадров, материально-технических средств и др.);
- Положение по отношению к обще-

государственной системе образования и воспитания Финляндии;

- Влияние на формирование личности во внеучебное время, на воспитание в семье;
- Создание и поддержка детских и молодежных организаций и влияния через них на развитие и самосовершенствование будущего поколения татар в диаспоре.

Анализ ежегодных планов учебно-воспитательной работы общины позволило нам утверждать, что особое внимание уделяется роли и качеству преподавания родного татарского языка, изучению основ религии, культуры, традиций и обычаев татарского народа во внеучебное время. Существуют авторские подходы к определению и применению форм и методов организации этого процесса: организация и проведение зимних курсов с преподаванием дисциплин по истории тюркских народов, родного языка, основам религии; летних курсов обучения и воспитания по форме летних оздоровительных лагерей; библиотека; музыкальный ансамбль; спортивный клуб; воскресный дошкольный детский сад. По содержанию деятельности, организационному статусу они создают условия для свободного общения на родном языке всех членов диаспоры.

Большой научный интерес представляет изучение педагогической деятельности учителей-татар Финляндии.

Среди прогрессивных учителей школы следует подробнее рассмотреть деятельность людей, ставших известными педагогами того периода. Это Губайдулла Муртазин (учитель) (1895-1968), Загир Тагир (торговец -1900-1961), Хабибрахман Шакир (имам (1903 Казань –1975 Тампере), Закир Кадыйри (Самара 1877 – 1955 Анкара), Зинатулла Имаматдин Аксан Буре (Россия 1886 – 1945 Тампере),

Наиля Бинарк (Корея 1940), Сания Гыйффат (Кадыри) Чистополь1899-1957 Анкара)

Будучи представителями различных областей жизни и деятельности, они оставили большое литературное наследие по философско-мировоззренческому, социально-экономическому, нравственно-этническому, литературно-художественному и другим вопросам. Это богатое наследие еще предстоит изучить и превратить в общенациональное достояние.

Методологической основой философско-педагогической мысли общины татар Финляндии явилось религиозное мировоззренческое начало. Так же, как в свое время прогрессивная арабская философская мысль была положена в основу болгаро-татарской философии, так и татары Финляндии сохранили религиозно – педагогическое учение для своего развития.

Соблюдение духовно-нравственных традиций на основе мусульманской религии воспитывает у молодого поколения мироощущение, мировосприятие и миропонимание. Нормы поведения людей, их осмысление под влиянием Ислама передавались из поколения в поколение, развивались, совершенствовались и составляют ныне активный духовно-нравственный фонд, систему непререкаемых нравственных ценностей. Поэтому роль религии всегда была неоспоримой в условиях формирования диаспоры татар вне исторической родины.

В исламской этике заложены фундаментальные права человечества, которые необходимо соблюдать и уважать, несмотря на то, где проживает человек: на территории исламского государства или за его пределами. Основные исламские нравственные ценности: терпимость, добродетель, склонность к компромиссам, культ знания, образования, справедливости и права, и гражданская позиция

общественного сотрудничества выступали в единстве, определяя нравственный идеал и содержание религиозного воспитания подрастающего поколения татар.

Основные направления воспитания личности в традициях Ислама:

- воспитание в формировании нравственно совершенной личности, развитие чувства «таква», ответственности за выполнение своих обязанностей в общественной иерархии (пример родителей и их положительные поступки).

- внимание к физическому состоянию человека как условию сильного нравственного духа (обучение детей плаванию, стрельбе из лука, езде верхом, бегу, национальной борьбе и другим видам спорта).

- воспитание и развитие ума человека (необходимость подумать и поразмыслить).

- общественная коллективистская направленность развития способностей человека, определяющих благополучие в социуме (единство убеждений, цели, действий сплачивает людей для решения общих задач развития общества).

- воспитание благочестивого гражданина, человека, активно участвующего в жизни общества, постоянно повышающего свое гражданское самосознание.

- формирование нравственной позиции к материальным благам (материальные ценности должны быть направлены на благородные и благочестивые цели: содержание самого человека и его семьи, помощь бедным, сиротам и т.д).

Религиозное обучение, опираясь на основополагающие принципы Ислама, а также преемственность сохранения религиозных традиций является составной частью образования и воспитания детей и молодежи в диаспоре. Ответственность за организацию

религиозных праздников и правильность соблюдения всех ритуалов и церемоний, встреч и ответов на вопросы прихожан возлагается на имама. Каждую неделю по пятницам проводится общая молитва всех членов общины. Совместно со всеми членами общины проводятся основные религиозные праздники.

Изучение и раскрытие особенностей достижений на пути духовного прогресса татарского народа в XIX - первой половине XX в.в. и использование татарскими учеными, меценатами Финляндии в просветительской деятельности имеет неоспоримое значение в пропаганде родного языка в диаспоре татар. Опора на обязательное овладение родным языком является условием сохранения культурного наследия и традиций татар Поволжья. По данным исторических документов Исламского общества, поколение татар, эмигрировавшее в Финляндию, владело литературным татарским языком. Следующее поколение, родившееся на «новой» земле, овладевало родным языком в раннем детстве под влиянием дедушек и бабушек в семье. Родной татарский язык является средством общения в семье и между соотечественниками. Современные татары Финляндии владеют финским и шведским языками как государственными, английским как международным языком бизнеса.

В освоении многих идей, обретающих в этот период решающее значение для татарского общества, огромную роль сыграло печатное слово. Книгопечатание, начавшееся в 20-е годы XX века благодаря деятельности первых меценатов-просветителей, продолжила комиссия по делам образования и печати Исламского общества татар Финляндии. Первые предприниматели-просветители занимались издательским делом на собственные средства: Садри Арифилла (Sadri Arifulla),

Исмаил Арифиллен (Ismail Arifullen), Гомер Тахер (Ymar Daher), Гимад Замалетдин (Imad Samaletdin) и другие. В диаспоре издавалась информационная газета Mahalle Haberleri («Известия общины»). Такие видные ученые, меценаты как: Хасан Низаметдин Хамидулла, Садри Хамит, Загир Тагир, Гайса Хакимджан, Хабибрахман Шакир, Мостафа Шигаби, Файзи Буре, Госман Али и другие представители татарской диаспоры своим творчеством, стараниями внесли неоценимый вклад не только в культуру татарской диаспоры, но и общенациональную культуру Финляндии. Они включали в содержание своей информации материалы воспитательной направленности, специально подготовленные профессиональными педагогами или учеными. Существуют и специальные образовательные издания – учебные программы по предметам, издания по основам религии, пособия по дошкольному воспитанию, музыкальные сборники и т.д. Все печатные издания являются мощным средством воздействия на сознание детей, молодежи и взрослых.

Таким образом, в становлении системы образования и воспитания детей и молодежи в диаспоре татар Финляндии нами выделено три этапа:

первый этап – период от времени постепенной эмиграции татар Поволжья до создания Исламской общины татар Финляндии (1925г), когда нужды обучения и воспитания удовлетворялись главным образом в семье и приглашенными учителями из числа наиболее образованных членов общины.

второй этап – период организации обучения и воспитания детей в диаспоре, направленной на сохранение самоидентичности. Открытие национальной школы при Исламском обществе татар (1948 г), характеризующейся обслуживанием конфес-

сиональных, национальных потребностей, развития образовательного потенциала диаспоры. В дальнейшем развитие системы образования стало общей идейной платформой, гарантом сохранения духовного и культурного наследия своего народа в условиях европейского образа жизни.

третий этап – период развития педагогической культуры татар Финляндии, выражающейся в интеграции в финскую культуру при сохранении собственной национальной культуры. В этот период определилась главная тенденция в образовательной политике общины: ориентация на высшее образование как неперемное условие двойной идентификации.

Активизация деятельности татарских диаспор в разных регионах СНГ и дальнего зарубежья, обсуждение и решение проблем развития родного языка, культуры, просвещения, упрочение связей с Татарстаном, а также татарских диаспор Австралии, Америки, Канады, Турции, Финляндии – все это свидетельствует о стремлении татарского этноса к самосохранению и саморазвитию. Формирование национального самосознания, повышение образовательного уровня, интеллектуального потенциала молодежи служит мощным средством подъема благосостояния татарской нации в России и за рубежом.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается деятельность татаро-мусульманской диаспоры Финляндии по организации системы образования. Сохранение родного языка, исламской религии и национальных традиций финскими татарами было обусловлено целенаправленной и организованной деятельностью общины в этом направлении. Изучение Ислама и духовного наследия мусульман Поволжья было одним из стержневых элементов в энкультурации татар Финляндии.

MADINA MAKHMUTOVA

EDUCATION IN MUSLIM DIASPORA OF FINLAND IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL HERITAGE OF VOLGA TATARS

SUMMARY

The paper deals with the Tatar-Muslim Diaspora of Finland and its activities in organization of educational system. Preservation of native language, Islamic religion and national traditions by Finnish Tatars was due to purposeful and stable efforts of the Diaspora. Studying of Islam and spiritual heritage of Volga Muslims was one of the axial element in enculturation of Finland Tatars.

Ключевые слова: татарская диаспора, татарские просветители, духовная культура, Финляндия, мусульманское образование, Поволжье, педагогика.

Keywords: Tatar Diaspora, Tatar Enlighteners, spiritual culture, Finland, Islamic education, Volga Region, pedagogics.

Махмутова Мадина Мухаметовна (Казань, Россия) – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Основы музыкального воспитания» Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ).

Дина Мухаметзянова

РОЛЬ ДУХОВНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА В ВОСПИТАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ КАДИМИСТСКОГО МЕДРЕСЕ

Рассматривая тему духовного воспитания в кадимистском медресе необходимо подчеркнуть, что суфизм, будучи естественным явлением для традиционного ислама, имел сильное влияние на воспитательный процесс в кадимистской школе. Главный акцент делался на отношениях между духовным наставником и учеником, в то же время применение специфических методов и техник открывало большие возможности перед шакирдами для проявления усердия в работе над собой.

Прежде всего необходимо обратить внимание на отношение традиционного суннитского ислама к суфизму. Здесь необходимо отметить то, что собственно термин суфизм является продуктом западного востоковедения, где он трактуется как вариант мистицизма, адаптированного к исламу. Тогда как в мусульманской богословской традиции используется термин тасаввуф, который более адекватно отражает институциональную сторону рассматриваемого явления. Но, несмотря на то, что эти два термина не являются полностью эквивалентными по смыслу, объему и охвату явлений¹, мы допускаем применение обоих терминов в той мере, в какой они соответствуют друг другу.

Карл Эрнст отмечает: «При попытке описания суфийских орденов необходимо еще раз отметить различие между социологическим подходом западных востоковедов и практической вовлеченностью суфия в конкретное учение. Иными словами, востоковеды склонны рассматривать суфийские братства как социальное явление с четкими историческими и географическими границами. Сугубо социологические и политические интересы западных ученых побудили усмотреть в суфийских братствах образец авторитарных структур, что автоматически обусловило их склонность видеть в орденах нечто вроде политических партий со своими идеологическими интересами. Хотя мусульманские теоретики и не пренебрегают подобной общественной и исторической подоплекой, они склонны к иному подходу при описании самих братств»².

В традиционном исламе тасаввуф рассматривается, с одной стороны, как отрасль религиозного знания (ильм-ут-тасаввуф), с другой – как некий институт, который нашел свое отражение в термине тарикат. Тасаввуф и тарикат

не просто имели место в кадимистских медресе, но и играли важную организационную, педагогическую и историческую роль в их становлении и развитии. Сращение двух институтов – медресе и тарикат³ – проявлялось, прежде всего, в том, что тарикат обеспечивал формирование нравственной стороны личности мусульманского ученого, а медресе в свою очередь давало богословское образование тем, кто был в тарикате.

Для Средней Азии и Волго-Уральского региона тасаввуф никогда не рассматривался как нечто обособленное, параллельное традиционной религии, а напротив, как необходимое звено легимитизации официального духовенства. Правители Бухары, как правило, были мюридами известных шейхов, а иногда и сами обладали высокими духовными степенями. Все татарские муфтии до начала XX века являлись мюридами известных шейхов.

В доказательство того, что суфизм мусульманами не противопоставлялся традиционному исламу (что нередко можно наблюдать в восточноведческой и особенно в популярной литературе), приведем ряд высказываний авторитетных для мусульман теологов.

Известный татарский богослов Абу Насыр Курсави в своем трактате «Иршад лиль гыйбад» приводит мнение имама Малика – эпони́ма маликитского мазхаба⁴, сказавшего о суфиях: «Кто стал ученым и не стал суфием, тот будет грешником. Тот, кто стал суфием и не стал ученым, тот будет еретиком. А тот, кто воплотит в себе науку и суфизм, тот, действительно, приобретает Истину». Далее Курсави добавляет от себя следующие слова: «Ибо источник проникновения в сердце – это только тасаввуф. И если факих не занимается тасаввуфом, не проникает знание в его сердце и не управляет им,

то становится он нечестивцем вопреки своему знанию. Что же касается невежественного суфия, который исповедует что-либо помимо веры Аллаха из недозволенных нововведений и страстей, распространенных среди людей, то становится он многобожником зиндик, вводящим новшества, и не является настоящим суфием». Далее он говорит о том, что суфий не может быть вне рамок ислама. «Ведь выражение «суфий-невежда, противоречит само себе. Как «иудей-факих», или «суннит-мубтади». Что же до выражения «факих-нечестивец», оно подобно выражению «верующий грешник», нет в нем противоречия». Здесь А.Курсави акцентирует внимание на том, что истинным ученым может являться только тот, кто прошел школу тасаввуфа (или продолжающий там получать познания), тем самым претендуя на то, что он соответствует этому критерию.

Вопрос соотношения тариката и шариата, по сути, есть проблема соотношения формальной, внешней и содержательной, внутренней сторон жизни верующего. Если шариат призван регулировать внешнее поведение человека, то тарикат – есть свод законов моральных, призванный регулировать внутреннее состояние человека в процессе регуляции внешнего поведения. В связи с этим можно привести строки известного татарского поэта и преподавателя Каргалинских медресе Абульманиха Каргалый (1782–1833) – одного из воспитанников крупного среднеазиатского шейха Нияза Кулый Туркмани:

Әһле заһир миһнәт илә нәчә саль
Таптыгы гыйлме, Ходаи Зөлжаләл,
Әһле халә, би тәкәллеф, би кәсеб,
Фазлы илән, әксәре әйләр насыйб
Яки һәр бер шәйе шәрға раст итәр
Ни итәрсә, шәрғыйлә тугры китәр⁵.

Смысловой перевод:

«Те знания, что обладатель внешней формы (әһле заһир) приобретает с трудностями и множеством лет, Всемогущий Аллах обладателю внутренних состояний (әһле халь) дает больше по своей милости [несмотря на то, что тот не совершал] никаких ритуалов, никакой работы. Таким образом, все в нем Всевышний сделает соответствующим шариату, и что бы он ни сделал – совпадет с предписанным в шариате».

Это не является удивительным, так согласно определению тасаввуфа: «Тасаввуф состоит в очищении сердца от дурных нравов, тревоги о мирском, от соответствия [лишь] обыкновённым формальностям⁶. И когда оно очистится от дурных качеств и приобретет качества богоугодные, и заботы станут его возвышенными, и сосредоточится на совершении поклонения, следуя Пророку в шариате, и удержит свои страсти, то он стал суфием. А путь (тарика) очищения – неотступное соблюдение в действиях своих шариата согласно сунне, отказ от нововведений⁷».

Действительно тасаввуф и тарикат понимаются как продвижение к духовному совершенству через воспитание нафса⁸. В процессе воспитания нафс проходит через определенные ступени, последняя из которых предполагает полное соответствие нафса велениям Всевышнего, изображаемая в суфийской литературе через образ чистого зеркала, в котором должен отразиться рух.

Главным средством облагораживания нафса тасаввуф определяет духовного наставника, прошедшего этот путь и способного распознать хитрости нафса. Ученика именуют: мурид – желающий, талиб – ищущий, салик – идущий, а наставника: муршид – ведущий, пир, шайх – старец, мастер, устаз – наставник.

Послушание наставнику понимается как отказ от собственного «я» и замена его возвышенным «я» наставника. Принцип подчинения руководству, прошедшему духовный путь до определенного уровня, освободившись от своего «Я», ставшего соответствовать божественным велениям, положен в основу суфийской практики⁹. Только подчинение наставнику делает суфия настоящим суфием¹⁰. Этот тезис строится на том, что нафс не способен видеть свои недостатки без искажений и внушения шайтана.

Сложная внутренняя трансформация возможна только под руководством наставника, авторитет которого основан не только на том, что он прошел весь путь до конца, но и на линии преемственности, возводимой непосредственно к пророку Мухаммеду¹¹. Каждая цепь преемственности, естественно, содержит связь наставника с предыдущим наставником. Однако такая цепочка рассматривается не как общественное установление – в ней усматривают передачу учения, которое позволяет отдельному человеку вступить в духовную жизнь.

Путь борьбы с нафсом в тасаввуфе начинается с этапа растворения и исчезновения в любви муршида. Это состояние требует безграничной преданности. В совершенных муршидом делах выискивается хикмат (скрытые причины и мотивы). Ошибки приписываются своему «Я». В этом путешествии, основанном на преданности и покорности, условие для муршида – быть совершенным (муршид-и камил). Жить по исламу и распространять ислам – его основная задача. Этой личности необходимо получить повеление от Аллаха «направлять людей на истинный путь». По этой причине выбирать человека на роль муршида от имени какого-либо общества людей в тасаввуфе считается курьезом. Утверждается, что нелепо, чтобы

выбранный людьми человек был ответственен за такую миссию, сколько бы не казался развитым в религиозных науках и в состояниях души.

Абульманих Каргалый описывает это следующим образом:

Эй тарик әһле улан кардәшләр
Шәйхә хезмәт әйләян хәлдәшләр
Әйләян көшфә көшүфәтә өмид
Кыйлмагыл шәйхә тәхәллеф, әй
мөрид¹².

О друзья, те, что вошли в тарикат,
Товарищи в служении шейху.
Если на прозрение надеешься,
Не прекословь шейху, о мюрид.

Или в других его строках:

Эй газиз кордаш, мөрид ирсән әгәр
Мәгрифәт бабындин эстәрсән сәмәр
Һәр нә боерысә шәйхән, кыйл кабул
Күренерсә күзәнә әгәрчә сул
Каршы килер инкыйяд итсән аңа
Дин-у дөһияның сәгадәте сәңа¹³.

Милый друг, если ты мюридом считаешься,

Если плода познания добиваешься,
Ты прими своего шейха любое веление,

Даже если покажется оно отклонением.

Ну а если ему в послушании будешь,
То тебя встретит счастье обоих миров.

В тасаввуфе существует достаточно большое количество методов воспитания в различных вариациях. Методы могут различаться как от тариката к тарикату, так и внутри тариката от учителя к учителю.

Учитывая вышесказанное, наиболее важными методами воспитания являются те, в которых задействованы взаимоотношения учитель–ученик. Среди них основными являются сухбат

(очное общение с муршидом), а также рабыта и тавадджух (духовная связь с учителем и настрой на его образ).

Во время непосредственного общения мюрида со своим муршидом передаются его опыт и знания. В то же время мюрид может рассказать своему наставнику о том, что происходит в его душе, мыслях, обращаясь к муршиду при возникновении препятствий и затруднений на пути духовного совершенствования. Такая откровенность играет важную роль в воспитании. Мюрид подобен больному перед своим лекарем, рассказывающему о своей болезни. Сухбат укрепляет связь между мюридом и муршидом.

Безусловно, огромный воспитательный эффект имело изучение поэзии. Воспитанники изучали лучшие образцы тюркской, персидской поэзии. Более того, специальный курс гильм-аруз предписывал им самим упражняться в стихосложении. Поэтому неудивительно, что в среде кадимистского медресе поэзия была широко распространена. В этой среде выросли такие известные поэты, как Абульманих Каргалый, Шамсетдин Заки, Хибатулла Салихов, Гали Чокрый, Габдурахман Утыз Имяни, Габдульджаббар Кандаый Парави, Мифтахетдин Акмулла, а позже Габдулла Тукай, Маджит Гафури. Свидетельством тому, что поэзии придавалось большое значение, служит большое количество произведений анонимных авторов, содержащихся в так называемых ученических тетрадях (шакерд дәфтәрләре)¹⁴. До сих пор, к сожалению, они не изучались как образцы суфийской поэзии.

Отношение к учителю – это центральный вопрос не только в воспитании и обучении, на это обращает внимание и Ф.Андреевский, описывая медресе XIX века в Крыму¹⁵. «Фигура оджи (учителя) в мусульманской тра-

диции окутана глубоким уважением, благоговейным почтением, а порой и мистицизмом. Последнее часто достигалось не благодаря педагогическим качествам того или иного учителя, а с помощью возведенных в абсолют освященных клерикалами высказываний из религиозных книг. В их числе наиболее яркими представляются следующие: «Выговоры и побои муллы, оджи гораздо полезнее, чем ласки родителей»; «Родители низводят душу человека на землю, и только, а учителя мусульманских мектебе помогают душе опять подняться на небо!..»; «Кто показал тебе хоть одну букву, тем са-

мым приобрел над тобою право хозяина!»; «Кто научил тебя хотя бы одному слову Корана – твой хозяин!..».

Бесспорно то, что большинство преподавателей медресе не являлись муршидами, однако, будучи сами связаны с духовными наставниками, для шакирдов выступали их представителями и связующим звеном между ними. И поэтому в практических руководствах, зафиксированных в виде трактатов, содержатся подробные изложения норм (адабов) – взаимоотношения не только между учителем и учеником, но и между учениками, в том числе разного уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В исламоведческой литературе (см., например: Массэ А. Ислам. Очерки истории. – М., 1963. – С.158-164) нередко можно наблюдать смещение акцентов на те течения, которые сами традиционные мусульмане считают ложными, еретическими, и четко отграничивают их от тасаввуфа (см., например: Таджеттдин Ялчыгол. Рисалии Газизэ. – Казан: Иман, 2001. – С.270-273).

2. Эрнст Карл В. Суфизм / Пер. с англ. А.Горькавого. – М.: ФАИРПРЕСС, 2002. – 320 с.

3. Тарикат – как термин в тасаввуфе понимается двояко: в первом значении, как личный путь мурида к духовному совершенству посредством мурида, который связывает мурида с цепью (силсила) духовных наставников, восходящих к Пророку; во втором смысле, как некая социальная общность, духовное братство тех, кто примыкает через эту силсила к основателю (пиру) тариката или его ответвления. В данном контексте применяется второе значение.

4. Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (аль-Иршад ли-л-ибадат) / Пер. с араб. – Казань: ТКИ, 2005. – С.173.

5. Каргальей Эбельманих. Мөнәжәтләр, хикәятләр. – Казан: Иман, 2002. – С. 99.

6. В данном контексте мы сочли уместным использовать такой перевод. Возможен вариант перевода: потворства [своим] природным инстинктам. У Курсави применено словосочетание “мувафакат русум табигия”. Слово русум в суфийской литературе понимается как нечто внешнее, формальное, обрядовое, и нередко противопоставляется понятию ахлак – нравственность. В связи с этим известно изречение Абуль Хасана Нури «Тасаввуф не есть лишь формальности (русум) и знания (улум), но есть нравственность (ахлак)» (см.: Аль-Худжвири. Раскрытие скрытого. – М., 2004. – С.42).

7. Курсави Абу-н-Наср. Наставление людей на путь истины (аль-Иршад ли-л-ибадат) / Пер. с араб. – Казань: ТКИ, 2005. – С.170.

8. Нафс (человеческое Я, животная душа, страсть, эго) – согласно мировоззрению ислама темная сторона человеческой души, основное свойство которой есть самовозвеличивание, приводящее к противопоставлению себя Богу. Все дурные нравственные качества человека суть проявления нафса. Положительные качества же являются проявлениями светлой стороны души – рух (дух, ангельская душа), главным качеством которого является стремление к Создателю. Поскольку человеческая душа не может быть разделена, то единственным выходом видится изменение нафса путем подчинения его божественной воле.

9. Тримингэм Дж.С. Суфийские ордены в исламе. – М.: София, 2002. – С.17.

10. Там же. – С.3.

11. Джемаледдин Казикумухский Адабуль-Марзия. Учение о тарикате // ССОКГ. Вып. II. – Тифлис, 1869. – С.27.
 12. Каргальи Эбельманих. Мөнэжэтлэр, хикэятлэр. – Казан: «Иман», 2002. – С. 86.
 13. Там же.
 14. Госманов М.А. Каурый калэм эзеннэн. Археограф язмалары / М.А.Госманов. – Казан: ТКН, 1994. – С. 95-155.
 15. Андриевский Ф.Н. Мусульманский мектебе и его роль среди татарского народа на Крымском полуострове (Исторический очерк). – Симферопль: Изд-во Таврич. губ. земства, 1908. – С.26.

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор рассматривает связь между формальным богословским образованием в традиционном татарском медресе и суфийским институтом духовного наставничества. Суфизм, будучи естественным явлением для традиционного ислама, имел сильное влияние на воспитательный процесс в кадимистской школе. Главный акцент делался на отношениях между духовным наставником и учеником, в то же время применение специфических методов и техник открывало большие возможности перед шакирдами для проявления усердия в работе над собой.

DINA MUKHAMETZYANOVA

THE ROLE OF SPIRITUAL LEADERSHIP IN EDUCATIONAL PROCESS OF TATAR QADIMIST MADRASA

SUMMARY

The paper deals with the correlation between formal theological education in a traditional Tatar Madrasa and Sufi institution of spiritual leadership. Sufism as an organic phenomenon within traditional Islam seriously influenced educational process in Qadimist school. The relationship between spiritual leader and disciple was emphasized, whilst application of specific methods and techniques provided wide range of facilities for Shakirds to improve oneself.

Ключевые слова: кадимистское медресе, суфизм, духовное наставничество, воспитательный процесс, муршид, мюрид, шакирды.

Keywords: Qadimist Madrasa, Sufism, spiritual leadership, educational process, Murshid, Murid, Shakirds.

Мухаметзянова Дина Сибгатовна (Казань, Россия) – научный сотрудник Отдела теории и истории национального образования Института Истории Академии Наук Республики Татарстан им Ш.Марджани. E-mail: history@tataroved.ru

Рафик Мухаметшин

МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У ТАТАР В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В России на рубеже XX-XXI вв. система мусульманского образования переживает период становления. Предстоит решать очень много проблем. Одной из многочисленных проблем является вдумчивое осмысление исторического опыта, который у татар был очень богатым. Каков этот опыт и перед какими проблемами стояли наши предки? Статья посвящена именно этой проблеме.

Народное образование у татар, как разветвленная система, формировалось еще в Волжской Булгарии, традиции которой развивались и в период Золотой Орды и Казанского ханства. После потери татарами государственности объективные условия для функционирования высокоразвитой культуры исчезли. Это коснулось и народного образования, которое потеряло и государственную поддержку, и материальные основы существования. Только в конце XVIII в. возникли определенные условия для его восстановления. В силу отсутствия педагогических кадров, утери многих своих местных традиций учебные заведения возрождались по аналогии со среднеазиатскими. Это, во-первых, потому, что к этому времени Средняя Азия, состоявшая из нескольких самостоятельных ханств, была одним из главных центров мусульманской образованности, где основным очагом ее была Бухара. И, хотя научная мысль в мусульманском мире давно уже потеряла свой былой прогрессивный характер и застыла в своей клерикальной и схоластической исключительности, тем не менее, сюда стекались “искатели света ислама и восточной философской мудрости” не только из России, но и из других мусульманских стран¹. Во-вторых, к этому времени татарские купцы постепенно восстанавливали торговые связи со Средней Азией. Они привозили много рукописей и книг, которые тогда высоко ценились среди казанских татар. Представители купечества своими глазами видели, как ценится в мусульманских странах знание, и каким покровительством со стороны общества пользуются там ученые. Именно они стали практически первыми меценатами татарских учебных заведений. Человек, получивший образование в Бухаре, пользовался большим почетом, ему давали большую махаллю и величали дамулла — великий мулла. Выпускники бухарских медресе не ограничивались исполнением обязанности имама в махаллинской мечети,

а открывали медресе, собирали учеников - шакирдов и готовили рядовых священнослужителей для махалли, а некоторые из шакирдов этих медресе продолжили свое образование в Бухаре. И.Г. Георги еще в конце XVIII в. обратил внимание, что у татар во всякой деревушке имеется “обособливая молебная хранина и школа, даже в больших деревнях есть подобные сим девичьи школы”.

У татар учебные заведения разделялись на два типа: мектеб (низший) и медресе (средний и высший). Мектеб, как начальная школа, существовала при каждой мечети, которой руководил мулла своей махалли. Класа или отделений, а также определенных учебных программ в мектебе не было. Преподавание велось с каждым учеником персонально по книгам, содержание которых состояло из догматов веры и нравоучительных рассказов, обычно из жизни святых пророков. Сроки обучения в мектебе также не определялись. Основную массу учеников составляли мальчики от 8 до 14 лет. Девочки учились в доме муллы, у его жены, которую величали остабике или абыстай. Приемы обучения здесь были те же, что и в мектебе, но запрещалось обучение письму.

Мектебы содержались на средства населения. Помещения представляли собой обычные деревенские дома из одной или нескольких комнат, которые были и классом, и общежитием для многих учащихся. Здесь они готовили пищу, вели все остальное хозяйство, спали, проводили свободное время. Мулла и основные учителя-хальфы не получали жалованья. Они жили приношениями и дарами учеников.

Медресе, как и мектебе, состояли при мечети и находились под заведованием махаллинского духовенства. Но не каждая махалля имела свое медресе. Они открывались только в

городах и в тех деревнях, где были богатые люди, способные и желающие его обеспечивать, а также образованный мулла, способный организовать такого типа учебное заведение. В Казани, например, каждая махалля имела свое медресе, правда, не все из них пользовались одинаковым авторитетом. Так, в конце XVIII – начале XX вв. наибольшей популярностью пользовалось Апанаевское медресе. И в деревнях появились крупные учебные заведения, которые по своей популярности и уровню подготовки не уступали городским. Такими были медресе в деревнях Кшкар, Большие Сабы, Сатыш, Асан Иле, Тумутук, Уруссу, Байряка, Нижние Чершилы и др.

Основной контингент шакирдов составляли мальчики от 10 до 20 лет. Медресе, как и мектебе, не имели ни строго определенных программ, ни сроков обучения. Содержание и методы обучения в медресе вплоть до середины XIX в. носили чисто конфессиональный характер. Правда, наряду с богословскими дисциплинами учащимся давали также элементарные знания по арифметике, геометрии, некоторым сведениям по географии, астрономии, медицине. Но уровень преподавания светских дисциплин не выходил за пределы средневековых религиозных представлений о мире, практически не учитывались последние достижения науки и техники.

Основными преподавателями, как и в мектебе, были хальфы. Во главе медресе стоял мударрис, имеющий, как правило, солидное богословское образование в восточных странах.

Материальное положение медресе было сложным. Неблагоустроенные комнаты служили нередко аудиториями и общежитием. Данная ситуация усугублялась еще и тем, что закят (одна сороковая часть богатства имущих людей, отчисляемая по шариату на благотворительность), потолкованию

схоластических правоведов, считался действительным только тогда, когда он раздавался в собственность отдельным неимущим людям. Поскольку общественная благотворительность не считалась формой закята, богатые люди свои закяты давали бедным людям, а на содержание медресе выделяли очень скудные средства. Хотя медресе и не оставалось без закята, но он здесь тоже раздавался среди самих шакирдов, к тому же не по степени нужды, а по курсам, то есть чем выше курс, тем больше получал шакирд и закят. Поэтому не случайно татарская интеллигенция была заинтересована в создании благотворительных организаций, способных в какой-то степени аккумулировать и, соответственно, разумно распределять хотя бы часть принадлежащего народу национального богатства, в том числе и закята. И действительно, со второй половины XVI в., в условиях, когда государство практически игнорировало интересы инородческого населения России, благотворительность для татар являлась единственным источником финансирования их социальных, духовных и просветительских нужд. Новые веяния в общественную жизнь татар проникли со второй половины XIX в. А до этого татарские медресе представляли традиционное мусульманское учебное заведение бухарского типа. К середине XIX в. в Казанском крае насчитывалось 430 мектебе и 57 медресе, а в Волго-Уральском регионе их было уже 1482.

Учебные заведения бухарского типа к середине XIX в. уже не устраивали потребностей татарского общества. Их необходимо было адаптировать к новым реалиям российской действительности и идеологическим потребностям самого татарского общества, в первую очередь, зарождающейся буржуазии. Старометодная (кадимистская) школа не могла оставаться

в прежнем состоянии, ибо требовался качественный сдвиг в сторону серьезного изучения светских наук для практической подготовки подрастающего поколения к жизни. Решение этой задачи стало основополагающим моментом реформы системы народного образования. Новометодные (“джадидские”) медресе в первую очередь были нацелены на использование нового (звукового) метода обучения и полноценного преподавания светских дисциплин. При этом нужно признать, что хотя в новометодные учебные заведения изначально и были заложены иные, чем в кадимистские, идеологические функции, их нельзя противопоставлять, поскольку они стали составляющими единой системы национального образования. При этом также нужно иметь в виду, что татарские сельские общины, к которым относились около 95% всех профессиональных учебных заведений, оставались оплотом традиционного мусульманского общества. Нельзя забывать также и то, что община, по словам Исмаила Гаспринского, “представляет собою миниатюрное государство с прочной связью частей с целым и имеет свои законы, обычаи, общественные порядки, учреждения и традиции, поддерживаемые в постоянной силе и свежести духом исламизма. Община эта имеет свою власть в лице старшин и всего прихода, не нуждающихся в высшем признании, ибо авторитет этой власти – авторитет религиозно-нравственный... Община эта имеет совершенно независимое духовенство, не нуждающееся ни в каких санкциях и посвящениях. Всякий подготовленный мусульманин может быть учителем, муэдзином, имамом, ахуном и пр., при согласии общины”². Поэтому не случайно учебные заведения оказались в эпицентре довольно жесткой идеологической борьбы за умы подрастающего поко-

ления, поскольку они оказались наиболее эффективным (до начала XX в. практически единственным) инструментом воздействия на общественное сознание. В 1912 в России было уже 779 медресе, 8117 мектебе, где образование получали 267476 учащихся³ и в этой среде наметились довольно определенные тенденции. Так, к 1910 году до 90% всех мектебов и медресе Казанской губернии примкнули к звуковому методу, тем самым отдав предпочтение не только новой системе образования, но и идеологии национального обновления общества. Как отмечалось в циркуляре правительства губернаторам России, еще в 1900 году сторонники нового метода призывали «татарское население России к образованию, к приобретению практических познаний как в области ремесел и промышленности, так и в изучении иностранных языков, дабы оно (население – М.Р.) было культурно и богато»⁴.

Практически во всех регионах компактного проживания татар появились крупнейшие джадидские медресе, ставшие очагами татарской культуры: «Галия», «Усмания» (Уфа), «Хусаиния» (Оренбург), «Расулия» (Троицк), «Мухаммадия», «Марджани», Апанаевское (Казань), «Буби» (Иж-Бобья) и др.

Одновременно, в рамках реализации национальной политики Российского государства и планов миссионерства, открывались школы для крещеных татар и нерусского населения в целом. Старая система, строящаяся на принципах насильственного крещения, себя не оправдала. Система, разработанная Н.И. Ильминским, во главу угла ставила распространение православия среди нерусского населения на их родном языке. Для этой цели печатали учебники и религиозные книги на основе русского алфавита на родном языке учащихся.

Конечной целью обучения, по словам Н.И. Ильминского, должно стать «обрусение инородцев и совершенное слияние их с русским народом по вере и языку»⁵. На основе этой системы была организована значительная сеть школ. С целью подготовки учителей для миссионерских школ, а отчасти и священников, в 1863 г. в Казани была открыта центральная крещено-татарская школа, в 1872 инородческая учительская семинария. Учительские школы были открыты также в Симбирске, Уфе, Бирске. К 1870 г. крещено-татарских школ было уже 39.

Кроме чисто миссионерских школ, созданных для детей крещеных народностей, для татар-мусульман открывались школы другого типа – русско-татарские. Это были начальные школы, функционирующие на средства казны, где наряду с обучением русской грамоте все общеобразовательные дисциплины велись на русском языке. В 1876 г. для подготовки учителей этих школ была открыта в Казани первая татарская учительская школа. Однако татарское население отрицательно отнеслось к русско-татарским школам. Поэтому такие школы не имели большого успеха, число их было крайне мало. В начале XX в. по всему Казанскому учебному округу, куда входило шесть губерний региона, было всего 57 русско-татарских школ, а в самой Казанской губернии 11 школ.

Татарская интеллигенция предпринимала энергичные меры, направленные на превращение этих школ в новометодные учебные заведения с обязательным преподаванием Корана, основ веры и шариата. Так, в Казани с 1870 по 1915 г. открылись 14 русско-татарских школ и русских классов при медресе, которые находились под покровительством прогрессивных татарских купцов.

Одной из особенностей татарского

образования конца XIX - начала XX вв. стало и то, что именно в этот период получило широкое развитие женское образование, отражающее новые прогрессивные сдвиги в решении женского вопроса в татарском обществе. Так, к началу XX в. в Казани существовали женские школы Аитовой, Хусаиновой, Муштариевой, Сайфуллиной, Габитовой, Амирхановой, Мирхайдаровой и др. В 1907 г. женская школа была открыта в деревне Иж-Бобья, в 1909 - в Троицке, Оренбурге и др.

В целом можно сказать, что конец XIX - начало XX вв. ознаменовался выходом на общественную арену новых сил, качественным изменением общественного сознания: на базе религиозного реформаторства, просветительства и либеральных идей формировались основные направления общественной мысли, которые образовали теоретическую основу последовавшего мощного подъема национального движения среди татар по пути прогресса и стремления стать активными творцами своей истории. Именно в этот период были серьезно поколеблены основы традиционного мировоззрения, заложены основы секуляризации общественной мысли. Эти тенденции особенно отчетливо проявились после революции 1905-1907 гг., когда широкое распространение получили периодические издания, светское образование, пробудился интерес к достижениям современной науки и техники, появилась возможность создавать политические партии и объединения, относительно свободно выражать свои политические взгляды.

Тем не менее в начале XX в. система образования требовала серьезных перемен, которые были обусловлены многими факторами. Новометодные медресе, ставшие к этому времени основой этой системы, также нуждались в совершенствовании. Необходи-

димо было определиться в основных принципах, которые должны были обозначить перспективу системы образования. Это, в первую очередь, коснулось статуса татарских учебных заведений: являются ли они сугубо конфессиональными или новометодные учебные заведения приобретают иной, светский характер. Эта проблема оказалась не такой простой, какой казалась на первый взгляд. Хотя и правовое положение татарских медресе вписывалось только в систему конфессиональных учебных заведений, реальная ситуация была намного сложнее. Татарские мектебе и медресе все без исключения открывались как конфессиональные учебные заведения при приходах (махалля). Если было получено разрешение на открытие прихода, то при нем можно было открыть и медресе, и мектебе.

Такое положение вполне устраивало мусульман России, поскольку они могли довольно легко решить проблему открытия учебных заведений. Но их конфессиональный характер, безусловно, во многом сдерживал процесс их модернизации. Возможно, поэтому в начале XX в. в татарской периодической печати развернулась целая дискуссия по определению содержания конфессионального образования. Одной из причин этого спора стал запрос Департамента иностранных исповеданий Оренбургскому и Таврическому духовным управлениям в октябре 1913 г. о том, как смотрит шариат на вопрос о мектебе и медресе. На данный запрос Департамента откликнулись все без исключения татарские газеты. Красной нитью в публикациях проходил тезис о том, что в исламе не существуют деления учебных заведений на конфессиональные и светские: будучи по существу конфессиональными, мусульманские учебные заведения в течение всей истории исламской цивилизации не ограни-

чивали круга изучаемых в них наук, если они, конечно, не противоречили основным канонам ислама. Так, газета «Кояш» обратила внимание, что «не было ни одной науки, известной в то время (в эпоху Аббасидов - Р.М.), которая не преподавалась бы в медресе... Эти медресе были учреждены только по требованию шариата: «получайте знание и образование». Поскольку по шариату знание ничем не ограничивается и получение знания, каким бы оно ни было, является религиозной обязанностью, то программы медресе не были ничем ограничены... Так как шариат дает широкий простор науке и не ограничивает ее ничем, а наоборот предписывает получать знание, каким бы оно ни было, то в этих медресе программы обучения не были ограничены никакими рамками. С точки зрения религии, сюда входят все новые науки, которые считаются полезными и избавляются лишь от тех, которые потеряли свое значение... Наша религия не является религией, выражающейся исключительно, в молитве; она предписывает приобретение знаний, необходимых для жизни»⁶. Газета «Вакыт» по этому поводу заметила, что «наука у нас обозначает светское и религиозное знание», поэтому «наши мектебе не разделяются на конфессиональные и неконфессиональные»⁷.

В газете «Тарджеман» обращалось внимание на то, что «наука - это фарз (обязательное предписание религии - Р.М.)» без нее «невозможно в совершенстве понять религию»⁸. Даже консервативный «Дин ва магыйшат», в принципе соглашаясь с такими подходами, лишь уточняет, что «шариат есть религиозное знание»⁹.

Такое единодушие в идеологически разношерстной татарской периодической печати, в первую очередь, означало озабоченность различных слоев татарского общества судьбой

системы образования. С одной стороны, все прекрасно понимали необходимость если не кардинальных, то значительных изменений в этой сфере. А с другой, их настораживало то, что именно правительство предпринимало решительные попытки в реформировании системы образования.

Педагог и общественный деятель Фатих Сайфи это объяснял тем, что «когда мектебе были плохи, а в медресе не было порядка, тогда и правительство не обращало на них никакого внимания и предоставляло их самим себе. Оно начало придавать значение нашим мектебе и медресе только в последнее время, когда мы заговорили о необходимости их преобразования и, исправив программы преподавания, начали в некоторых мектебе и медресе обучать, кроме вероучения, и кое-каким необходимым для жизни дисциплинам»¹⁰. Как писала газета «Вакыт»: «Несколько лет тому назад при Министерстве внутренних дел было созвано особое совещание по проблемам мусульман. На нем было решено оставить мусульманские мектебе и медресе в ведении мусульманской общины и, вместе с тем, изъять из программ этих школ преподавание различных светских дисциплин, включая даже русский язык. Таким образом, - заключала газета, - желающие получить светское образование, должны были поступать в русские школы»¹¹. Такая постановка проблемы, безусловно, не устраивала татарскую интеллигенцию и духовенство. Необходимо было предложить свои варианты реформирования. В татарском обществе было понимание того, что время изоляционизма в этой сфере прошло. Конфессиональная школа уже не отвечала требованиям бурно развивающегося общества. Она, действительно, во многом была независимой от официальной системы обра-

зования, но она была разобщенной, чтобы служить высоким идеалам нации. Отдельно взятое учебное заведение функционировало и выживало само по себе. Оно решало общенациональные проблемы по мере своих возможностей. Отсутствие единой системы национального образования во многом сдерживало процесс консолидации интеллектуальных сил и усилий татарского общества. Газета «Баянхак» в связи с этим обратила внимание, что мектебе «должны служить какой-либо идее. Если оно не служит никакой идее, его мектебе называть нельзя, подобно тому, как нельзя надеяться на что-либо полезное для нации от человека бездейного... Вследствие того, что в русских школах и учебных заведениях других наций всегда преследуется какая-либо идея - из них выходят люди, которые... стойко и умело выступают на сцену жизни... Это, вне всякого сомнения, счастье, даваемое мектебе. При этом нельзя не задаваться вопросом: почему же так низко стоим мы?»¹² Зия Камали утверждает, что «проблемы мектебе и медресе необходимо рассматривать с точки зрения облегчения положения всей нации и повышения ее образовательного уровня»¹³. Одно из самых сложных противоречий, имеющих отношение к этой проблеме, существовало внутри самой мусульманской общины. Во-первых, формирование новых приходов, не без попустительства Духовного собрания мусульман, было пущено на самотек. Как пишет газета «Вақыт», что «приходы раздробляются. В местах, где они совершенно не нужны, открываются новые приходы. Где достаточно одного прихода, их появляется пять. Вместо одного хорошего ученого назначают десять мулл. Содержание десяти необразованных мулл ложится тяжелым бременем на несчастный народ и это является при-

чиной обеднения и без того уже бедных мусульман»¹⁴. Во-вторых, появление новых приходов уже предполагало открытие при них мектебе или медресе, которых иногда в приходе было даже несколько. Так, например, в д. Ново-Надырово Бугульминской губернии на три прихода приходилось 5 медресе и 2 мектебе. При таком количестве учебных заведений в одном населенном пункте о полноценном их функционировании говорить не приходится. Тем более они функционировали исключительно за счет прихожан. Поскольку учебные заведения сразу же становились составными элементами мусульманского прихода, их состояние во многом зависело от организаторских, интеллектуальных и педагогических возможностей главы местной махалли. Возможно, поэтому ситуация, когда хазраты эти учебные заведения считали своей собственностью¹⁵, особенно в деревнях, была довольно типичной для сельской местности. Правда, в начале XX в. положение несколько изменилось в связи с появлением в мусульманских учебных заведениях профессиональных педагогов-мугаллимов. Они «хотя... и не являются педагогами, окончившими курс в учительских семинариях со специально разработанной национальной программой, тем не менее они выпускники наших медресе, которые за последние 10-15 лет изменились к лучшему. Среди них есть также более или менее сведущие в науках. По сравнению со многими нашими муллами, они о преподавании знают куда больше. На высказывания и советы наших мугаллимов, которые близки к реальной жизни, теперь обращают все больше внимания»¹⁴. Появление педагогов в приходских учебных заведениях, будучи, безусловно, явлением позитивным, еще больше обнажила организационно-финансовые проблемы

прихода. Как отмечает Фуад Туктаров, «первоначально мулла прихода и учитель старались поладить между собой. Но уже с начала второго года между ними намечаются разногласия. Мулла считает учителя чужим, а учитель старается подорвать авторитет муллы среди населения»¹⁵. Причиной этого явления, по словам Ф.Туктарова, более чем ясны: «Новые школы открываются или на средства отдельных богатых лиц, или же на средства прихода... Почитать учителя и помогать ему в исламе признается таким же богоугодным делом, как и уважение и помощь мулле и имаму... Вначале народ дает мулле и учителю поровну, но через определенное время доля даяний, предназначенных мулле, начинает уменьшаться. Наш мулла богат, - говорят прихожане, у нас есть люди, более нуждающиеся в помощи, и начинают постепенно сокращать количество подаваний мулле»¹⁶. Мулла, каким бы он не был «просвещенным, сторонником нового метода и воодушевленным национальным чувством человеком, но когда дело касается кармана и хлеба, он поневоле меняет свои взгляды и поведение, открывает кампанию против учителя»¹⁷. Безусловно, дело в данном случае не сводится к личности муллы или учителя, поскольку экономическое положение имама во многом зависело от благополучия членов прихода. Оно, действительно, не улучшалось. Этой проблеме Садри Максуди посвятил специальную публичную лекцию в Восточном клубе 13 февраля 1914 года, где он обратил внимание, что «наши имамы до настоящего времени оберегали нашу святую веру, нашу нацию и наш язык, поэтому мы обязаны заботиться должным образом об улучшении их дел и обеспечении их быта. В настоящее время наши имамы, особенно в деревнях, очень бедны. Прежде, когда у народа земли было много, и их дела были получше...

В настоящее же время во многих местах дела крестьян-земледельцев ухудшились и, соответственно, имамам стали подавать намного меньше. Несчастливые имамы... испытывают крайнюю нужду и беспомощность»¹⁸. Поэтому, вполне естественно, мулла, содержание которого полностью ложится на приход «при усилении значения в приходе учителя и переходе к нему большей части подаваний... начинает голодать или, по крайней мере, терять значительную часть своего годового дохода. Поэтому вполне естественно, что с этого момента мулла считает учителя лишним и дело доходит до открытой вражды»¹⁹. В такой ситуации муллы пытались «выставить мугаллимов противниками религии и традиции»²⁰. Это противостояние, постепенно втянувшее в себя и членов всего прихода, как правило, становилось «причиной или полного закрытия мектебе, которые уже встали на путь реформирования, или же возвращения их в прежнее положение»²¹. Как ни парадоксально, но вывод, к которому постепенно приходила прогрессивная татарская интеллигенция, имела под собой серьезную подоплеку: «постоянное увеличение в деревнях без всякой надобности числа приходов, мечетей, школ и имамов представляет собой явление чрезвычайно вредное для единства, для развития национального чувства и для прогресса мусульман»²². Если иметь в виду, что число мусульманских приходов в России в начале XX в. доходило до 24321, богослужебные здания (молитвенные дома, временные мечети, соборные мечети) - до 26279, а духовных лиц насчитывалось до 45339, т.е. одно духовное лицо приблизительно на 357 прихожан (при 16222073 мусульманах на 1 января 1912)²³. Действительно, в условиях отсутствия какого-либо органа, контролирующего деятельность учебных заведений, воз-

никающих практически во всех приходах в неограниченном количестве, несложно представить их финансовые и кадровые проблемы. Как отмечает Ф.Туктаров, «приход с большими материальными затруднениями строит большую мечеть, но у него не хватает средства на сооружение и такой же большой школы, да и понимания ее необходимости в большинстве случаев не имеется»²⁴. Поэтому «в большинстве случаев для этой цели отводится небольшой, старый и самый неопрятный из всех домов селения. Даже в совершенно незнакомой деревне, не спрашивая ни у кого, можно найти школу. Она всегда отделяется от других зданий своей невзрачностью, нечистой, царящей вокруг нее и плохим содержанием»²⁵. Вполне естественно, считает Ф.Туктаров, «такое неудовлетворенное состояние школьной обстановки очень плохо влияет на души детей, убивает в них охоту к учению и способствует уничтожению того уважения, которое они должны чувствовать к школе. Кто знает, может быть, эти мрачные школьные здания несут ответственность и за то, что мы, татары, имеем столь замкнутый характер и черствое сердце»²⁶. Поэтому ситуация, когда, по словам Хади Атласи, «среди татар число посещающих школы детей гораздо выше по сравнению с русскими и в некоторых уездах число учащихся доходит до 12%, ... а среди русского населения России находятся в школе только 5% населения, т.е. в деревне с населением в 1000 душ только 50 дней посещают школу»²⁷, дает возможность надеяться на то, что у татар «школьное дело очень быстро продвигается вперед..., но это отрадное явление только с одной стороны»²⁸. Потому что, по его утверждению «от того, что у нас число посещающих школы равняется числу в Австро-Венгрии, далеко не следует, к сожалению, что мы – нация столь же передовая,

как и австрийцы; от того, что число посещающих школы у нас выше, чем у русских, еще не следует, что мы опередили русских»²⁹, поскольку у них «школы устроены согласно с требованиями жизни и времени. В них воспитание и получаемые от этого воспитания плоды, совершенно другие, чем воспитание и его плоды, которые даются нашими школами»³⁰. Дети, воспитывающиеся в их школах, «выходят из них с полным знанием своей религии и... способные жить самостоятельно»³¹. А в татарских учебных заведениях, считает Х.Атласи, «ввиду их несоответствия требованиям жизни и времени, кроме некоторых знаний по религиозным вопросам, для жизни не дается ничего»³². В связи с этим одним из первостепенных задач общества он считает проблему реформирования системы образования: «если мы желаем существовать подобно другим, если мы еще совершенно не утратили веры в жизнь, то должны, первым делом и не теряя ни минуты, улучшить свои школы, стараться поставить их так, чтобы они, подобно школам других наций, вместе с преподаванием религии, удовлетворяли бы и требования времени, стояли бы близко к жизни»³³.

Перемены, которые происходили в системе образования, вне всякого сомнения, были позитивными. Реформы еще «10-15 лет назад были только в мыслях, такие планы предлагались только передовыми людьми нации. Тогда, казалось, что осуществление подобных изменений в татарском обществе может произвести довольно значительные перемены»³⁴. Но «частичное преобразование наших медресе не могло произвести каких-либо значительных изменений в нашей жизни. Насколько наши прежние медресе отставали от жизни, настолько же далеки от нее и нынешнее медресе; насколько непригодных для жизни

людей выпускали прежние медресе, настолько же далеких от жизни людей выпускают и современные медресе. Медресе и жизнь идут самостоятельно своей дорогой. Выпускники наших медресе, подобно простонародью, не обучавшемуся в медресе, не могут понять ни жизни внешней, ни жизни духовной. Наши медресе продолжают выпускать особый тип людей, называемых шакирдами»³⁵. Даже новометодные учебные заведения, по утверждению представителей прогрессивной интеллигенции, и по своему статусу и по правовому положению, и по организации учебного процесса, не могли соответствовать тем требованиям, которые ставила жизнь перед татарским обществом, особенно перед молодежью. Дело в том, что действительно «была сделана попытка введения светских наук в реформированные духовные учебные заведения. Но тогда они оказались в промежуточном положении: они почти утратили свою прежнюю роль конфессиональных школ и не приобрели значения светских школ. Поступившие в них ученики совершенно не стремились к духовному званию и богословским наукам. Они хотели через эти медресе найти себе выход в светские профессии. А общество же, в значительной степени, хотело получить из реформированных медресе хорошо образованных богословских духовных лиц»³⁶.

Дж. Валиди в связи с этим обратил внимание, что татарское общество в последнее время показало, что оно «через джадидское движение достигло понимания необходимости приближения к новой (европейской – М.Р.) для него культуре»³⁷. Об этом, как он считает, наглядно свидетельствует то, что «прошел период, когда медресе был храмом знаний, приютом и богадельней... одновременно... Появились медресе европейского типа как «Хусаиния», «Галия». «Мухаммадия»,

«Касымия» также приобретают такие очертания. Работающие в медресе педагоги изо дня в день способствуют его прогрессу. Но в каком направлении? Пожалуй, сегодня никто об этом не знает»³⁸. Хотя и предлагались различные варианты реформирования системы образования, «сегодня мы не способны не только преобразовать медресе в учебные заведения европейского образца, но и даже определить к какому они типу относятся - среднему или высшему»³⁹.

Такая неопределенность среди шакирдов, особенно среди его прогрессивной части, вызывала недоумение, разочарование, поскольку «прежние надежды, грандиозные планы начали рушиться... Учащиеся, которые от сердца радовались и рассчитывали на большие результаты, когда в медресе было введено несколько светских предметов, начали критически смотреть на многие порядки медресе и даже враждебно относиться ко всей системе этих школ. Наконец, эта вражда, это разочарование довели до открытых волнений»⁴⁰.

Действительно, недовольства, а также волнения шакирдов, в первую очередь коснулись новометодных медресе. О выступлениях шакирдов медресе «Галия» в Уфе и «Мухаммадия» в Казани писали многие газеты и журналы. В связи с этим на страницах прогрессивной татарской печати обсуждалась проблема о конечных результатах реформы системы образования: идти по пути реформирования конфессиональной школы, внедряя в нее светские предметы, или создавать самостоятельные светские учебные заведения нового типа.

Ф.Туктаров, например, считает, что «бесплодность этих (новометодных – М.Р.) медресе открыла глаза... интеллигентной части общества и дала ясно понять ту истину, что необходимо совершенно отделить духовные медресе

от школ, где преподаются светские науки. Как бы ни реформировались духовные медресе, сколько бы ни вводились в них науки, они будут сохранять свою религиозную окраску и продолжать преследовать свои религиозные цели. Очень многие начали понимать, что прогресс нации не создается поступлением детей в такие медресе, как «Хусаиния», «Мухаммадия». «Галия», а путем основания школ, организованных по науке или путем поступления в государственные школы»⁴¹. Дж.Валиди сложившуюся в этой сфере ситуацию характеризовал как период «безшколья (мэктэпсезлек)», поскольку «у нас нет условий для полноценного развития знания и науки...»⁴². Дело в том, что «средние и высшие учебные заведения открываются не только для подготовки национальных научных кадров, но и для подготовки специалистов в области ремесла и искусства, способных удовлетворять разнообразные потребности государства и народа (например, врачей, адвокатов, преподавателей, государственных служащих и др.). Шакирды обучаются именно для того, чтобы, получив соответствующее образование, могли устроить свою жизнь»⁴³. Но, по словам Дж.Валиди, в татарском обществе такие возможности отсутствуют. Дело не только в отсутствии соответствующей материально-технической и законодательной базы, но и в самой ситуации, которая сложилась у татар вокруг системы образования: «У российских мусульман пока нет смысла открывать светские средние и высшие учебные заведения для подготовки специалистов, удовлетворяющих жизненные потребности. Если в них обучение организовать на татарском языке, то в России их выпускники вряд ли будут востребованы, если на русском языке, то нет такой необходимости, поскольку они мало чем будут отличаться от государственных школ.

Поэтому наши светские и научные организации в области образования будут сведены к начальной и средней школе»⁴⁴. В связи с этим, естественно, «наша способная молодежь отворачивается от медресе, по мере возможности старается поступать в государственное учебное заведение, таким образом, хочет поправить свое положение. И нет никакой гарантии, что и впредь такого не будет. Чтобы привлечь шакирда в медресе, после окончания его необходимо обеспечивать хорошей работой»⁴⁵. Фатих Сайфи также утверждает, что «наши мектебе не дают никаких прав, окончание их не дает каких-либо жизненных благ»⁴⁶. Новая тенденция в выборе не конфессионального, а светского учебного заведения молодежью было вполне объяснимым, поскольку она прекрасно видела, что ее соплеменники из года в год пополняют отряд самих неквалифицированного и малооплачиваемого отряда рабочих. Фатих Сайфи обратил внимание, что «в Казани насчитывают 180 тысяч жителей, при этом четверть населения составляют татары... Из этого населения исполнением самых тяжелых работ занята особая группа людей..., это, без сомнения, татары... Особенно много татарских рабочих имеется на Алафузовских заводах. Здесь на сто рабочих приходится сорок татар. Все они служат в качестве самых жалких чернорабочих, работающих за самую низкую плату... не встретите ни одного татарина в администрации заводов, в числе техников и мастеров. На заводах у Крестовниковых рабочих татар 15%, у Ушкова – 30%, на Пороховом заводе – 30%. Все они занимают одинаковое положение»⁴⁷. Дело, конечно, не в том, что «татары - народ к делу неспособный, а потому, что они не имеют возможности подготовиться к другому труду и довольствуются лишь тем, чтобы быть только сытым»⁴⁸.

Таким образом, можно сказать, что к 1910-м годам представления татарской интеллигенции о перспективах реформы национальной системы претерпели кардинальные изменения. Иллюзии о возможности ее проведения в рамках конфессиональной школы рассеялись. Конфессиональная школа, как и предусматривалась ее статусом, могла готовить только религиозных деятелей, способных обслуживать интересы мусульманской общины, а также образованных людей, ориентирующихся в перипетиях современной им жизни, но не специалистов, способных найти свое место в различных сферах общества и имеющих возможность без проблем влиться в ту или иную социальную группу. Интеллигенция была озабочена тем, что татары, будучи, по сравнению с другими нациями России, довольно высокообразованным народом, продолжили пополнять отряды самых неквалифицированных и низкооплачиваемых.

В данной ситуации полностью ориентироваться на государственную систему образования России было чревато нежелательными последствиями: интеллигенция не исключала возможности потери для нации самой образованной своей прослойки, которой будут безразличны интересы своего народа. Эти опасения, безусловно, под собой имели определенную почву. Еще в «Правилах о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 года было четко указано, что «Татары-магометане... составляют племя, фанатизируемое многочисленным духовенством, богатое мечетями и магометанскими школами и крепкое в своей вере. Поэтому обрусение татар-магометан может быть ведено лишь путем распространения русского языка и образования»⁴⁹. При этом не скрывалось, что «конечной целью образования

всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом»⁵⁰. Правда, нужно признать, что эти предписания, в основном, остались декларацией, дело до систематической ее реализации не доходило. Как утверждает Фатих Сайфи, закон от 20 ноября 1874 г. о передаче в ведение министерства народного просвещения школ инородцев «не был приведен надлежащим образом в исполнение. Мектебе и медресе только на бумаге считались подчиненными министерству..., на деле же не последовало никаких изменений. Мектебе и медресе были предоставлены сами себе»⁵¹. Тем не менее российское правительство не отказывалось от своей цели, время от времени собирало по этому поводу совещания на самом высоком уровне и принимало многочисленные, но половинчатые решения. Депутат Госдумы Еникеев по этому поводу довольно резко выступил на заседании этого собрания 1 июня 1913 г.: «Запреты и произвол в отношении инородцев достигли крайних пределов. Право контроля над школой превращено в орудие постоянной и тяжелой репрессии... Министерство проводит политику обрусения против инородцев, выдвигают пугало под названием инородческого сепаратизма... Во имя интересов и достоинства государства мы должны требовать изгнания политики из сферы народного образования»⁵².

В такой ситуации стало ясно, что в области реформирования образования необходимо было предложить принципиально новые формы. Реформа конфессиональной школы, задуманная как оптимальная и эффективная форма решения всех накопившихся в этой сфере проблем, как показало время, оказалась только первым этапом серьезных преобразований. Необходимо было идти дальше,

делать и другие шаги. Но татарское общество, все еще функционирующее на принципах конфессиональной общины, практически не имело ни финансовых, ни интеллектуальных возможностей, а самое главное, правовых основ создания принципиально новой системы светского образования. В свою очередь, и Российское государство понимало нежелательность кардинальных шагов со стороны мусульман, которые представляли большую опасность для идеологической целостности России.

Реформирование системы образования должно было идти в русле интересов империи. Заметное оживление российских официальных кругов в 1910 г. свидетельствует о том, что у государства вырисовывалась определенная модель развития системы образования для инородцев: начальная ступень предполагалась как самостоятельно конфессиональная, а средняя и высшая ступени должны были быть едиными для всей империи. Такую перспективу татарская интеллигенция оценивала как очень опасную для единства нации.

Как обратил внимание Х.Атласи, «народы, обладающие школами, в силу того, что каждая личность снабжена знаниями, в мировой схватке за существование одерживают верх, когда как народы, лишённые школ, вследствие невежества своих соплеменников, не обладают никакой силой. Если искать причины поражений, нанесённых в последние столетия мусульманскому миру другими народностями, то весь вопрос сведётся к тому, что мусульмане были без знаний, без школ, тогда как их противники обладали знаниями, имели школы»⁵³. Мухаммаднаджиб Тунтари отмечает, что «все мыслители и исследователи сходятся на том, что состояние нравов определяется неправильной постановкой у него начального воспитания и образования...

Именно это является причиной большого несчастья для народа и вреда для его последующих поколений. Это так часто было испытано в истории, что не требует особых доказательств»⁵⁴. Автор за подписью также подметил, что «будущее нашего татаризма (татарлык), тюркизма (тюркичелек) и мусульманства формируется в теперешних наших школах, или, если выразиться по-другому, наше будущее и как татар, и как мусульман связано с нашими теперешними учебными заведениями»⁵⁵.

Но выбора не было. Как отметил Х.Атласи, «будут у нас школы, отвечающие требованиям времени и близко стоящие к жизни, мы будем существовать, в противном случае мы прекратим свое существование. Нам предстоит решить эту дилемму»⁵⁶. В этой ситуации, во-первых, необходимо было укрепить начальную конфессиональную школу, поскольку после ее окончания значительная часть детей пойдет «уже в правительственные русские школы, в школы чужого для них мира»⁵⁷. Роль начальной школы в связи с этим возросла, поскольку именно она «должна насадить и возрастить в народе национальный и мусульманский дух в такой степени, чтобы наши дети, где бы они потом ни оказались, среди каких бы народов они ни вращались и каким бы воздействиям ни подвергались, они не поддавались бы ни одному из этих влияний, а жили бы всегда как татары и как мусульмане»⁵⁸.

Ситуация, которая сложилась в системе религиозного образования в дореволюционной России, особенно в начале XX века, обнажила многие проблемы, присущие татарскому обществу. Общество, которое повернулось лицом к светским ценностям, не имело возможности создать интеллектуальную базу для ее внедрения и распространения. Система образования, которая была призвана консоли-

дировать интеллектуальные силы общества, не имела возможности выйти за пределы конфессионального образования. Такое положение, с одной стороны, имело и положительные моменты: оно консолидировало татарс-

кое общество вокруг мусульманской уммы. Но, с другой стороны, многие возможности создания гражданского общества не могли быть реализованы.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Валидов Дж. *Очерки образованности и литературы татар (до революции 1917)*. - Лондон, 1986. - С.26
2. Гаспринский И. *Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина*. - Симферополь, 1881. - С.25-26.
3. Амирханов Р.У. *Татарская демократическая печать (1905-1907)*. - М., 1986. - С.82.
4. Каримуллин А.Г. *Татарская книга начала XX века*. - Казань, 1974. С.187-188.
5. Цит. по кн. : *Татары Среднего Поволжья и Приуралья*. - М., 1967. - С. 385.
6. *Кояш*, 1913, 11 октября, 13 октября.
7. *Вакыт*, 1913, 2 ноября.
8. *Тәрҗеман*, 1913, 18 октября.
9. *Дин вә мәгыйшат*, 1913, № 42, б.
10. *Йолдыз*, 1915, 6 марта.
11. *Вакыт*, 12 октября 1913.
12. *Баянелхак*, 3 ноября 1913
13. *Фикер*, 1906, 26 февраля.
14. *Вакыт*, 1913, 6 октября.
15. З.Камали. *Мәктәп вә мәдәррис хакында төшендегем*//*Фикер*, 1906, 26 февраль.
16. *Баянелхак*, 1913, 16 ноября.
17. *Мәктәп*, 1913, № 1, ...б
18. *Там же*.
19. *Йолдыз*, 1914, 16 февраля.
20. *Йолдыз*, 1914, 16 февраля.
21. *Баянелхак*, 1913, 16 октября.
22. *Там же*.
23. *Мәктәп*, 1913, № 2 ...б.
24. С.Рыбаков. *Статистика мусульман в России // Мир ислама*, 1913, Т.2, вып. 11, с. 762.
25. *Мәктәп*, 1913, № 2 ...б
26. *Там же*.
27. *Там же*.
28. *Мәктәп*, 1913, № 1, с. б.
29. *Там же*.
30. *Там же*, с.
31. *Там же*, с.
32. *Там же*, с.
33. *Там же*.
34. *Там же*.
35. *Кояш*, 1913, 29 сентября.
36. *Там же*.
37. *Мәктәп*, 1913, № 3, ... б.
38. *Мәктәп*, 1913, № 2, 36 б.
39. *Там же*, с. 37.
40. *Там же*, с. 38.
41. *Мәктәп*, 1913, № 3, ... б.
42. *Там же*.
43. *Аһ*, 1916, № 3, б...
44. *Там же*.
45. *Там же*, с.
46. *Там же*.

47. Йолдыз, 1915, 20 марта.
48. Йолдыз, 1915, 15 февраля.
49. Там же
50. Мир ислама, 1913, т.2, вып. 4, с. 260.
51. Там же, с. 261.
52. Йолдыз, 1915, 15 марта.
53. Мир Ислама, 1913, т.2, вып.5, с.303-304.
54. Мәктәп, 1913, №1 196.
55. Там же, № 3, с. 67-68.
56. Там же, № 3, с. 92.
57. Там же, № 1, с. 20.
58. Әл-Мөслими Г. Ибтидаи мәктәпләребез хакында // Мәктәп, 1913, № 3, 93 б.
- 59 Там же, с. 91.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблемам развития мусульманского образования у татар в дореволюционной России. Сегодня на рубеже XX-XXI вв. в нашей стране система мусульманского образования переживает период становления, что заставляет нас вновь возвращаться к осмыслению исторического опыта наших предков. Одной из ключевых проблем по-прежнему остается соотношение конфессионального и светского компонентов в системе мусульманского образования.

RAFIK MUKHAMETSHIN

ISLAMIC EDUCATION AMONG TATARS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: SITUATION, PROBLEMS AND PERSPECTIVES

SUMMARY

The paper deals with problems of evolution of Islamic education among Tatars in pre-Revolutionary Russia. Today at the turn of XXI century Islamic educational system is in the making and we have to re-examine the historical experiences of our ancestors. One of the crucial problems is correlation between confessional and secular elements in the system of Islamic education.

Ключевые слова: мусульманское образование, татары, джадидизм, кадимизм, медресе, мектеб, махалля.

Keywords: Islamic education, Tatars, Jadidism, Qadimism, Madrasah, Maktab, Mahala.

Мухаметшин Рафик Мухаметшинович (Казань, Россия) – доктор политических наук, профессор, ректор Российского Исламского Университета, заведующий сектором исламоведения Института Истории Академии Наук Рспублики Татарстан, председатель Совета ректоров мусульманских вузов России.

Людмила Свердлова

О ПОСТАНОВКЕ ОБРАЗОВАНИЯ В МУСУЛЬМАНСКОМ ДЕТСКОМ ПРИЮТЕ БРАТЬЕВ ИБРАГИМА И ИСХАКА ЮНУСОВЫХ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

С конца 30-х гг. XIX в. в России на частные пожертвования и общественные средства открываются детские приюты, входившие в Ведомство учреждений императрицы Марии и подчинявшиеся Главному попечительству детских приютов, которое имело свои отделения в губернских городах. На две трети расходы на содержание приютов обеспечивались за счет средств Губернского попечительства и одну треть составляли частные пожертвования.

С 21 декабря 1843 г. отделение начало действовать и в Казани. Его председателем, согласно Положения о приютах, стал губернатор, постоянным почетным членом – архиепископ Казанский и Свияжский, действительными членами – губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющий государственными имуществами и городской голова. Почетными членами избирались лица, много жертвовавшие и активно работавшие в пользу сирот. В разное время ими были И. С. Кривонос, Ибрагим и Исхак Юнусовы, В. Ф. Булыгин, Андрей Банк, Я. С. Смоленцев¹ и др.

В Казани было создано три детских приюта: Николаевский, Александринский и Юнусовский, в которых на постоянном и полном содержании «призывали круглых сирот и таких, родители которых не имели средств для их воспитания и обучения». В приюты принимались дети от 3 до 12 лет, лишь в исключительных случаях, когда мальчики и девочки содержались отдельно (Александринский и Юнусовский приюты) разрешалось оставлять их до 14 лет, а в конце XIX в. и до 16-17 лет².

В первые годы после открытия приютов дети получали образование в объеме одноклассного сельского училища. Девочки учились готовить, убирать, стирать, работать в саду, мальчики – ремеслам и полевым работам. Согласно Положению о приютах, утвержденному 18 июля 1891 г., учебный курс, преподаваемый сиротам, приравнивался к трехклассному училищу.

При выходе из приюта подросткам выдавали пособие, одежду, они поступали в услужение в дома или пристраивались в мастерские, и первые их шаги в самостоятельной жизни проходили под покровительством Главного попечительства детских приютов, что, впрочем, мало защищало их от житейских невзгод.

Уклад внутренней жизни устанавливался советом каждого из приютов и губернским отделением Главного попечительства.

Эти благотворительные учреждения содержались либо на Высочайше пожалованный и централизованно распределяемый ссудно-благотворительный капитал, либо на средства благотворителей, либо на уплату родителей, родственников и опекунов, вносимые на содержание детей. Но независимо от главного источника финансирования благополучие приюта зависело от размеров денежных пожертвований, вкладов продуктами, одеждой, предметами обихода, от взносов попечителей и почетных старшин приютов, на чьи средства ремонтировали здания, обновляли мебель, утварь, посуду, белье, одежду воспитанников и проч. Вот почему на эти должности стремились назначить щедрых филантропов.

Приходящих детей дневного отделения бесплатно обеспечивали одеждой, учили, приобщали к труду. Их кормили обедом, кроме субботы, когда их отпускали домой в 12 час.

С самого основания приюты находились под покровительством купцов, известных казанских филантропов. Они много и успешно работали в различных благотворительных обществах, с их именами связано не одно доброе дело на благо города, в пользу сирот, бездомных, бедных и убогих.

11 января 1844 г. в Казани открылся первый детский приют, названный Николаевским, основу благотворительного капитала заложил потомственный почетный гражданин, купец 1 гильдии Александр Леонтьевич Крупеников (1788 – 1855).

Газета «Казанские губернские ведомости» 13 ноября 1843 г. писала: «Средства позволяют теперь пока утвердить...только один приют...Но не

ужели наше дворянство, купечество и другие сословия не захотят способствовать столь полезному делу? Неужели все те, кто только называет себя христианами и чтит Божье Слово Спасителя, кто только хранит в глубине своего сердца чувство любви к ближнему, кто не останется равнодушным к пользам сограждан, тот не примет в нем участия?»

И этот призыв нашел отклик, заметим, не в среде русского, а татарского купечества. 6 декабря 1844 г. в Казани открылся Мусульманский детский приют братьев Ибрагима и Исхака Юнусовых.

Трудно в среде татарского купечества Казани найти деловых людей, так щедро жертвовавших на милосердные дела, как Юнусовы, занимавшие на купеческом Олимпе Казани самое почетное место. Более полутора веков существовала эта купеческая династия, сменилось пять поколений и каждое выдвинуло талантливых и удачливых предпринимателей. Никогда Юнусовы не покидали первую гильдию, оставаясь из поколения в поколение крупными промышленниками и коммерсантами. Ибрагим Юнусов 7 августа 1861 года был возведен в звание коммерции советника, его приглашали на правительственные заседания при обсуждении экономических вопросов и законов, на различные заседания при министерствах финансов, промышленности и торговли. На протяжении нескольких поколений представители этой династии играли ключевую роль в общественной жизни Татарских слобод, их мнение учитывали и власти Казани.

Но, пожалуй, не менее существенным является «родство душ», нацеленность Юнусовых на благочестивые дела, выразившееся в строительстве мечетей и медресе, щедром финансировании их деятельности, матери-

альная помощь, оказываемая бедному люду, и не только мусульманам, на что тратилась прибыль, получаемая от торгово-промышленной деятельности. По длительности во времени, по числу и размерам пожертвованных Юнусовы не имели себе равных в среде казанского мусульманства. Большую роль в формировании потребности в благотворительности этого клана играли семейные традиции, выросшие на почве религиозного воспитания.

Их материальное положение, место, которое занимали Юнусовы в мусульманской общине и в казанском купеческом обществе позволили предпринимателям, перешагнув через сложившиеся в мусульманской среде традиции, обратиться к сфере благотворительности, до этого времени не культивировавшейся среди казанских татар. Усилиями Ибрагима и Исхака Губайдулловичей был создан Мусульманский детский приют братьев Юнусовых, который содержался ими до известных событий 1917 года, то есть более восьмидесяти лет. И в этом уникальность благотворительной акции, но не только.

В отличие от двух других казанских частных приютов, деньги на которые вносились православным купечеством, мусульманский приют не имел отложенного в банке капитала, на проценты с которого он мог бы существовать. Такое вложение капитала шло вразрез с предписаниями ислама. Юнусовы выстроили здание приюта, хозяйственные постройки во дворе, оснастили приют всем необходимым, при приюте был разбит яблоневый сад. Все это было передано в дар детям-сиротам. Для обеспечения деятельности приюта благотворители подарили приюту 14 родовых лавок, которые работали в здании при Сенной мечети, также выстроенные, как и сама мечеть, на средства этой семьи.

Щедрый дар был оценен в 20 тыс. руб. Доходы от аренды подаренных лавок, разместившихся на центральном торге татарской части города – Сенном базаре, были достаточными (примерно 1200 руб. в год) для приютских целей.

Во время пожара 1858 года лавки сгорели и Юнусовы за свой счет восстановили их. Они же проводили ремонт здания, снабжали приют всем необходимым, включая продукты и дрова, поставляемые из своих имений. По оценке властей, «...приют этот с 1845 года содержится общественно на доходы от пожертвованных Юнусовыми лавок и Попечительство до сего времени (1866 г.) не имело надобности для поддержания этого заведения искать других источников, кроме средств, данных ему учредителями». С 1859 по 1866 год Юнусовы на нужды приюта выделили более 8 тыс. руб. Дополнительно от полутора до двух тысяч в год жертвовали местные мусульмане³.

Первым директором приюта стал Ибрагим Губейдуллович Юнусов. Эта должность традиционно принадлежала представителям рода Юнусовых. Позднее пост директора занимал Исхак Губейдуллович, его сменил сын Мухаметрахим, помощником последнего служил Мухутдин Курбангалеев, живший с семьей при приюте. Бессменным почетным старшиной приюта работал потомственный почетный гражданин купец 1 гильдии Измаил Исхакович Апаков, женатый на сестре основателя приюта.⁴

По числу детей, а здесь жило до 30 мальчиков, приют считался самым небольшим, но в 1904 г. на каждого ребенка потрачено 120 руб. 85 коп, что почти в два раза больше по сравнению с аналогичными затратами в двух других казанских приютах.⁵

Ежегодно всем воспитанникам справляли казакин коричневого

цвета, козловые ичиги и калоши, тюбетейку и барашковую шапку, по три смены белья. Юнусовы снабжали приют продуктами и дровами.

Мальчики, кроме начального мусульманского духовного образования, получали основы знаний по арифметике, истории, географии, черчению и рисованию, русскому и восточному языкам, изучали Коран, овладевали искусством каллиграфии. Здесь преподавал выдающийся татарский просветитель Шигабутдин Марджани. В начале 90-х гг. восточные языки мальчики изучали под руководством Мухаметрахима Хунафиева, а русский язык преподавал Хасан Газетдинович Мухаметов. На переводных экзаменах, а учебный курс в школе Мусульманского приюта длился дольше, чем в других приютах, дети в присутствии попечителей и почетных гостей неизменно показывали хорошее владение русским языком, читали стихи русских поэтов.

За состоянием здоровья воспитанников наблюдал, отказавшись от оплаты, доктор А.М. Мирза-Казем-Бек; при приюте действовала маленькая больничка, ослабленные дети часто болели.⁶

Когда приходило время расставаться с приютом, мальчиков, как правило, устраивали служить в лавки купцов или направляли преподавать в мектебы. В первое время они находились под могущественным покровительством Юнусовых, чей авторитет был чрезвычайно высок.

«В награду похвального усердия, ознаменованного учреждением в Казани мусульманского детского приюта с обеспечением существования оного на вечные времена пожертвованием недвижимой собственности, по засвидетельствованию о том начальства и согласно установлению Кавалерской Думы» Ибрагим Губайдуллович Юнусов «Всемиловейше пожалован в 3 день февраля 1859 г. кавалером Ордена Св. Анны 3 степени». Исхак Губайдуллович Юнусов, «в награду отличных трудов его и сделанных им в пользу мусульманского детского приюта пожертвованием, Всемиловейше награжден золотою на станицлавской ленте медалью с надписью «За усердие» 4 февраля 1860 года».

1. *Казанский биржевой листок – 1890. – 23 марта; Казанский телеграф. – 1895. – 5 июля; 1898. – 23 августа.*
2. *Учебные заведения ведомства учреждений императрицы Марии. Краткий очерк. – СПб., 1906. – С. 211.*
3. *Казанский телеграф. – 1893. – 4 ноября; 1898. – 22 мая; Агафонов Н.Я. Историческая объяснительная записка ... С. 32.*
4. *Казанский телеграф. – 1893. – 4 ноября; Материалы для географии и статистики ... – С. 539.*
5. *Учебные заведения ведомства учреждений ... С. 254, 255.*
6. *Казанский телеграф. – 1893. – 22 мая; 1898. – 20 декабря.*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается история учреждения первого мусульманского приюта в России, принадлежащего знаменитой татарской купеческой династии – Юнусовым. Учебная программа этого приюта заслуживает особого внимания со стороны исследователей. Благотворительная деятельность поощрялась официальными властями, и заслуги Юнусовых в этой области получили достойную оценку со стороны государства.

LYUDMILA SVERDLOVA

ON ORGANIZATION OF EDUCATION IN ISLAMIC ORPHAN ASYLUM OF BROTHERS IBRAHIM AND ISKHAQ YUNUSOV IN MID-XIX – EARLY XX CENTURIES**SUMMARY**

The paper deals with history of establishment of the first Islamic orphanage in Russia which belonged to the famous Tatar merchant family – Yunusovs. The organization of education in this orphanage deserves special attention of historians. The philanthropic activities were encouraged by official authorities and Yunusov brothers rendered greater services to their country and received highest appraisal of the government.

Ключевые слова: благотворительность, Юнусовы, детский приют.

Keywords: charity, Yunusovs, orphan asylum.

Свердлова Людмила Михайловна (Казань, Россия) - кандидат исторических наук, доцент факультета юриспруденции Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ).

Рафис Закиров

ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ГРУППАХ С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА

Арабский язык – один из наиболее развитых и широко распространенных языков в мире. Он используется в качестве государственного языка в 22 странах Ближнего Востока и Северной Африки (Саудовской Аравии, Ираке, Кувейте, Бахрейне, Катаре, Омане, Объединенных Арабских Эмиратах, Сирии, Ливане, Иордании, Йемене, Египте, Судане, Ливии, Тунисе, Алжире, Марокко, Мавритании, Сомали, Джибути, Коморских островах, Западной Сахаре). Арабский язык является одним из шести официальных языков ООН. Историческая роль арабского языка огромна и вполне сопоставима со значением латинского и древнегреческого языков для европейской цивилизации. На арабском языке были составлены крупнейшие научные трактаты – гордость всего человечества. На арабский язык были переведены величайшие произведения философов и мыслителей древности, благодаря чему они дошли до нас. Люди стремились изучить арабский язык, чтобы получить хорошее образование и приобщиться к многовековой мудрости. Образно выражаясь, арабский язык внес огромный вклад, чтобы вывести людей из мрака невежества к свету знания.

Общемировое значение арабского литературного языка основывается в немаловажной степени на том, что он является языком одной из основных религиозных конфессий на земле – ислама. Невозможно представить ислам без арабского языка, также как и арабский язык без ислама. На арабском языке был ниспослан Коран – Священное Писание мусульман, начертаны благородные хадисы – высказывания пророка Мухаммада (с.а.в.) и составлены классические мусульманские религиозные трактаты. Коран оказал огромное влияние на развитие и формирование арабского литературного языка, значительно обогатив его лексический, фразеологический и паремиологический состав. Правила арабской грамматики были составлены на основе аятов Священного Корана, который воспринимается как эталон современного арабского литературного языка. Знание арабского языка чрезвычайно важно в первую очередь для мусульман, потому что он используется ими практически постоянно: во время исполнения обязательной пятикратной молитвы и других мусульманских обрядов, а также при чтении сур Корана. Для глубокого и всестороннего понимания смысла ая-

тов Корана и молитв на арабском языке необходимо знание арабского литературного языка.

Учебный план специальности «Иностранный язык» с дополнительной специальностью «Иностранный язык с углубленным изучением истории и культуры ислам» Института иностранных языков ТГПУ содержит широкий спектр предметов по арабскому языку (Практический курс арабского языка, Лексикология арабского языка, Стилистика арабского языка, История арабского языка, Страноведение и лингвострановедение, Теория и методика преподавания арабского языка, Теоретическая фонетика арабского языка, Теория и практика перевода и др.). Каждый из этих предметов обладает значительным религиозным потенциалом, раскрытие которого является важной задачей преподавателя. Однако при этом обязателен научный подход к трактовке основных проблем ислама, исключающий нетерпимость и враждебность к представителям других религиозных конфессий и культур. При обучении арабскому языку в качестве дополнительной литературы следует использовать мусульманские источники (Коран, хадисы, религиозные тексты). Это позволяет сформировать навыки владения арабским литературным языком и расширить кругозор студентов в области изучения ислама. Также следует отметить его благотворную роль в повышении мотивации студентов к изучению арабского языка. Студенты, изучающие арабский язык по направлениям с углубленным знанием истории и культуры ислама, знакомятся с сурами Корана и наиболее употребляемыми хадисами пророка Мухаммада (с.а.в.), что очень важно для их становления в качестве будущих специалистов по исламу, а также для формирования их личностных качеств.

Было бы целесообразным осветить особенности работы с рядом основных предметов цикла «Арабский язык».

1. Практический курс арабского языка

Каждый аспект этого учебного предмета имеет связь с исламом. Например, при обучении чтению, правописанию и каллиграфии арабского языка полезно использовать материалы Корана. Аяты Корана имеют огласовки, что нетипично для литературы на арабском языке. Именно наличие огласовок позволяет читать суры Священного Писания даже на начальном этапе обучения. При этом происходит ознакомление с Кораном одновременно с формированием навыков чтения на арабском языке.

При изучении особенностей арабской каллиграфии целесообразно использовать шамаили или отрывки из Корана, написанные разными видами каллиграфического почерка. Изучение арабской каллиграфии способствует эстетическому воспитанию студентов.

При формировании произносительных навыков арабского языка полезно использовать аудиозаписи сур Корана. Чтецы Корана обладают, как правило, правильным и четким арабским произношением. Прослушивание отрывков Священного Писания мусульман также знакомит студентов с исламом. В этой связи очень важно отметить факт доступности аудиозаписей Корана для широкой аудитории.

В процессе изучения арабского литературного языка на занятиях желательно использовать суры Корана. Важно давать студентам кораническую лексику, которая широко употребляется и в настоящее время. Грамматические правила арабского языка полезно подкреплять примерами – ая-

тами из Корана. Все это способствует расширению кругозора и эрудиции студентов в области ислама, а также повышает их мотивацию к изучению арабского языка.

2. Лексикология арабского языка

Данная учебная дисциплина освещает особенности словарного состава арабского литературного языка и лингвистические процессы, происходящие в нем. При изучении ряда разделов арабской лексикологии целесообразно использовать текст Корана и хадисов пророка Мухаммада (с.а.в.). Это следующие разделы: «Заместования в арабском языке», «Фразеология арабского языка», «Арабская паремиялогия» и др. Иностранные заместования в Коране, коранические фразеологические единицы и паремии расширяют кругозор и эрудицию студентов в арабском языке. Использование фразеологизмов, пословиц и поговорок из текста Корана и хадисов пророка Мухаммада (с.а.в.) придает особое изящество речи, делает ее более экспрессивной и эмоционально более насыщенной. При преподавании данного учебного предмета важно показать, что Коран является неотъемлемой частью современного арабского литературного языка.

3. Стилистика арабского языка

При изучении стилистики арабского языка также полезно обращаться к сурам Корана. Стилистика исследует использование различных стилистических средств в речи. Именно Коран содержит разнообразные стилистические и образные средства, выделяющие его среди других книг. Стиль Корана – Божественной Книги – уникален. Метафоры, эпитеты, другие образные средства арабского языка, присутствующие в аятах Священного

Корана, способны выразить всю его красоту и величие. Знание образных средств Корана необходимо для того, чтобы адекватно понимать смысл его аятов.

4. Теория и практика перевода

Данный учебный предмет направлен на формирование навыков перевода с арабского языка на русский язык и наоборот. В качестве практических материалов в процессе изучения этой дисциплины желательно использовать текст Корана на арабском языке и его перевод на русский язык, выполненный известным ученым – арабистом, академиком И.Ю. Крачковским. Этот перевод Корана на русский язык считается наиболее авторитетным и уважаемым. Также следует отметить, что именно перевод академика И.Ю. Крачковского является буквальным, что очень полезно и удобно при его изучении и использовании в учебном процессе. Анализ особенностей перевода аятов Корана на русский язык способствует формированию навыков практического владения арабским литературным языком, расширению словарного запаса и кругозора студентов в арабском языке.

5. История арабского языка

Эта учебная дисциплина направлена на овладение студентами знаниями по истории развития и формирования арабского литературного языка. Здесь важно остановиться на огромном влиянии Корана на арабский язык. Существование Корана явилось причиной того, что арабский литературный язык не претерпел значительных изменений в грамматической и фонетической структуре, что нетипично для других языков мира. Благодаря этому мы имеем прекрасную возможность изучать Коран, хадисы пророка

Мухаммада (с.а.в.) и классические религиозные трактаты в оригинале, без адаптаций и облегчений.

История арабского языка тесно связана с исламом. Основные исторические события в истории ислама оказали несомненное влияние на развитие арабского языка.

Все учебные дисциплины по направлению арабский и английский языки с углубленным изучением истории и культуры ислама обладают значительным образовательным, воспитательным и развивающим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закиров Р.Р. *Теоретический курс арабского языка* / Р.Р. Закиров – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2006. – 122 с.
2. Миролубов А.А. *История отечественной методики обучения иностранным языкам* / А.А. Миролубов – М.: Инорра, 2002. – 447 с.
3. Пассов Е.И., Кузовлев В.П., Царькова Б.Б. *Учитель иностранного языка. Мастерство и личность* / Е.И. Пассов, В.П. Кузовлев, Б.Б. Царькова – М.: Просвещение, 1993. – 158 с.
4. Щукин А.Н. *Обучение иностранным языкам. Теория и практика* / А.Н. Щукин – М.: Филоматис, 2006. – 475 с.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности преподавания арабского языка в группах студентов, обучающихся по специальностям с углубленным изучением истории и культуры Ислама. Особое значение должно придаваться изучению священных источников Ислама – Корана и хадисов, которые не только позволяют полностью ознакомиться с лексическими и стилистическими особенностями арабского языка, но и создают дополнительную мотивацию в освоении языка.

RAFIS ZAKIROV

THE PECULIARITIES OF TEACHING ARABIC LANGUAGE IN UNIVERSITY CLASSES OF ADVANCED STUDY OF ISLAMIC CULTURE AND HISTORY

SUMMARY

The paper deals with the peculiarities of teaching Arabic language in university classes of advanced study of Islamic culture and history. One should attach great importance to the study of sacral texts of Islam – Holy Qur'an and Prophetic Traditions which enable students to get full knowledge of lexical and stylistic subtleties of Arabic language as well as provide good motivation for learning language.

Ключевые слова: арабский язык, Коран, хадисы, лексикология, стилистика, теория перевода, история арабского языка.

Keyword: Arabic language, Qur'an, Hadith, lexicology, stylistics, translation theory, history of Arabic language.

Закиров Рафис Рафаэлевич (Казань, Россия) – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой восточных языков Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ). E-mail: zakirov77@list.ru

Наиля Мингазова

ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ АРАБСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ИСТОРИЮ И КУЛЬТУРУ ИСЛАМА

Процесс глобализации жизни и глобализации культуры развивается все шире и глубже, и потому, в частности, каждая национальная культура в мире есть постоянно меняющийся окраску элемент единой мировой культуры.

Огромная роль в сохранении и развитии духовных и материальных ценностей играет язык каждого народа. Все возрастают требования к преподаванию иностранных языков. Усваивая язык, человек одновременно проникает в новую национальную культуру, получает огромное духовное богатство, хранимое языком.

Так, в Поволжье интерес к арабскому языку возник в связи с принятием ислама древними булгарами в 922 году. В наше время усилилось внимание к восточным странам, к экономике и культуре арабского мира. Арабский язык завоевывает все более прочные позиции в учебных программах школ и вузов, что требует нового подхода к его изучению.

Отличительной особенностью арабского языка является то, что он не подвергся значительным трансформациям в фонетике и грамматике на протяжении всех пятнадцати веков своего существования. Благодаря этому мы можем изучать древнейшие письменные памятники арабского языка в оригинале, некоторые из которых, такие как Коран, имеют всемирное культурное значение. Коран был первой книгой на арабском языке. Этот литературный памятник сыграл значительную роль в закреплении литературной формы арабского языка. Запись его была осуществлена в правление Халифа Омара (около 651 г).

Как целостное произведение словесности, имеющее фиксированный текст и строго определенную структуру, Коран в значительной мере является продуктом текстологической работы первых поколений арабских ученых. История арабской филологии неразрывно связана с историей корановедения, которая осуществляет задачи фиксации, сохранения, чтения, толкования и изучения текста писания ислама.

Современную социокультурную ситуацию в Республике Татарстан определяет билингвизм, реализация двух государственных языков (татарского и русского). Это требует учета этих условий в методике преподавания иностранных

языков. Двухязычие, являясь диалогом мировоззрений, картин мира, способно создать объемность мышления. Сознание билингвала значительно обогащается в результате интеграции двух разных точек восприятия мира. Именно диалог культур дает возможность воспринимать не только родную культуру, но и другую (инострannую) культуру.

Так, в преподавании арабского языка необходимо опираться не только на исходные положения арабского языкознания, т.е. систему самого арабского языка, но также учитывать данные сопоставительного анализа систем арабского и родного (русского либо татарского) или другого иностранного языков. Следовательно, одним из приемов научного и практического изучения языков является сопоставление фактов изучаемых языков. Такое сопоставление может выявить не только общее и сходное, но и различия, и специфические особенности каждого из сопоставляемых языков.

При отборе языкового и речевого материала в условиях обучения иностранному языку большое внимание уделяется вопросам расхождения в системах родного и изучаемых языков. Это обусловлено необходимостью прогнозировать основные трудности в усвоении материала, а также предупреждать возможные интерферентные ошибки. Структурно-типологические сходства изучаемых языков часто считаются фактором, облегчающим процесс овладения иностранным языком. Сопоставительный метод является наиболее эффективным в процессе обучения иностранному языку.

Однако в условиях перехода на многоуровневую систему подготовки специалистов, возрастает потребность в новых подходах в системе образования. Внедрение интерактивных форм обучения – одно из важнейших на-

правлений совершенствования подготовки педагогических кадров. Основные методические инновации связаны сегодня с применением именно интерактивных методов обучения. При этом термин «интерактивное обучение» понимается по-разному. Поскольку сама идея подобного обучения возникла в середине 90-х годов с появлением первого веб-браузера и началом развития сети Интернет, ряд специалистов трактует это понятие как обучение с использованием компьютерных сетей и ресурсов Интернета. Вполне допустимо и более широкое толкование, как способность взаимодействовать или находиться в режиме диалога с кем-либо (например, компьютером) или кем-либо (человеком).

Использование интерактивной модели обучения предусматривает моделирование жизненных ситуаций, использование ролевых игр, совместное решение проблем. Исключается доминирование какого-либо участника учебного процесса или какой-либо идеи. Из объекта воздействия учащийся становится субъектом взаимодействия, он сам активно участвует в процессе обучения, следуя своим индивидуальным маршрутом.

Учащимся, в первую очередь, необходимо познакомиться с общими принципами и рекомендациями к проведению занятий по интерактивной методике обучения и рассмотреть такие интерактивные формы обучения, как круглый стол, мозговой штурм, дебаты, фокус-группа, деловые и ролевые игры, учебные групповые дискуссии, тренинги, использование кейс-технологий. Далее они знакомятся с использованием компьютерных технологий в обучении (работа с интерактивной доской, использование презентаций, интерактивные учебные курсы, использование Интернета на занятиях, мультимедиа технологии).

Новейшие компьютерные технологии являются важным средством повышения эффективности учебного процесса при обучении иностранным языкам с углубленным изучением истории и культуры ислама, так как они дают уникальную возможность знакомства с культурой страны изучаемого языка. Процесс обучения иностранным языкам с помощью компьютера имеет интерактивный характер благодаря постоянной обратной связи.

Наряду с тщательной работой над теоретическим материалом отрабатываются следующие основные навыки и умения: вести беседу, участвовать в дискуссии, выступать публично по темам в рамках профессиональной и социально-культурной сфер общения, правильно пользоваться речевым этикетом, воспринимать и обрабатывать в соответствии с поставленной (профессионально ориентированной) целью различную информацию на арабском языке, полученную из печатных, аудиовизуальных и электронных источников информации в профессиональной, общественно-политической и социально-культурной сферах общения.

Обучение арабскому языку с использованием передовых технологий, экспериментирование с новейшими возможностями, предоставляемыми в результате научно-технического прогресса и информатизации современного общества является одним из направлений при изучении арабского языка. В данном направлении возникает ряд проблем, обусловленных, во-первых, тем, что методика преподавания арабского языка менее разработана отечественными методистами, по сравнению с методикой преподавания ряда других иностранных языков. В результате отсутствуют новые учебно-методические комплексы и более совершенные методические разра-

ботки. В использовании аутентичных аудиоматериалов, созданных для носителей языка, не адаптированных для образовательных целей, такие как песни, фильмы, радио- и телепередачи стран изучаемого языка также возникает ряд проблем, обусловленных тем, что арабский язык имеет сильно различающиеся территориальные диалекты. Достаточно сложно подобрать аудиоматериал, в котором бы звучал литературный арабский язык, который функционирует в религиозной сфере, в средствах массовой информации, в сфере образования и т.д.

Слабо развитое программное обеспечение для изучения арабского языка также является одной из проблем при использовании передовых технологий в обучении арабскому языку.

Таким образом, при разработке интерактивного занятия рекомендуется обратить особое внимание на следующие моменты: участники занятия; выбор темы; уровень обучения учащихся, их интересы; временные рамки проведения занятия; заинтересованность группы в данном занятии. Последнее условие особенно важно, поскольку в системе интерактивного обучения мотивация учащегося ставится на первое место, и именно поэтому столь важен их интерес к выбранной теме занятия.

В интерактивных методах обучения в рамках учебной программы существует сложность предоставления обратной связи и получения ее. Обучение не может быть эффективным, когда что-то просто выполняется. Необходимо обдумать, что сделано, подвести итоги. Отправным моментом в этом обдумывании является конкретный опыт, он создает почву для наблюдений и размышлений, для использования его в определенных ситуациях и составления плана действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буланичев В.А., Серков А.А., Казаков С.И. Информационные технологии в образовательной среде вуза // Информационные технологии, 2004. № 9. С. 43-48.
2. Кларин М.В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта // Педагогика. 2000. №7. С. 12-18.
3. Мингазова Н.Г., Брызгалова Т.А. Проблемы использования передовых технологий в обучении арабскому языку // Качество высшего языкового образования: пути совершенствования организации и проведения педагогической практики будущих учителей и филологов. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции / Под ред. С.В. Роман. – Горлов: Изд-во ГДПАМ, 2008. – С. 96. – 99.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается проблема использования интерактивных методов при обучении арабскому языку специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама. Интерактивные методы предоставляют нам новые возможности и все более широко используются в преподавании иностранных языков. Методика преподавания арабского языка считается не вполне разработанной, что порождает некоторые трудности, на необходимость решения которых автор обращает особое внимание.

NAILYA MINGAZOVA

THE INTERACTIVE NEYHODS OF TEACHING ARABIC LANGUAGE TO THE STUDENTS STUDYING ISLAMIC HISTORY AND CULTURE

SUMMARY

The paper deals with the problem of application of interactive methods in teaching Arabic language to the students with advanced study of Islamic history and culture. The interactive methods provide us ample opportunities and are widely applied in teaching foreign languages. The methodology of teaching Arabic language is ill-developed in some its aspects and cause certain difficulties which should be solved according to the author.

Ключевые слова: арабский язык, иностранные языки, интерактивные методы, двуязычие, межкультурный диалог, методика преподавания.

Keywords: Arabic language, foreign languages, interactive methods, bilingualism, intercultural dialogue, methodology of education.

Мингазова Наиля Габдельхамитовна (Казань, Россия) – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе факультета восточных языков Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ).

Михаил Панасюк

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАПРАВЛЕНИЯ «ЭКОНОМИКА ИСЛАМСКИХ СТРАН» В ТАТАРСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Образовательное направление по изучению исламской экономики было сформировано на социально-экономическом факультете Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ) в 2007 году. Его открытие было обусловлено социальным заказом на подготовку специалистов данного профиля, обусловленным потребностями экономики России и Республики Татарстан в расширении экономических связей с исламскими странами, необходимостью понимания и глубокого изучения исламской экономики. Первоначально обучение велось в рамках специализации «Мировая экономика (с углубленным изучением истории и культуры ислама)», с 2009г. на кафедре мировой и национальной экономики ТГГПУ сформирована специализация «Экономика исламских стран».

Учебный план специализации, наряду с общепрофессиональными дисциплинами, предусматривает довольно большой перечень предметов специализации и факультативных дисциплин общим объемом около 1500 часов, разработанных и ведущихся преимущественно сотрудниками кафедры мировой и национальной экономики ТГГПУ. Дисциплины специализации, в частности, включают такие предметы, как «Экономика и внешнеэкономическая деятельность исламских стран», «Современное хозяйственное исламское право», «Основы исламской экономики», «Рынок ценных бумаг исламских стран Ближнего и Среднего Востока», «Таможенное дело исламских стран Ближнего и Среднего Востока», «Коммуникативно-торговые отношения стран Евразии», «Внешекономические отношения Татарстана с исламскими странами», «Этические основы организации бизнеса в исламских странах» и др.

Факультативные курсы и дисциплины по выбору студента также в значительной степени основаны на разработках сотрудников кафедры и включают, в частности, такие дисциплины, как «Основы исламской цивилизации», «История исламского законодательства», «Этнопсихология народов Поволжско-Уральского региона», «Экономика народонаселения исламских стран», «Экономика Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского Ханства», «Система власти в Шариате», «Культура мусульман в России и за рубежом», «Социально-

экономическое картоведение исламских государств».

С момента открытия специализации преподаватели и студенты столкнулись с рядом проблем обучения, главная из которых заключалась в крайне незначительном обеспечении учебного процесса литературой. Это было во многом следствием неразвитости научного направления по изучению основ исламской экономики в России, практически отсутствием учебных пособий федерального уровня. В этих условиях коллектив кафедры мировой и национальной экономики ТГГПУ подготовил и опубликовал ряд учебно-методических изданий, включая учебные пособия, курсы лекций, методические рекомендации, охватывающие все основные разделы исламской экономики и экономики исламских стран (преимущественно Ближнего и Среднего Востока).

Необходимо отметить, что многие из них, особенно посвященные сложным разделам исламской экономики, публикуются в нашей стране впервые. Их разработка основана на изучении и обобщении большого объема литературных и статистических первоисточников, в т.ч. на иностранных языках. Ряд учебных пособий опубликованы в издательстве «Магариф», другие размещены на интернет-сайтах.

В 2007г. при наборе первой группы студентов сотрудниками кафедры, а также соавторами ряда кафедр ТГГПУ были подготовлены пятнадцать учебно-методических пособий для специализации «Мировая экономика (с углубленным изучением истории и культуры ислама)», в том числе курсы лекций и методические рекомендации по предметам:

о «Финансы (с исламской спецификой)» - авторы О.М.Закирова, Е.В.Буланкина, Е.А.Попова.

о «Мировая экономика (для специ-

ализации с углубленным изучением истории и культуры ислама)» - авторы М.В. Панасюк, М.Э.Мифтахова, Р.М.Сабитов, Р.Ю.Афанасьев.

о «Внешнеэкономическое сотрудничество Республики Татарстан с исламскими странами» - авторы Д.С.Хайруллов, С.Г. Абсалямова.

о «Международные стандарты финансовой отчетности (с разделом по исламской экономике)» - авторы Г.Р. Хамидуллина, Л.Ф. Гафиуллина.

о «Социально-политические системы стран Среднего Востока (Турция, Иран, Афганистан)» - авторы В.Ф.Марчуков, И.Ю.Зобова.

о «Рынок ценных бумаг Ближнего и Среднего Востока» - авторы В.В.Хоменко, Ю.С.Церцейл.

Наряду с отмеченными, были подготовлены методические рекомендации по дисциплинам:

о «Международные экономические отношения» - авт. М.К.Насыров.

о «Экономика народонаселения исламских стран» - авт. Е.М.Пудовик.

В рамках реализации программы 2007г. сотрудниками кафедры были разработаны учебные пособия по курсам:

о «Мировая экономика» - авторы М.В. Панасюк, М.Э.Мифтахова, Р.М.Сабитов, Р.Ю.Афанасьев.

о «Экономика» - авторы М.З.Гибадуллин, Л.В.Абдрахманова, Т.М.Вахитова, С.М.Сюркова.

Объем учебного пособия и курса лекций составлял не менее 8 п.л., методических рекомендаций – не менее 2 п.л.

В 2008г. в целях реализации распоряжения Правительства Российской Федерации от 14 июня 2007 года № 775-р, приказа Федерального агентства по образованию РФ от 18.04.2008 № 345 «О выделении ассигнований из федерального бюджета в 2008 году на реализацию плана мероприятий по обеспечению подготовки специали-

Ислам в светских вузах

тов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2007-2010 годах», а также договора о сотрудничестве между ГОУ ВПО «Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет» и УВПО «Российский исламский университет» (РИУ) от 29 октября 2007 года, кафедрой мировой экономики совместно с сотрудниками ряда кафедр ТГГПУ была проведена работа по подготовке учебных пособий для обеспечения преподавания экономических дисциплин направления подготовки специалистов по специальности 031900 – «Теология».

Разработка цикла учебных пособий имела целью создание развитой учебно-методической базы для изучения экономики и внешнеэкономической деятельности современных исламских стран, включая особенности их валютно-кредитных отношений, экономического анализа, банковской деятельности, налогообложения, фондового рынка, этических основ организации бизнеса, что для многих данных направлений экономики на уровне отдельных учебных пособий

ранее в нашей стране не осуществлялась. Особенности теологической специальности студентов обуславливали определенные направление, стиль и характер изложения предмета.

Тематика учебных пособий ориентирована на содержание и соответствовала требованиям ГОС девяти курсов специальности 031900 общим объемом 938 часов, в том числе учебных дисциплин СД.02, СД.03, СД.06, СД.08, СД.10, СД.13, СД. 15, СД.16 и СД.18.

По тематике пособий авторами были написаны свыше 40 научных работ и учебно-методических разработок, в т.ч. 15 в рамках части проекта 2007г. по подготовке учебно-методической литературы для специализации «Мировая экономика (с углубленным изучением истории и культуры ислама)».

Всего были подготовлены и прошли аттестацию девять учебных пособий общим объемом 70 п.л., названия которых и соответствующие наименования курсов, разделы учебного плана приведены в таблице 1.

Таблица 1 Учебные пособия, подготовленные в 2008г. по экономическим курсам специальности 031900 – «Теология»			
Наименование курса	Объем учебной нагрузки - всего	Название	Дисциплины направления «Теология» 031900
СД.02 Международные экономические отношения	100	Исламский мир и международные экономические отношения	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии СД.03 Основы исламской цивилизации
СД.03 Международные валютно-кредитные отношения	100	Валютно-кредитные отношения в исламских государствах	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии

СД.06 Экономический анализ	148	Экономический анализ в странах с исламской экономикой	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии
СД.08 Деньги, кредит, банки	86	Деньги, кредит, банки в исламских странах	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии
СД.10 Налоги и налогообложение	86	Налоги и налогообложение в странах с исламской экономикой	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии
СД.13 Экономика и ВЭД Ближнего Востока	86	Экономика и ВЭД исламских стран Ближнего и Среднего Востока	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии
СД.16 Организация и регулирование ВЭД	140	Организация и регулирование ВЭД Татарстана с исламскими странами	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии
СД.18 Рынок ценных бумаг Стран Ближнего Востока	110	Фондовый рынок исламских стран	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии
СД. 15 Этические основы организации бизнеса в исламских странах	82	Этические основы организации бизнеса в исламе: мировой и российский опыт	ГСЭ.Р.02 -Основы экономики и экономической географии СД.03 Основы исламской цивилизации

В период подготовки учебных пособий был организован цикл лекций

и консультаций ведущих специалистов по исламской экономике. Итоги обсуждения позволили использовать

новые материалы для завершения работ, углубить их научные основы в плане понимания современных проблем исламской экономики.

В 2009г. сотрудниками кафедры были разработаны учебные пособия по исламской экономике в рамках реализации комплексной образовательной программы профессиональной подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама для студентов учреждений среднего профессионального религиозного мусульманского образования. Отмечая отсутствие цикла экономических дисциплин в учебных планах специальностей, по которым ведется подготовка в данных образовательных учреждениях, было принято решение о включении в них предметов «Основы исламской экономики» и «Экономика религиозных исламских организаций». Проведенная в Духовном управлении мусульман Республики Татарстан апробация показала, что авторами подготовлены одни из первых в стране учебники, охватывающие весь спектр вопросов данных учебных дисциплин и представляющие интерес для всех религиозных учебных заведений страны. В их состав вошли:

о «Экономика религиозных исламских организаций» - авторы Д.С.Хайруллов, В.М.Якупов, Ш.И.Гафуров.

о «Основы исламской экономики: теория и практика хозяйствования» - авторы М.З.Гибадуллин, Т.М.Вахитова.

Представленные в 2007 – 2009гг. авторами разработки учебных пособий

являются уникальным комплексом, в котором рассмотрены основные стороны экономики исламских стран. Они отличаются научно-методической глубиной, широким охватом предмета, привлечением большого объема современных данных по экономике. Их появление особенно актуально в условиях крайней недостаточности фундаментальной учебной литературы по исламской экономике, что дает основы для дальнейшей работы сложившегося авторского коллектива в данном направлении.

Проведенная работа по подготовке обучения в рамках специализации «Экономика исламских стран» позволяет заложить фундамент и определить устойчивые перспективы выпуска специалистов как на основе подготовки, так и переподготовки и повышения квалификации. Особое значение в этом плане имеют комплекс знаний и умений, сформированных в перспективных для российской экономики направлениях, таких как модели экономики исламских стран, особенности их финансовой системы, внешнеэкономическая деятельность исламских стран и ее организация, внешнеэкономические отношения России с исламскими странами, рынок ценных бумаг, таможенное дело исламских стран и др. Это обуславливает перспективную востребованность специалистов в организациях и предприятиях, банковских и структурах, поддерживающих экономические отношения с исламскими странами и изучающими их рынки.

АННОТАЦИЯ

В данной статье дается оценка перспектив развития направления «Экономика исламских стран» в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете. Данное научное направление по изучению основ исламской экономики не получило развития в России. В этих условиях одним из главных достижений вуза стала разработка и публикация соответствующей учебно-методической литературы, охватывающей все разделы данного направления.

MIKHAIL PANASYUK

PERSPECTIVES OF ADVANCEMENT OF STUDIES ON "THE ECONOMY OF ISLAMIC COUNTRIES" IN TATAR STATE UNIVERSITY OF HUMANITIES AND EDUCATION

SUMMARY

The paper deals with perspectives of advancement of studies on "The Economy of Islamic countries" in Tatar State University of Humanities and Education. This area of research concentrated on principles of Islamic economics is on a very large degree undeveloped in Russia. In such circumstances the university managed to fill the gap and contributed in development and publishing of respective educational materials.

Ключевые слова: исламская экономика, исламские страны, учебно-методическая литература.

Keywords: Islamic economics. Islamic countries, educational materials.

Панасюк Михаил Валентинович (Казань, Россия) – доктор географических наук, профессор кафедры мировой и национальной экономики социально-экономического факультета Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ).

Сергей Устинкин

ОПЫТ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ИСЛАМА

С 2005 г. по настоящее время Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского участвует в выполнении Президентской программы подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама. Сегодня на факультете международных отношений в рамках этой программы по специальности «Политология» обучается 45 человек. Из них на 1 курсе – 9 человек, на 2 курсе – 10 человек, на 3 курсе – 10 человек, на 4 курсе – 12 человек, на 5 курсе – 4 человека.

В 2005-2006 гг. обучение студентов факультета осуществлялось по программе подготовки «регионоведов», предусматривающей большой объем времени для изучения иностранных языков. Как показала практика, это затрудняло одновременное освоение арабского и (важного для региона) татарского языков.

В связи с этим руководство университета, по согласованию с Федеральным агентством по образованию, приняло решение с 2007 г. перевести всех студентов, обучающихся в рамках целевой президентской программы, на специальность «Политология», государственный образовательный стандарт которой не требует столь обширной языковой подготовки. Сегодня, обучаясь на отделении «Политология», студенты, задействованные в программе, изучают арабский язык как иностранный и факультативно татарский язык как язык межрегионального общения в Приволжском федеральном округе.

В 2006 г., в целях повышения качества языковой подготовки студентов, на ФМО были созданы и в настоящее время действуют кафедры иностранных языков: кафедра европейских языков (зав. кафедрой доцент Жерновая О.Р.) и кафедра восточных языков и лингвокультурологии (зав. кафедрой профессор Лычагин А.И.). Сегодня студенты, обучающиеся арабскому языку, разделены на 3 группы: сильно-, средне- и слабоподготовленных. Такой дифференцированный подход позволил для каждого отдельного студента разработать ин-

дивидуальную программу языковой подготовки и существенно повысить качество обучения.

За годы реализации целевой президентской программы в ННГУ 6 студентов не смогли справиться с выполнением учебного плана в полном объеме. В связи с этим они прошли повторный курс обучения в ННГУ на бюджетных местах по специальности «Политология». 2 студента отчислены из университета за неуспеваемость и по семейным обстоятельствам.

В 2007 г. в целях усиления контроля за реализацией президентской программы приказом ректора был создан специальный Совет. В состав Совета входят ректор ННГУ профессор Чупрунов Е.В., президент университета профессор Стронгин Р.Г., проректор по учебной работе доцент Петров А.В., проректор по безопасности доцент Ротков Л.Ю., декан ФМО профессор Колобов О.А., зав. кафедрой политологии профессор Устинкин С.В., ректор Института им. Х. Фаизханова Мухетдинов Д.В., профессор кафедры политологии Балувев Д.Г. Совет имеет детально разработанный план работы и ежемесячно собирается для оперативного решения возникающих при реализации программы проблем. Деканат ФМО, преподаватели кафедры политологии осуществляют текущий и ежемесячный контроль посещаемости и успеваемости студентов, обучающихся по президентской программе. Со стороны ДУМНО помогают повышать качество обучения студентов ректор института им. Х. Фаизханова Мухетдинов Д.В., директор медресе «Махинур» Муслимов А.

В целях усиления взаимодействия между ННГУ и НИИ им. Х. Фаизханова (определенный Министерством образования и науки партнер университета в реализации программы) в 2007 г. заключен договор о сотрудничестве, предусматривающий научную, учеб-

но-методическую, организационную и издательскую помощь институту со стороны университета. Институт им. Х. Фаизханова в свою очередь выступает в качестве заказчика обучаемых в университете студентов, осуществляет экспертную деятельность в рамках реализации программы и помогает проводить воспитательную работу со студентами-мусульманами.

На факультете международных отношений с 1999 года действует программа исламских исследований (научный руководитель программы профессор Колобов О.А., исполнительный директор доцент Вагапова Ф.Г.). Программа рассчитана на разработку предложений и обоснование наиболее эффективных путей удовлетворения потребностей в светских специалистах по истории и культуре ислама для решения государственной задачи предотвращения межэтнических и межконфессиональных конфликтов в ПФО.

Программа носит междисциплинарный характер и составляет 1500 дополнительных академических часов за два года обучения. По структуре ее можно разделить на несколько составных частей — блоков: I. Теологический блок; II. Религиоведение; III. Языковая культура (изучение арабского, турецкого, татарского разговорных языков); IV. Исследовательская работа студентов предполагает политологическое изучение деятельности религиозных объединений и организаций, проблем этнической толерантности, межэтнических, конфессиональных контактов, миграционных процессов в регионах. Успешно усвоившие программу студенты получают сертификат об успешном завершении курсов по исламским исследованиям.

Программа способствует эффективному взаимодействию с Духовным управлением мусульман г. Нижнего Новгорода и Нижегородской об-

ласти, Нижегородским исламским медресе «Махинур», Нижегородским исламским институтом им. Хусаина Фаизханова, развитию контактов с зарубежными исламскими представительствами, центрами по культуре и образованию, осуществляющими обмен информацией, студентами, преподавателями на взаимовыгодной основе.

В рамках программы исламских исследований с 2005 года и по настоящее время студенты, магистры, аспиранты, докторанты и преподаватели факультета осуществляли изучение проблем функционирования системы учреждений исламского образования в условиях развития современных политических процессов;

осуществляли сравнительный анализ основных исламских богословских школ, функционирующих на территории РФ в целом и в отдельных регионах в частности;

анализировали влияние миграционных процессов на рубеже XX–XXI вв. на развитие ситуации в конфессиональной и этнической сфере в отдельных регионах России;

исследовали проблемы этнической и конфессиональной толерантности;

изучали электоральное поведение адептов ислама;

проблемы политической и культурной социализации исламской молодежи в иноконфессиональном окружении.

Результатом этой работы стали подготовленные и защищенные студентами, магистрами, аспирантами и докторантами курсовые работы и дипломные сочинения, магистерские, кандидатские и докторские диссертации.

С 2004 года по настоящее время ННГУ им. Н.И. Лобачевского совместно с НИИ им. Х. Фаизханова подготовили к изданию и опубликовали 113 работ (монографии, книги, словари,

справочники и учебные пособия на бумажных и электронных носителях).

В ходе реализации президентской программы Ученый совет ФМО ННГУ разработал и утвердил новый учебный план по специальности «Политология», адаптировав его к нуждам подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама. Все основные и специальные учебные курсы по специальности «Политология» обеспечены новыми учебно-методическими комплексами, учебными планами, программами и литературой, хранящимися в библиотеке факультета, на кафедрах политологии, международных отношений, регионоведения, международно-политических коммуникаций и страноведения, кафедрах иностранных языков, а также в библиотеке НИИ им. Х. Фаизханова и Нижегородского медресе «Махинур» и активно используются в учебном процессе.

В целях усиления взаимодействия между ННГУ им. Н.И. Лобачевского – с одной стороны и НИИ им. Х. Фаизханова, медресе «Махинур» – с другой стороны, Мухетдинов Д.В. и Муслимов А. зачислены в штат университета.

Экспертно-аналитическую поддержку ННГУ в реализации президентской программы оказывает институт ФСБ РФ (г. Н.Новгород), с которым в 2007 г. заключен отдельный договор о сотрудничестве. Преподаватели ННГУ и сотрудники института ФСБ регулярно проводят совместные социологические исследования. (Динамика мусульманских сообществ ПФО и система государственно-конфессиональных отношений в РФ. Н.Новгород, 2007. и др.)

В 2005 г. кафедра политологии ННГУ выполняла работы по государственному контракту №993 «Разработка методологических и методических оснований обеспечения образователь-

ных потребностей детей мигрантов и вынужденных переселенцев из стран бывшего СССР в системе образования". Работы были осуществлены в надлежащие сроки и с требуемым качеством.

В 2006 г. проводились НИОКР по госконтракту П 400 по теме «Аналитические исследования потребности в подготовке специалистов по истории и культуре ислама в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Южном федеральных округах».

В том же 2006 г. выступила субподрядчиком СПбГУ по НИОКР (договор субподряда 451) в выполнении проекта «Разработка и апробация инновационной модели подготовки и повышения квалификации специалистов по истории и культуре ислама для Северо-Западного, Центрального, Приволжского, Южного Федеральных Округов) и успешно выполнила свои обязательства.

В 2007 г. кафедра политологии по заказу Министерства образования и науки осуществляла:

разработку примерных образовательных программ на основе государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям подготовки (специальностям) «искусства и гуманитарные науки», «культурология», «регионоведение», «социология»;

разработку и апробацию учебников, учебных пособий, словарей, хрестоматий, практикумов, методических рекомендаций, рабочих тетрадей, необходимых для реализации образовательных программ по направлениям подготовки (специальностям) «искусства и гуманитарные науки», «культурология», «регионоведение», «социология»;

разработку и апробацию образовательных технологий, для реализации образовательных программ по направлениям подготовки (специальностям) «искусства и гуманитарные

науки», «культурология», «регионоведение», «социология»;

определяла потребности в специалистах по направлениям подготовки (специальностям) «искусства и гуманитарные науки», «культурология», «регионоведение», «социология» в Приволжском, Северо-Западном, Центральном и Южном федеральных округах.

В 2008 году ННГУ им. Н.И. Лобачевского и НИИ им. Х. Фаизханова провели комплексную оценку потребностей в подготовке специалистов-теологов с углубленным знанием истории и культуры ислама в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Южном федеральных округах государственными образовательными учреждениями и исследовали возможные пути их удовлетворения.

Сегодня преподаватели университета и сотрудники института продолжают выполнять задания Министерства образования и науки и Федерального агентства по образованию, связанные с реализацией программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама.

В период с 2005 года по настоящее время ННГУ им. Н.И. Лобачевского и НИИ им. Х. Фаизханова разработали и внедрили в учебный процесс автоматизированную систему определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология», которая включает в себя 9 модулей:

- Модуль 1 (блок мониторинга текущих событий, связанных с политической ролью ислама для использования как в учебном процессе, так и при проведении научной и аналитической работы по подготовке специалистов по исламской теологии;

- Модуль 2 (система видеоконференций для организации интерактивного взаимодействия, максимально приближенного к очной форме обучения, а также определения компетенций и

качества подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама);

- Модуль 3 (ежедневно обновляемая информационная база по межнациональным конфликтам и наиболее значимым событиям, связанным с деятельностью экстремистских групп в мире) автоматизированной системы определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология»;

- Модуль 4 (система ежедневного детализированного анализа террористической деятельности по широкому набору критериев: группа, страна происхождения, тактика, структура управления, политические, религиозные и другие объединения) автоматизированной системы определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология»;

- Модуль 5 (интерактивного восьмилетнего архива событий и десятилетнего архива аналитических статей по сходной тематике как на русском, так и на английском языках) автоматизированной системы определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология»;

- Модуль 6 (система, обеспечивающая ежедневный доступ к мировым СМИ – не менее 240 наименований, публикующим материалы, так или иначе относящиеся к межнациональным конфликтам, террористической деятельности и производящей выборку релевантного материала) автоматизированной системы определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология»;

- Модуль 7 (еженедельно обновляемая информационная база о перспективных разработках ведущих мировых научных и исследовательских центров, ведущих исследования тематики, связанной с межнациональными конфликтами и конфликтами на религиозной почве) автоматизи-

рованной системы определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология»;

- Модуль 8 (ежедневно обновляемая база данных по оценке угроз, объединяющей оценки страновых рисков и глобальной безопасности) автоматизированной системы определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология»;

- Модуль 9 (система подготовки и переподготовки профессорско-преподавательского состава, участвующего в реализации мероприятий комплексной программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама) автоматизированной системы определения потребности в специалистах по направлению подготовки «теология».

Тесно сотрудничает ННГУ в рамках реализации программы с представительством Президента в ПФО. Сотрудник представительства Президента профессор Зорин Д.В. практически ежемесячно встречается со студентами, обучающимися по президентской программе и испытывающих интерес к мусульманским исследованиям.

В рамках консорциума государственных вузов, задействованных в реализации президентской программы, ННГУ активно участвует во всех организационных, научных и учебно-методических мероприятиях, проводимых вузами-партнерами (МГЛУ, СПб(У), Казанский ГУ, Северо-Кавказский ГУ и др.).

Результаты научной и учебно-методической работы ННГУ им. Н.И. Лобачевского и НИИ им. Х. Фаизханова проходят апробацию и презентацию на международных, региональных научно-исследовательских и учебно-методических конференциях и семинарах.

Таким образом, в настоящее время в университете созданы и достаточно успешно функционируют организа-

ционные структуры, обеспечивающие контроль за реализацией программы. Ученый совет ФМО скорректировал учебные программы по всем читаемым для политологов дисциплинам, адаптировав их к уровню подготовки студентов-мусульман. Студенты и преподаватели ННГУ полностью обеспечены учебниками, учебными и учебно-методическими пособиями, в том числе на электронных носителях. ННГУ тесно взаимодействует с представительствами Президента по ПРФ, ДУМНО, институтом ФСБ РФ (г. Н. Новгород), вузами-партнерами по ассоциации в реализации президентской программы. В университете есть все необходимое и достаточное: высококвалифицированный кадровый потенциал, учебно-методическое обеспечение, взаимодействие с государственными и общественными структурами, понимание руководством университета и преподавателями важности духовного образования и просвещения как необходимых компонентов успешного развития РФ.

Предложения ННГУ им. Н.И. Лобачевского по развитию программы в 2010-2012 гг.

Нижегородский государственный университет, используя имеющуюся ресурсную базу, кадровый потенциал и опыт работы по данной проблематике может обеспечить в 2010-2012 годах следующие основные мероприятия, связанные с подготовкой специалистов по истории и культуре ислама, в которых он имеет определенные конкурентные преимущества (опыт, ресурсная база, связи с другими вузами ПФО) перед другими вузами-участниками программы:

Мероприятие 1. Проведение научных исследований по роли ислама в современной мировой политике, исламскому радикализму и основным путям противодействия ему.

Мероприятие 2. Организация и проведение научно-практических семинаров по проблеме противодействия исламскому радикализму, роли в этом системы высшего образования, возможностей сотрудничества с другими государственными организациями, а также исламскими образовательными учреждениями. Целевой аудиторией этих мероприятий будут не только сотрудники государственных вузов, но и сотрудники госучреждений, мусульманских организаций. Университет имеет позитивный опыт взаимодействия с аппаратом полпреда по ПФО. Ряд сотрудников кафедры политологии ННГУ читает лекции для слушателей института подготовки и повышения квалификации работников контрразведки, являющегося головным федеральным учреждением по направлениям «защита конституционного строя» и «борьба с терроризмом». Уже проводился целый ряд мероприятий с участием его сотрудников. С другой стороны, большая часть работников духовного управления мусульман приобрела государственные дипломы о высшем образовании и кандидатские степени в Нижегородском государственном университете, что также создает поле для дальнейшего взаимодействия с ними. Подобная работа будет проводиться с привлечением «Малой академии государственного управления», структурным подразделением университета, занимающегося повышением образовательного уровня госчиновников и подготовкой молодых лидеров.

Мероприятие 3. Организация обмена опытом среди вузов, вовлеченных в программу, распространения инновационных образовательных технологий среди других вузов, обмена опытом с зарубежными партнерами, вовлечение в программу новых вузов. Позитивным фактором является на-

личие в ННГУ программы подготовки политологов с углубленным изучением истории и культуры ислама, система профподготовки и взаимодействия с органами государственного управления (аппарат полпреда), силовыми структурами (включая их учебные заведения, такие как Институт ППКС) и общественными организациями (например, ДУМ). Предполагается широкое использование для управления этим процессом вышеупомянутого электронного учебно-методического комплекса по современному политическому исламу.

Мероприятие 5. Исследование путей организации и налаживание программы международного сотрудничества в рамках программы подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. Ряд подразделений ННГУ имеет достаточно богатый опыт международного сотрудничества с зарубежными ВУЗами и научно-исследовательскими центрами (Ближний Восток, Сингапур, Таиланд, США, Западная

Европа), ведущими работами по аналогичной проблематике. Можно особо отметить подобные работы, ведущиеся ННГУ совместно с Лондонским столичным университетом в рамках программы Темпус-Тасис.

Мероприятие 6. Привлечение в магистратуру, аспирантуру и докторантуру студентов и преподавателей, прошедших подготовку по программе обучения специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама для дальнейшего обучения по специальности 030200: политические отношения и политические процессы в современной России, теория мирового политического процесса и международных отношений (направление «Политология»). В аспирантуру по специальностям 23.00.02 и 23.00.04. В докторантуру по специальности 23.00.02 с защитой подготовленных кандидатских и докторских диссертаций в спецсовете ВАК при ННГУ Д-212.166.10.

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор дает оценку опыту Нижегородского государственного университета по реализации программы подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама, в которой основной акцент сделан на борьбе с религиозным экстремизмом, терроризмом и другими проявлениями межконфессиональной вражды. Данный вуз в осуществлении этой программы опирается на сотрудничество с мусульманскими образовательными учреждениями и общественными организациями мусульман Нижегородчины. В статье сделаны предложения по дальнейшему развитию этой программы в сторону большей эффективности.

SERGEY USTINKIN

EXPERIENCE OF NIZHNY NOVGOROD STATE UNIVERSITY IN IMPLEMENTATION OF THE PROGRAM OF TRAINING SPECIALISTS WITH ADVANCED STUDY OF ISLAMIC CULTURE AND HISTORY

SUMMARY

The paper deals with experiences of the Nizhny Novgorod State University in implementation of the Program of training specialists with advanced study of Islamic culture and history with special emphasis on fighting religious extremism, terrorism and other forms of interconfessional hostility. The University in realization of this program to a very large extent relies on co-operation with Islamic educational institutions and public organization of Nizhny Novgorod region. The author of the paper listed suggestions for improving activities of the University in implementation of this program.

Ключевые слова: Нижегородский государственный университет (ННГУ), Нижего-

родский исламский институт им. Хусаина Фаизханова, программа подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама, религиозный экстремизм.

Keywords: the Nizhny Novgorod State University, the Nizhny Novgorod Islamic Institute of Kh, Faizkhanov, the Program of training specialists with advanced study of Islamic culture and history, religious extremism.

Устинкин Сергей Васильевич (Нижний Новгород, Россия) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии, заместитель директора института стратегических исследований ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

*Александр Горбунов
Ибрагим Ибрагимов*

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК УНИКАЛЬНЫЙ ФАКТОР ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современное общество – это общество широкого диалога и сотрудничества, осуществляемого в поликультурной, поликонфессиональной среде. Тон такому диалогу и сотрудничеству задают регионы, самой судьбой предназначенные для этого.

Один из таких уникальнейших регионов – Северный Кавказ, в котором расположен наш вуз, выполняющий большую работу по сохранению и приумножению преемственности межконфессионального диалога в поликультурном пространстве. Эта работа ведется в сотрудничестве с другими вузами Российской Федерации, в первую очередь с вузами, участвующими в программе подготовки специалистов с углубленным знанием ислама и исламской культуры.

В последнее время все больше ощущается, что ведущие религиозные организации России в качестве одного из наиболее важных институтов гражданского общества начинают оказывать очень серьезное влияние на социальную сферу. В этом ключе все большую актуальность приобретает идея социального партнерства между государством и традиционными религиями. Именно традиционные религиозные институты могут вступать с государством в партнерские отношения.

Большое значение сегодня имеет деятельность Межрелигиозного Совета России, объединяющего духовных лидеров православных, мусульман, буддистов и иудеев. Это очень важная межконфессиональная структура, способствующая становлению и развитию диалога между религиозными организациями и выработке их совместной политики в отношениях с государством. Фактически Межрелигиозный Совет России – это институт гражданского общества, разумная альтернатива административному органу по делам религий, поскольку он основан на принципиально иной модели участия: не администрировать, а координировать.

Однако этого недостаточно. Сегодня, как уже очевидно, необходимо создать целое сообщество компетентных специалистов, которые будут заниматься религиозными вопросами с государственных позиций. Поэтому открытие специализации “Государственно–конфессиональные отношения” в рамках

поликонфессионального теологического образования обосновано потребностью в подготовке высококвалифицированных специалистов государственной службы по связям с религиозными объединениями, которые необходимы для реализации основополагающих конституционных принципов в области свободы совести.

Кроме того, нужны и образованные кадры в системе образования.

Не секрет, что одна из основных проблем преподавания «Основ православной культуры», «Основ исламской культуры» и любой другой религиозной культуры - это кадровая проблема. Ведь от того, кто и как будет преподавать этот и другие религиозно и мировоззренчески ориентированные предметы как в религиозных, так и в светских учреждениях, зависит наша духовная безопасность. А от того, кто будет в качестве специалиста выступать посредником между религиозными организациями и государством, зависит гражданский мир в обществе.

В этой связи отрадно отметить, что за последнее десятилетие была создана необходимая правовая, организационная и методическая база, позволяющая развивать систему теологического образования в России. В настоящее время в российской высшей школе теологов готовят более 40 вузов, из которых 23 – государственные университеты. В условиях возрастающего влияния культуuroобразующих конфессий на гражданское строительство, закрепленные в Конституции РФ принципы светскости государства и свободы совести, как мы полагаем, дают возможность удовлетворить растущую потребность общества в специалистах-теологах. Однако специализация, направленная на подготовку экспертов и консультантов в области государственно-конфессиональных отношений, является

по-своему уникальной. Разработка и введение ее в ПГЛУ связаны с тем, что принципиально новая социокультурная, в том числе религиозная ситуация, сложившаяся в России на рубеже XX-XXI вв., требует постоянного учета религиозного фактора в государственном строительстве, в разработке и совершенствовании законодательства, в управлении различными сферами общества, во всей деятельности государственных и муниципальных органов власти, направленной на консолидацию общества, достижение социального, межнационального, межконфессионального мира и согласия. В современных условиях особую роль приобретает партнерство государства и традиционных конфессий в сфере оздоровления морально-нравственной атмосферы в современном российском обществе.

Поэтому развитие поликонфессионального теологического образования под патронатом государства будет способствовать, прежде всего, преемственности в области образовательных и научных традиций, выработанных традиционными конфессиями в условиях их мирного сосуществования и сотрудничества в России. Подготовка специалистов-теологов является эффективным средством, препятствующим распространению псевдохристианских сект, исламского фундаментализма и других антигосударственных и антиобщественных объединений.

Важно наличие подготовленных специалистов в этой области и для других целей. Не секрет, что до сих пор не только законодательно не урегулирован вопрос о государственной религиоведческой экспертизе, но это не обеспечено и в кадровом отношении. Государство вправе не принимать на веру любое заявление, что создаваемое объединение является религиозным, особенно когда это

автоматически влечет предоставление ему налоговых и иных льгот, и в случае необходимости провести экспертную оценку его учредительных документов. Часто нужна проверка и на присутствие экстремистских устремлений. Но отсутствие высококлассных специалистов с глубоким знанием религиозных догматов, языков сакральных текстов делает любую такую экспертизу малоэффективной.

Недостаточное взаимодействие религиозных организаций и государства в сфере образования может само являться причиной этнических и межконфессиональных проблем. Сегодня очень важно понять, что религиозный экстремизм процветает во многом на почве духовного невежества. Истинное понимание религии и религиозной культуры приводит или, по крайней мере, приближает к просветлению, святости, а не к бандитизму, продажности и жестокости. Во всех этих чудовищных проявлениях виновата не религия, не вера, но ее незнание и непонимание.

Поэтому религиозное образование и просвещение должно стать неотъемлемой частью образовательного процесса, ведущего к высокому культурному уровню. Знание основ вероучения традиционных для России религий дает гарантии взаимопонимания, сохраняет и укрепляет межнациональные и межкультурные узы, связывающие всех граждан России. Эта область связана с обеспечением духовной безопасности, усилением созидательных процессов в обществе.

Исходя из всего этого, главной задачей на сегодняшний день является дальнейшее развитие государственно-конфессионального диалога в образовательном пространстве.

Сегодня на государственном уровне уделяется большое внимание подготовке кадров с углубленным

знанием истории и культуры религий, теологическому образованию. В обществе назрела необходимость ликвидации религиозной безграмотности и некомпетентности, но это возможно лишь при наличии достаточной «критической массы» хорошо подготовленных специалистов: преподавателей, консультантов, экспертов в области религиозного знания, прекрасно владеющих тонкостями вероучения, обычаев и традиций основных культуuroобразующих конфессий. И сегодня ясно, что подготовка их – непосредственная задача государства.

Поэтому включение теологии в число образовательных направлений, допущенных Министерством образования и науки в государственных вузах, стало большим шагом вперед в деле государственно-конфессионального диалога - уже в сфере образования.

Нельзя не акцентировать внимания на другом аспекте этой работы.

Сегодня, когда происходит процесс интеграции российской системы образования в европейскую и мировую, развитие отечественного теологического образования и науки приобретает особую важность, так как является необходимым условием конкурентоспособности российского гуманитарного знания.

Во многих известных европейских университетах существуют теологические факультеты, имеющие давние традиции. В Оксфордском университете и по сей день теология является самой престижной базовой специальностью. В мировой практике бытует неоспоримое убеждение, что теология, история и классическая филология составляют фундамент национального гуманитарного образования.

Роль фундаментального образования повышается в условиях роста интенсивности изменений на рынке

труда, так как именно фундаментальная подготовка повышает адаптивность специалиста к меняющимся условиям. Это дает возможность выпускникам теологических факультетов работать во всех областях гуманитарного знания.

Несомненно, во всем мире растет интерес к вопросам, касающимся места религиозных и духовно-нравственных ценностей в современном обществе. И, хотя проблема религиозного образования носит глобальный характер, задачи перед ним ставятся различные. В Европе это объединение граждан одной нации и интеграция. В России это, прежде всего, ликвидация религиозной безграмотности и некомпетентности.

Мы не поддерживаем идею «столкновения цивилизаций». Российское общество демонстрирует всему миру возможность мирного существования и искреннего сотрудничества людей разных культурных и религиозных традиций, объединенных одной родиной и одной судьбой. Поэтому, как мы полагаем, главная цель теологии в системе светского образования – обеспечить на новой, более систематизированной основе, преемственность традиций межконфессионального диалога в поликультурном пространстве.

Однако, как мы понимаем в ПГЛУ, всего этого нельзя сделать в отрыве от общей системной работы, в которой деятельность теологических отделений является составной частью реализации концепции вуза как модели поликультурного гражданского общества и профессионального сообщества. Вся работа в вузе должна быть направлена на это. Это и фестивали дружбы, это и деятельность центров языков и культур, многие из которых связаны с национальными сообществами на территории Юга России, в том числе: Центра Северокавказских

языков и культур, Центра греческого языка и культуры, Центра армянского языка и культуры, Центра немецкого языка и культуры, Центра арабского языка, изучения ислама и исламской культуры и других. Все это и есть настоящее закрепление компетенций межкультурного и межконфессионального диалога.

Целенаправленная работа в этом направлении очень важна, так как именно в молодом возрасте в период обучения в вузе в пространстве полиэтнической среды вырабатывается та верная, правильная модель поведения, которой выпускник вуза будет затем руководствоваться всю свою жизнь.

В этом контексте ПГЛУ ведет большую работу в рамках открытого им отделения теологии.

Еще осенью 2006 года было подписано соглашение о сотрудничестве между Пятигорским государственным лингвистическим университетом и Ставропольской и Владикавказской епархией.

В 2007 было принято 12 человек на созданное в ПГЛУ отделение православной теологии на факультете государственной службы и управления. Тогда же, принимая в расчет новую социокультурную ситуацию, требующую постоянного учета религиозного фактора в деятельности государственных и муниципальных органов власти, в рамках реализуемой специальности была лицензирована специализация – «Государственно-конфессиональные отношения». Для ее реализации были разработаны программы и УМК таких дисциплин, как «История государственно-конфессиональных отношений в России», «Международный опыт государственно-конфессиональных отношений», «Социология религии», «Религия и межэтнические отношения», «Основы социальной концепции Русской православной церкви», «Основы пра-

вославному государствоведению», «История христианства на Северном Кавказе» и т.д.

С 2008 года ПГЛУ стал участником «Комплексной программы содействия развитию сферы религиозного образования» Министерства образования и науки РФ, которая курируется Администрацией президента РФ. Эта работа предусматривает подготовку кадров с углубленным знанием истории и культуры ислама. В начале 2008 г. состоялось подписание соглашений между ПГЛУ и ДУМ КЧР и Ставропольского края, а также Северо-Кавказским Исламским университетом имени имама Абу Ханифы (г. Нальчик). В 2008 году первым из государственных вузов России ПГЛУ лицензировал специальность «теология» с исламским блоком профессиональных дисциплин.

В 2009 году осуществлен еще один важный шаг – подписан договор о сотрудничестве между ПГЛУ и Российским исламским университетом имени Кунта-Хаджи (г. Грозный, Чеченская Республика).

В минувшем учебном году был осуществлен набор студентов в количестве 10 человек по специальности 031901 Теология с исламским блоком профессиональных дисциплин, что также было сделано впервые в Российской Федерации в рамках государственного вуза. При этом специалисты в области исламской теологии овладевают той же специализацией «Государственно-конфессиональные отношения» со спецификой исламского направления. В этом году также осуществлен набор студентов в количестве 10 человек по данной специальности, и впервые, осуществлен набор по заочной форме обучения, где студентами нашего вуза стали преимущественно преподаватели исламских институтов. Большую активность в этом направлении проявили

преподаватели Северо-Кавказского Исламского университета имени имама Абу Ханифы (г. Нальчик).

Развитие качественного теологического образования в государственном вузе, как мы полагаем, конечно, позволит снизить популярность зарубежного – и не всегда отвечающего отечественным традициям – духовного образования в среде мусульманской молодежи, уменьшит количество радикально настроенных элементов в исламском обществе. Кроме того, решение этой задачи позволит участвовать в формировании новой мусульманской элиты, способной позитивно воздействовать на политические, экономические и социокультурные процессы в региональном и федеральном масштабах в интересах российского государства.

В 2008 году была проведена большая работа по подготовке учебно-методического обеспечения для преподавания блока исламских дисциплин.

В рамках реализации образовательной программы были подготовлены все необходимые программы и УМК по дисциплинам профессиональной подготовки (исламское направление). А так же подготовлены и изданы многочисленные (более 30 наименований) учебники, учебные пособия, электронные лекционные курсы, рабочие тетради и аудиокурсы.

В рамках реализации более широкой научной и научно-практической программы в университете создан в 2008 году «Региональный научно-исследовательский институт разработки проблем межконфессиональных отношений, этнополитики и этнокультуры на Юге России», Совет которого возглавил ректор, а директором назначен проректор по академической политике и инновационному развитию Ю.Ю. Гранкин. В сфере деятельности РНИИ – научно - исследовательская работа, экспертная

деятельность, подготовка научных кадров, издание научного альманаха «Теодицея», проведение молодежных и научно-практических конференций, круглых столов, олимпиад по основам Духовной национальной культуры.

Недавно, в начале июня, была проведена Международная научно-практическая конференция «Взаимодействие государства и религиозных конфессий в современном образовательном пространстве».

Сегодня, когда происходит процесс интеграции российской системы образования в европейскую и мировую, развитие отечественного теологического образования и науки приобретает особую важность, так как является необходимым условием конкурентоспособности российского гуманитарного знания.

Для этого требуется объединить все силы, включать в сотрудничество наиболее авторитетные образовательные и научные структуры – РАН, РАО, Министерство образования и науки, учебные заведения как светские, так и религиозные для проведения плодотворной работы. Это будет в том числе содействовать:

- созданию фондов государственной поддержки развития теологического образования;
- обмену информацией и передаче опыта образовательной деятельности;
- взаимопониманию в более полном толковании законодательных актов;
- изучению и внедрению традиционного и современного опыта образовательной деятельности, подразумевающей наличие религиозного мировоззрения и направленной на получение светского образования;
- взаимодействию на двусторонней

основе в вопросах издания учебно-просветительской литературы, разработки и внедрения учебных программ и других материалов, проведения различных мероприятий в области образования и экспертизы в отношении издаваемой литературы;

- привлечению к написанию программ и учебных пособий по основным гуманитарным предметам специалистов-профессионалов от университетов и культурообразующих конфессий, способных совместно дать объективно-научное описание места и значения религии в истории и культуре;

- разработке Комплексной программы развития теологического образования и науки, а также Программы использования специалистов, получивших образование по специальности и направлению «Теология», отвечающей потребностям российского государства, общества, развития его науки и культуры;

- разработке методических и организационных рекомендаций для преподавания курса «Основы государственно-конфессиональных отношений» в рамках программ дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих для обеспечения компетентной деятельности государства, его органов и сотрудников в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Вся эта работа будет способствовать консолидации деятельности государственных структур, вузов, религиозных объединений, которые несут культурные традиции народов, проживающих на Юге России.

Мы уверены, что она принесет добрые плоды.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается исламское образование с точки зрения задачи построения гражданского общества, формирования межконфессионального диалога и плодотворных государственно-конфессиональных отношений, что особенно важно в южном регионе России. В этой связи показателен пример Пятигорского государственного лингвистического университета, в котором осуществляется подготовка специалистов-теологов различной конфессиональной направленности. Авторы статьи убеждены в необходимости дальнейшего укрепления сотрудничества между государством и конфессиональными общинами в целях обеспечения межрелигиозного согласия в обществе.

ALEXANDRE GORBUNOV
IBRAGIM IBRAGIMOV

THE UNIVERSITY THEOLOGIC EDUCATION AS AN UNIQUE FACTOR OF CONTINUITY OF INTERFAITH DIALOGUE IN MULTICULTURAL SOCIETY

SUMMARY

The paper deals with Islamic education in relation with construction of civil society, interfaith dialogue and effective relationship between state and religious communities that is of high importance in southern regions of Russia. Pyatigorsky State Linguistic University where specialists on theology of different religious traditions are trained is instrumental in implementation of this objective. The authors of the paper are convinced of the fact that in order to provide peace and harmony in society co-operation between government and religious communities should be increased.

Ключевые слова: университетское образование, теология, межконфессиональный диалог, поликультурное пространство, Пятигорский государственный лингвистический университет.

Keywords: university education, theology, interfaith dialogue, multicultural society, Pyatigorsky State Linguistic University.

Ибрагимов Ибрагим Джавпарович (Пятигорск, Россия) - заведующий кафедрой восточных языков и культур ГОУ ВПО Пятигорский государственный лингвистический университет

Горбунов Александр Павлович (Пятигорск, Россия) – профессор, кандидат исторических наук, академик Академии педагогических и социальных наук РФ, ректор ГОУ ВПО Пятигорский государственный лингвистический университет

Тимур Шайхуллин

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ КОНСТРУКЦИЙ В КОРАНЕ)

Современное общество становится поликультурным, требующим от его субъектов терпимости и понимания в общении с представителями иных национально-культурных социумов. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с содержанием и организацией поликультурного образования. В его рамках реализуется такой подход к обучению и воспитанию, который позволяет учитывать культурную, этническую, и религиозную специфику обучающихся, развивать у них толерантное отношение к представителям и явлениям иной лингвокультуры. Кроме того, поликультурное образование дает возможность молодому человеку лучше понять свою культуру и ее роль в становлении общекультурного пространства (1, с. 3).

В предисловии к книге профессора Р.М. Мухаметшина «Ислам в Татарстане» отмечено, что на территории Среднего Поволжья хранится и развивается система межконфессионального диалога и толерантности, формировавшаяся в течение многих веков (4, с. 8). Естественно, что вопрос воспитания толерантности в межконфессиональной и полиэтнической среде является важным, и его истоки уходят своими корнями в далекое прошлое. Академик М.И. Махмутов в своей книге «Мир ислама» анализирует этические понятия и приходит к выводу, что толерантность присуща мусульманину изначально как правоверному последователю Корана (3, с. 75). Коран – главная священная книга мусульман, запись проповедей, произнесенных Мухаммадом в форме «пророческих откровений», главным образом, в Мекке и Медине между 610 и 632 гг. При жизни Мухаммада текст Корана передавался по памяти. Решение о составлении сводного текста Корана было принято во время правления третьего праведного халифа Османа между 650 и 656 годами. Специальная коллегия подготовила новый список Корана, основанный на одном из первых вариантов с учетом других записей, а также свидетельств людей, знавших проповеди Мухаммада наизусть. Этот текст постепенно вытеснил другие записи и был признан каноническим. Существующий текст Корана содержит 114 сур (глав) разной величины от 3 до 286 аятов (наименьших коранических отрывков) (2, с. 214).

Коран изобилует устойчивыми паремиологическими конструкциями (пос-

ловицами). Арабский ученый Ибрагим Ан-Наззам считает, что арабские пословицы включают в себя четыре составляющих: лаконичность высказывания, доходчивость смысла, идеальность сопоставления и высокое качество написания. И. Ан-Наззам назвал пословицы «вершиной стилистики арабского языка» (6, с. 1).

Известно, что Коран считается эталоном арабского языка. В нем приводится много различных пословиц. С приходом Корана арабские пословицы стали прогрессировать в своих значениях, многие понятия и жизненные приоритеты изменились, что, безусловно, сказалось на пословицах. В пословицах исчезли воспевания кровной мести, войны и т.д. На смену этим темам, свойственным пословицам доисламской эпохи, пришли такие темы, как духовное воспитание, доброта, толерантность, веротерпимость и человеколюбие, присущие религии ислам. Сказано в Коране:

Воздают ли за добро иначе, чем добром? (Сура 55 «Милостивый», аят 60). В данном выражении суммируется описание плодов праведности и добра. Но самое полное описание может быть дано только в абстрактной форме: «Есть ли воздаяние за добро, кроме добра?» (5, с. 1390).

Нет принуждения в религии... (Сура 2 «Корова», аят 256). В этом кораническом отрывке подразумевается, что насилие несовместимо с религией, ибо религия определяется верой и волей, и было бы бессмысленно навязывать истинную религию путем насилия (5, с. 128).

В Коране приводятся пословицы, в основе некоторых из них лежат исторические рассказы. Сирийский педагог и теолог Абду-р-Рахман ан-Нахляви считает, что цели приведения пословиц в Коране следующие:

– для разъяснения определенной ситуации;

– для убеждения (придерживаться определенных жизненных принципов);

– для доказательства чего-то;

– для воздействия на читателя или слушателя (6, с. 17). Например:

... И хорошие женщины – для хороших мужчин, а хорошие мужчины – для хороших женщин. (Сура 24 «Свет», аят 26) (5, с.876)

Пословицы, приведенные в Коране, чаще всего имеют воспитательную направленность. Например, сказано в Коране:

Мы уже привели для людей в этом Коране всевозможные подобия (пословицы), дабы могли образумиться они... (сура 39 «Толпы», аят 27). Люди могут понять высокую духовную истину только через притчи или сравнения (пословицы), и в Коране они приведены во множестве. Цель их, однако, не просто рассказать историю, но преподать урок духовной мудрости (5, с. 1187). Приведем в качестве примера кораническое высказывание, содержащее мудрость:

Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме того, что для нее по силам. Для нее – то, что она приобрела хорошего, и против нее – то, что она приобрела плохого... (Сура 2 «Корова», аят 286). Имеется в виду то, что Аллах примет от каждого только посильную жертву, только выполнимый долг (5, с. 145).

Творите добро, – поистине, Аллах любит совершающих благодеяния! (Сура 2 «Корова», аят 195) (5, с. 98).

Арабские ученые выделяют следующую педагогическую направленность коранических пословиц:

1. Общие педагогические цели:

а) выявление и утверждение правды, а также приведение доказательств;

б) предупреждение от совершения дурных поступков.

2. Частные педагогические цели:

а) доведение до понимания событий, описанных в Коране;

б) конкретизирование абстрактных религиозных истин (8, с. 58-59).

С помощью следующего аята можно осознать, насколько глубокий смысл содержится всего в одной коранической поговорке.

... Он возжигается от благословенного оливкового дерева, которое не находится ни на востоке, ни на западе. (Сура 24 «Свет», аят 35). О местоположении этого оливкового дерева (от которого идет необычный свет) не говорится подробно. Оно ни на востоке, ни на западе, оно универсально (как свет Аллаха). Применительно к оливковому дереву есть более буквальное значение, которое можно дополнить различными аллегориями. Оливковое дерево, растущее на восточной стороне, получает лучи только восходящего солнца, а дерево, растущее на западной стороне, – только лучи заходящего солнца. В северном полушарии деревья, расположенные на южной стороне, получают солнечный свет большую часть дня, в то время, как деревья в северной части полностью закрыты от него, а в южном полуша-

рии – наоборот. Но дерево, растущее на открытой равнине или на холме и получающее солнечные лучи непрерывно, в течение целого дня, становится более зрелым, и его плоды и масло обладают большей ценностью. Подразумевается тот факт, что свет Аллаха не привязан к какому-либо определенному месту, и его качество всегда одинаково: этот свет совершен и универсален (5, с. 881).

...Воистину, добрые деяния удаляют злодеяния... (Сура 11 «Худ», аят 114). Именно с помощью «добрых деяний» (молитв, благих помыслов, добрых слов и благородных поступков) мы отгоняем все зло, независимо от того, было ли оно совершено в прошлом, в настоящем или же, возможно, будет совершено в будущем (5, с. 564).

Таким образом, в межконфессиональной и полиэтнической среде становится очевидным актуальность изучения коранических устойчивых конструкций, ориентированных на толерантность, веротерпимость и доброту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гальскова Н.Д. *Образование в области иностранных языков: новые вызовы и приоритеты // Иностранный язык в школе, №5, 2008, с. 2-7*
2. Кухарева Е.В. *Арабские пословицы и поговорки. Словарь с лексико-фразеологическими комментариями.* – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток – Запад, 2008. – 303с.
3. Махмутов М.И. *Мир ислама.* – Казань: Центр инновационных технологий, 2006. – 616 с.
4. Мухаметшин Р.М. *Ислам в Татарстане.* – Казань: Яналиф, 2009. 255с.
5. *Священный Коран с комментариями на русском языке. В переводе с комментариями Абдуллы Юсуфа Али. И.Д. «Медина», Н.Новгород.* – 2007. – 1742с.
6. Д-р Махмуд Исмаил Сини, Насиф Мустафа Абд аль-Азиз, Му'джам аль-амсаль аль-'арабийя. *Мактабат Лубнан, Бейрут* – 1996. С. 181.
7. Абд ар-Рахман ан-Нахлауи, Ат-Тарбийя бидарб аль-амсаль. «Дар аль-Фикр» Дамаск, «Дар аль-фикр аль-муасыр» Бейрут. 1 изд. 1998. с. 128
8. Абд ар-Рахман Хасан Ханбика аль-Майдани, Дарб аль-амсаль фи-ль Куран. «Дар аль-Калям» Дамаск, 2-е изд., 1992. с. 327.

Толерантность и межконфессиональное согласие

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор анализирует устойчивые афористические словосочетания, использующиеся в Коране, которые простыми словами передают важнейшие истины. В данной статье эти конструкции рассматриваются с точки зрения их воспитательной функции и утверждения общечеловеческих ценностей, таких как терпимость и взаимопонимание.

TIMUR SHAYKHULLIN

FOSTERING TOLERANCE IN MULTIETHNIC SOCIETY (ACCORDING TO QUR'ANIC PATTERNS)

SUMMARY

The author is engaged in sophistication of Qur'anic aphoristic patterns and set expressions which communicate most significant values by simple words. These patterns are examined according to their educational functions and consolidation of universal values, e.g. tolerance and mutual understanding.

Ключевые слова: Коран, пословицы, толерантность, полиэтничный социум.

Keywords: Holy Qur'an, proverbs, tolerance, multiethnic society.

Шайхуллин Тимур Акзамович (Казань, Россия) – кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой филологии и страноведения Российского Исламского Института (РИИ).

Альбина Файзуллина

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ

Социально-политические перемены, которые произошли в нашей стране в конце XX столетия, особенности глубокого и затяжного трансформационного кризиса, охватившего базовые принципы организации общества и вызвавшего распад СССР, принципиально изменили развитие миграционных процессов и их основные черты и характеристики.

С распадом СССР и провозглашением СНГ выделились две сферы внешнеполитических интересов России: традиционное дальнее и новое ближнее зарубежье, включающее бывшие союзные республики. С изменением геополитического и экономического положения в странах СНГ (суверенизация бывших республик, разделение населения на «титовское» и «нетитовское», обострение межнациональных противоречий) миграционные процессы заметно активизировались.

Россия столкнулась с интенсивными миграционными потоками в условиях, когда ее экономическая база оказалась в кризисном состоянии. Изменения политической и социально-экономической систем на постсоветском пространстве более всего сказались на рынке труда, жизненных условиях, индивидуально-личностном статусе и семейных связях. Миграция влияет на жизнь местных социумов, вносит коррективы в проводимую суверенными государствами политику, изменяет личностные характеристики тех, кто вынужден перемещаться на другие территории в поисках спокойной жизни и лучшего будущего.

Демографический спад, вызванный падением рождаемости, привел к тому, что процесс сокращения численности населения стал почти повсеместным явлением, миграция уже не всегда компенсирует естественную убыль.

Последствия миграции проявляются в различных сферах жизни общества, нередко становясь источником конфликтов. Усложнилась этническая структура многих стран и регионов, в среде мигрантов получило распространение такое явление, как «культурный шок»; а среди «принимающих» групп населения - ксенофобия, национальный фундаментализм, переходящий в шовинизм. В результате миграции возросла также социальная напряженность, прежде всего на рынке труда. В этих условиях для сохранения стабильности в обществе

требуется взвешенная, построенная на четкой правовой основе миграционная политика.

Российская Федерация и сегодня продолжает оставаться привлекательной для мигрантов. В последнее десятилетие, в частности, заметно увеличился поток трудовых мигрантов из числа представителей титульных наций ближнего и дальнего зарубежья. Они чаще всего придерживаются позиций сегрегации, стараются селиться этническими общинами, до предела ограничивают контакты, не стремятся к интеграции в принимаемом сообществе. Работники ФМС считают, что три четверти трудовых мигрантов осуществляют свою деятельность незаконно, не имея разрешения на работу, и находятся на территории России на нелегальном положении.

В докладе ООН по проблемам миграции говорится о том, что в настоящее время в России насчитывается уже более 12 млн. мигрантов, и тенденций снижения процесса миграции не наблюдается.

Миграционный обмен населением между бывшими республиками СССР по мере улучшения экономического состояния Российского государства и в дальнейшем будет усиливаться. Эти явления потребовали обновления нормативно-законодательной базы миграционной политики.

Внутрироссийская миграция уже не способна решить демографические проблемы. Повысить численность населения возможно за счет инокультурных мигрантов из Средней Азии, Казахстана, Закавказья, что соответственно окажет влияние на этнокультурный баланс в округе. Новые этнические группы имеют различия в языке, культуре, религии, модели поведения, образе жизни. От формирования миграционной политики будет зависеть и социокультурное ядро региона. Каж-

дый из мигрантов - потенциальный гражданин России. Государство заинтересовано в пополнении людских ресурсов, а так как своими средствами демографическую проблему решить не получается, то население России будет прирастать трудовыми мигрантами и их детьми.

Ключевыми проблемами являются проблемы интеграции мигрантов в принимающее общество и проблемы адаптации принимающего общества к новым условиям, прежде всего к изменению этнического состава населения. В результате миграционных процессов и появления новых крупных этнических диаспор - таджиков, узбеков, вьетнамцев - наметилась тенденция к изменению сложившейся этнической карты региона.

На повестке дня - обращение социальных исследователей и практиков к различным социальным институтам, в рамках которых мигранты и местное сообщество взаимодействуют: это и институт безопасности, и собственно экономика, и право, и здравоохранение, и, наконец, образование.

Мигранты все чаще приезжают к нам не одни, а с семьями - женами и детьми. Учитывая несравнимо высокий уровень медицинского обслуживания в России, только в Татарстане ежегодно рождает около тысячи матерей-мигранток. Значит, в ближайшей перспективе проблемой станет образование детей мигрантов.

Длительное пребывание значительной по размеру группы представителей других государств в России не может не рассматриваться как составляющая человеческого фактора вообще. А если иметь в виду следующее поколение мигрантов (сегодняшние школьники - дети мигрантов), то их следует рассматривать как часть будущего России.

Приток мигрантов увеличивает количество нуждающихся в обра-

зовательных услугах при наличии довольно ограниченных ресурсов образовательных учреждений (для школьного и дошкольного образования). С одной стороны, это способствует развитию поликультурного сообщества; сохранению школьных учреждений, испытывающих дефицит контингента учеников. С другой стороны, ребенок из семьи мигрантов, как правило, на порядок хуже знает русский язык, а значит, с ним надо дополнительно заниматься, возникают трудности с воспитанием такого ребенка, интеграцией родителей в школьную жизнь и т.д.

В основном дети трудовых мигрантов отличаются слабым знанием или незнанием русского языка, отсутствием достаточных для социализации знаний об основах российского законодательства, культуры, истории, традиций, норм поведения в быту. Рассматривая проблемы социальной адаптации детей мигрантов, необходимо помнить и о религиозной составляющей.

Сегодня, по данным переписи 2002 года, в РФ проживают 14,5 млн. «этнических мусульман», к которым следует добавить свыше 3 млн. мусульман-мигрантов из ближнего зарубежья. Ислам, как одна из традиционных религиозных общностей, играет все более заметную роль в общественно-политической жизни России.¹ Будучи фактором формирования общественного сознания и поведенческих стереотипов, ислам оказывает существенное воздействие и на ход политических событий. Нельзя не обратить внимание и на то, что в некоторых регионах России, в первую очередь в Среднем Поволжье, ислам в течение многих веков способствовал формированию принципов мирного сосуществования представителей различных конфессий.

Мы согласны с мнением Малашенко Алексея Всеволодовича, что «ис-

ламский фактор» в будущем в жизни общества, в формировании ориентаций различных политических групп станет более заметным. Религиозная атмосфера в многонациональной и многоконфессиональной России отражает те коренные изменения в государственном и политическом строе, которые произошли за последние десятилетия. Государственно-религиозные отношения в России строятся в строгом соответствии с принципом свободы совести, включающем в себя такие понятия, как равенство всех религий перед законом; право граждан исповедовать любую религию; светский характер государства; отделение от него религиозных и иных, созданных по мировоззренческому принципу, объединений. Формируются принципы и механизмы взаимодействия религиозных институтов с государственными структурами. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях», во многом восстановивший государственный контроль над религиозной жизнью, а также некоторые коррективы в нем в рамках статей Закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности», наглядно демонстрируют это.

Кто может донести до простого человека смысл веры? Только образованные, эрудированные, воспитанные в стенах российских мусульманских учебных заведений священнослужители. Еще в Российской империи власти помогали открывать учебные заведения, так как были заинтересованы в том, чтобы мусульманские богословы готовились в пределах Российской империи. При этом царские власти следили за тем, чтобы на российский ислам не оказывалось деструктивного внешнего влияния. Так, при Николае I было принято несколько документов, ограничивающих влияние Турции,

турецких проповедников и лиц, получивших образование за рубежом.

После распада Советского Союза почти все мусульманские структуры были вынуждены отправлять своих студентов учиться за рубеж, и часть этих студентов получили знания об исламе «нетрадиционные», не имели никакого представления об особенностях ислама в России и не всегда придерживались традиций ханафитского мазхаба, укрепившегося в Среднем Поволжье со дня распространения ислама в IX в.

В результате в конце 1990-х - начале 2000-х гг. имели место попытки проникновения на территорию округа представителей радикальных исламистских организаций. В целом, проблема исламского экстремизма, громко заявившая о себе в глобальных и общероссийских масштабах за последние десятилетия носит в округе локальный характер.

Учитывая то, что молодые люди легче поддаются влиянию, нет никакой гарантии, что трудовые мигранты, воспитанные на иных мазхабах (хотя бы их малая часть, а особенно дети трудовых мигрантов), не окажутся удобным инструментом в руках экстремистски настроенных элементов.

Под «традиционным исламом» большинство чиновников понимают тот ислам, представители которого «могут жить в мире с немусульманскими религиями», тот ислам, который «существует в нашей стране уже более одиннадцативеков. Поэтому нет никакой нужды познавать его на чужбине. Для нас сохранение наших традиций, стремление жить с представителями других конфессий в согласии — одна из основных задач», — сказал Талгат Таджуддин. Россия - государство многонациональное и мультиконфессиональное, так что любой разлом по линии религии чреват серьезнейшими внутренними проблемами. И

противоречия внутри мусульманской уммы так же могут привести к непониманию. ДУМ РТ довольно четко обозначило стратегическую линию: поскольку многие негативные явления зарождаются в системе мусульманского образования, то только она и способна вывести мусульман на новый уровень религиозно-правового и политического мышления.

Основная масса инокультурных мигрантов сегодня - это мусульмане - узбеки и таджики, азербайджанцы - стали приезжать в Россию на постоянное и временное жительство работать. Работая, они приносят пользу региону, его бюджету. В целом они заинтересованы в том, чтобы спокойно зарабатывать, обеспечивать себя и свои семьи, им самим невыгодно нарушать порядок. А воспитание комплиментарности через ислам, через традиции ханафитского мазхаба в детях трудовых мигрантов задача и имамов, и мусульманской уммы в том числе. И если сегодня не обращать на это внимания, дети трудовых мигрантов окажутся удобным инструментом в руках криминальных и экстремистски настроенных элементов. Уже сегодня об указанной перспективе следует активно говорить, готовить не только общественное мнение к конструктивному принятию такой ситуации, но и создавать условия для работы религиозных деятелей (через привлечение детей трудовых мигрантов в воскресные школы при мечетях), педагогов, менеджеров образовательных учреждений в новых условиях мультиэтнического состава детских коллективов.

На наш взгляд, в организацию системы подготовки профессиональных кадров служителей культа, следует включить дисциплины обучающих работе с людьми (психология, в том числе этнопсихология, социальная педагогика, социология) и т.д.

Миграционные проблемы, их влияние на перспективы развития России в настоящее время настолько глубоки, что настоятельно требуют формирования надежной системы государственного регулирования миграци-

онных процессов на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации с учетом религиозной составляющей вновь прибывающих трудовых мигрантов.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Об исламском радикализме пишут российские, западные, мусульманские авторы, например: Коровиков, А.В. Исламский экстремизм в арабских / А.В. Коровиков М.: Наука, 1990. 167с.; Кегель, Ж. Джихад; Экспансия и закат исламизма / Ж. Кегель М.: Ладомир, 2004. 468с.; Аль-Мавсуа аль-Мисара фи ад-Дийан аль Махзаб (историческая энциклопедия по религиозным школам) / Без указания авторов-составителей. Эр-Рияд: Всемирный форум исламской молодежи, 1989. С.271-280 (на арабском языке).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. - М., 1998. - С. 25-28, С. 286-292; Ферхнем А., Боннер С. Культурный шок // Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности / Под ред. Г.У. Солдатовой. — М.: Смысл, 2002. - С. 193-200.
2. Филиппова Е. Роль культурных различий в процессе адаптации русских переселенцев в России // Олкотт М.Б., Тишков В., Малащенко А. (ред.) Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: Сб. статей. - М., 1997.
3. Старченков Г.И. Трудовые миграции между Востоком и Западом. Вторая половина XX столетия. - М., 1997. - С. 107-130.
4. Миграция и рынки труда в постсоветской России / Под ред. Г.С. Витковской. Научные доклады. Вып. 25. Моск. Центр Карнеги. - М., 1998.
5. Дзассохова Н. Стихия, которой надо управлять. // Щит и меч. - №43 (1011). - от 17.11.2005. - С. 7.

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор рассматривает проблему социокультурной адаптации детей из семей эмигрантов с точки зрения ее образовательного аспекта. Для российского государства настоятельной необходимостью является интеграция в российский социум трудовых эмигрантов из стран ближнего зарубежья, поэтому большим потенциалом обладает религиозное воспитание и образование мигрантов на основе традиций, присущих российским мусульманам.

ALBINA FAYZULLINA

THE EDUCATIONAL ASPECT OF SOCIOCULTURAL ADAPTATION OF CHILDREN FROM FAMILIES OF GUEST WORKERS

SUMMARY

The paper deals with the problem of sociocultural adaptation of children from families of guest workers in its educational dimension. It is an insistent need for Russian state is to provide integration of guest workers from the near abroad into Russian society and religious education and training based on traditions of Russian Muslims is very instrumental in implementation of this goal.

Ключевые слова: трудовая эмиграция, социокультурная адаптация, воспитание, образование, религиозный экстремизм, традиционный Ислам

Толерантность и межконфессиональное согласие

Keywords: labor emigration, sociocultural adaptation, education, religious extremism, traditional Islam.

Файзуллина Альбина Раисовна (Казань, Россия) – кандидат политических наук, факультет юриспруденции Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета (ТГГПУ). E-mail: d_alya@bk.ru

*Валерий Хазиев
Елена Хазиева*

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА: ЗНАНИЕ И ВЕРА

Рассмотрим предварительно несколько тезисов, содержащих достаточно простые и очевидные истины.

Первый тезис о том, что бытие человека включает в себя как телесные (материальные, природные и т.д.), так и духовные (идеальные, субъективные и т.д.) аспекты. Каждая сторона имеет свои структурные элементы: внешние и внутренние, рациональные и иррациональные, осознаваемые и бессознательные, умственные и чувственные и пр.

Второй тезис, вытекающий из первого, – требование целостного рассмотрения человека, когда речь идет о его бытии, т.е. требование не абсолютизировать какую-то одну сторону его жизни, какой бы важной, архиважной, значительной и главной она ни была.

Третий тезис о том, что, если абстрагироваться от экономических, идеологических, политических и других обстоятельств, то религия и наука рассматривают человека, педалируя один из моментов познания его бытия. И в этом смысле, каждая из них абстрактна, познает и развивает только часть человеческого бытия, “хромает на одну ногу”. Религия акцентирует внимание на вере в свои истины, которые в большинстве своем носят иррациональный характер, наука – на экспериментально проверенной истинности своих знаний, которые выносят за скобки изучения все иррациональное. Понятно, что в первом и втором случае наряду с позитивным содержанием есть и негативные потери.

Долгое противостояние науки и религии, уходящее корнями вглубь веков, не только не принесло полной победы ни одной стороне, но и славу никому не стяжало. У каждой были свои победы и свои потери. Более того: за туманами страстей, где возносилась хвала или научным истинам, или истинам веры, ясно просматривается встречное движение, старательно скрываемое и по сегодняшний день: для укрепления хрупкости своих выводов и повышения кредита доверия каждая сторона обращалась и продолжает обращаться к помощи своего оппонента.

Наука производила энергетическую дозаправку тем, что ВЕРИЛА в истинность экспериментально проверенных знаний. И при этом она раз за разом

ошибалась в своей вере в непогрешимость экспериментально-практического критерия истинности человеческих знаний и окончательной их истинности. Например, на смену вере в истинность законов классической механики пришла вера в истинность законов квантовой механики; вера в истинность знаний классической науки дополнялась поочередно верой в истинность неклассической науки и постнеклассической науки.

Религия же, в своих яростных порывах отстаивая абсолютность истин веры, расточала ласки и осыпала милостями те ЗНАНИЯ, которые вели к Богу. Жар борьбы индуцировал чувства, питающие накал непонимания, что каждая сторона пользуется не просто сопредельными понятиями, а представляет собой контуры двух потоков поиска истинного бытия одного и того же объекта – Человека.

Борьба за то, кому радеть о благе человека, привела к губительной эрозии самой идеи о благе человека, или благостном человеке.

Восходящий из глубин столетий просмотр под углом зрения науки показывает вопиющее прегрешение – сведение истинного бытия человека только к накоплению знаний. Если убрать напластования времени, видна иллюзорность этой, казалось бы, простой и ясной идеи. Каких бы библейских размеров ни достигали знания самого мудрого-премудрого энциклопедиста, он как человек не сводится (не редуцируется) без остатка к сумме своих знаний. Человек всегда больше, чем его ум, его сознание, его знания. В нем еще много такого, чего нельзя положить под пресс эксперимента и практического критерия проверки на истинность. Например, милосердие и чувство красоты.

Ночь, рассеявшаяся в свете исторической истины в XXI веке, можно надеяться, уходит в прошлое. Выяв-

ляется, что и религия, абсолютизируя истины веры, привнесла в эрозию идеи о благе человека свою лепту. Вечное бытие человека, которое цель веры, требует безусловного дополнения идеалами и ценностями конечной (земной) жизни человека, где роль науки доминантная.

Человеку для счастья нужны многие категории бытия и познания, которые наука выносит за скобки, – доброта, любовь, сострадание, красота, милость, дружба, доверие, честь, совесть, достоинство, долг. Это – правда! Но человек не может жить и без тех истин, или истинных знаний, что дает ему наука.

Истина, как часто и бывает, оказалась посередине. Конвергенция визави сегодня стала исторической необходимостью. К проблеме человека необходимо идти под общим парусом. Пусть с разных сторон, пусть каждый копает тоннель со своей стороны, но обязательно навстречу друг другу! Человек как объект и науки, и религии незримо руководит их поисками истин человеческого бытия и познания. Для триумфального возвращения человека домой, к себе, необходимо, прежде всего, отказаться от дряхлого постулата “борьбы”, от взаимного отрицания. Для постижения истин человека, затаенных в глубине его бытия, необходима адекватная философская, мировоззренческая форма. Отбросив суетные воспоминания, нужно понять, что человек может быть целостным лишь в единстве его материального и идеального, объективного и субъективного, интеллектуального и чувственного, сознательного и подсознательного, рационального и иррационального бытия. Для понимания целостного человека нужно начать со смотра наличных мощностей науки и религии. Встречное движение (конвергенция) требует консенсуса, компромисса. Каждая сторона, сохраняя

свои надежные якоря и резервируя за собой основные идеалы и ценности, должна отказаться от целого ряда устаревших стереотипов: прежде всего, от использования силы (насилия) в любых его формах. Достойные сострадания ошибки и заблуждения, часто прикрытые изысканностью пышных слов, должны быть устранены. Не дать увлечь себя незрячим поводырям, каким бы фонарем они ни заманивали к себе – научным или религиозным – такова сегодняшняя задача познания и формирования Человека. Ничто и никто не должны лимитировать границы поиска истин человеческого бытия и познания – таков девиз современной философской антропологии или мировоззренческих основ наук о человеке: и естественных, и социально-гуманитарных!

Если ясна исследовательская программа, необходимо уточнить конкретный проект, чтобы не наталкиваться тут и там на мелкие детали, множество которых может, в конечном счете, если их не оговорить и не преодолеть, погубить исподволь саму идею.

В основе антропологического проекта должна лежать идея, что нет перед человеком роковой альтернативы “знать или верить”. Для полноты (целостности) бытия и познания человека нужны обе стороны. Такова исходная диспозиция.

Первый социальный шаг ангажирования религии на пути светского познания человеческого бытия был сделан в России с введением государственного образовательного стандарта по специальности “теология”. Хитрость семантической конструкции, состоявшей в том, что русское слово “богословие” поменяли на греческое “теология”, не особенно скрывала сути дела: к третьему тысячелетию выяснилось, что набитый до предела научными знаниями человек в большинстве случаев остается в духовном

плане неустранимо нем. Возникла дилемма: или “обнаучить” религию, или научные знания влить в старые религиозные мехи.

О необходимости пересмотра основ научного познания, о необходимости новой научной парадигмы, дополняющей прежний каркас, в научной среде звучат слабо отдельные голоса, которые представляют лишь случайную рябь на поверхности научной жизни. Активность в этом направлении проявляют в основном представители церкви. По понятной причине: от желания возродить религиозную духовность. Они первыми увидели, что редукция человека только к разумным компонентам его бытия превращает его в духовного маргинала. Но на этом пути есть свои “овраги и болота”. Невозможно в третьем столетии возродить человеческую духовность, используя содержание эмпирических и научных знаний Древних и Средних веков, даже знания, полученные наукой в Новое время, выглядят и являются по существу архаичными. Модернизация религий (или веры) так же требование времени, как и требование дополнить стандарты научного подхода к изучению человека, методами и средствами религии. Эксперимент и молитва – нужны человеку в его жизни; по-разному и для различных целей, но нужны обязательно для полноты и целостности его бытия (жизни). Нужна логика и точный научный расчет в экономике и политике, но нужны и просто чувство доверия в людскую порядочность и честь. Нужны точные знания-прогнозы на завтра, но нужны и чувства затаенного ожидания счастья. Перефразируя старую поговорку, можно сказать: одними научно-истинными знаниями, счастлив не будешь, как и одним блаженным ожиданием – счастья тоже не приобретешь.

Во времена Перикла и Сократа гре-

ки требовали от своих вождей не только истинных расчетов на основе точных знаний, но и требовали прислушиваться к знамениям и оракулам пифий.

Логика жизни многогранна. Не только из ложных посылок можно получить истинные результаты. Можно и из верных посылок получить ложные следствия. Возрождение религиозных стереотипов в их средневековой первозданности уже с первых шагов показало, что вместо истинной духовности получается лишь внешний декорум духовности, вместо реалий духовности – лишь бутафория. На этой почве между теологами и религиоведами России возник спор, длящийся уже более десятка лет. При раздельном подходе к человеку со стороны науки и религии объект интереса вовсе исчезает в “черном ящике”. При таком подходе можно лишь задним числом констатировать, что было “на входе” и что получилось “на выходе”. Истинного видения свободного развития ассоциированного (целостного) человека не получается.

Спор о целесообразности преподавания теологии в российских вузах сегодня перерос в спор об отношении науки и религии, в частности в области образования. Стабильный негативный признак этого спора в том, что человека продолжают рассматривать как “ничейную землю”, за которую ведут борьбу с разных позиций. Начерно намеченный выше ответ гласит: необходимо исходить в споре не с позиции науки или религии, а с позиции самого человека. Что ему нужно: научные знания или вера, а, может, и то и другое? Не должны быть при этом элиминированы и другие варианты. Например, нельзя исключать при этом и “нуль вариант”, когда человеку, чтобы счастливо прожить собственную и единственную жизнь по своему выбору, не нужны ни обширные науч-

ные знания, ни глубокая религиозная вера. Ленивая беспечность и простота жизни также нужны наряду со сложными архитектурными науками или религии, чтобы получилась модель полного континуитета возможного бытия человека. В образовании в широком смысле должны присутствовать и линейное накопление научных знаний, и обучение молчанию, очищению сердца слезами, сосредоточенности в самом себе, ощущению и осознанию значимости определенной позы, повторение молитв или афермаций. Как ни импозантна в наших глазах ясность и определенность, жизнь человека заполнена множеством интуиций, тайн, неясностей и неопределенностей. Они есть, будут, должны быть, иначе человеческая жизнь будет неполной, однобокой, серой, несчастной. Выбор человека – определяет его судьбу. И он, елико возможно, не должен быть ограничен ничем и никем: ни наукой, ни религией. Необоснованная уверенность в абсолютности своих истин обрекает человека на ограничение выбора. Ум не должен быть пленен никакими догмами: ни научными, ни религиозными. Только свободный выбор может дать человеку ощущение и осознание своей судьбы и жизни как счастливой, независимо от достигнутых результатов, запланированных ранее как цели жизни. И спор, который идет сегодня между религиоведами, теологами и священнослужителями о характере образования человека, должен, на наш взгляд, исходить из этой позиции – дать возможность каждому человеку свободно выбрать характер и масштабы своего бытия и познания.

Религиовед-ученый ли, теолог ли, священник ли несут свободное и полное духовное развитие – все равно, если приоритетом для каждого из них является свобода и счастье человека, а не узко мировоззренческие и

административные амбиции. Дело не в изучаемых предметах, а в учителях! Кто они – счастливые и добрые люди, желающие принести благо (возможность свободного выбора) другим, или узкопрофессиональные специалисты, желающие вербовать своих сторонников?

Экстраполяции в такие абстрактные дали, как “жизнь”, “смысл и цель жизни”, “смерть”, “ценности бытия и познания”, “счастье” и т.д. увели бы нас далеко от темы в сферу пространственных философских построений. И все же... нет испытания более тяжкого, чем нести крест истины – как осчастливить все человечество. Сократ и Будда, Плотин и Христос, Авиценна и пророк Мухаммад (Мир Ему), Галилей и Лютер, Эйнштейн и пророки XX века – все хотели сделать земную и вечную жизнь человека счастливой. Протестуют против дуального (расколотого) понимания и отношения к человеку:

- и романисты (Камю, Пруст, Марсель, Достоевский),
- и эссеисты (Кроче, Гвардини, Мунье, Ортега-и-Гассет),
- и мемуаристы (Бердяев, Швейцер, Циглер),
- и публицисты (Рассел, Сартр),
- и педагоги (Дьюи, Штейнер, Литт, Шпенглер),
- и психологи (Ясперс, Фромм, Юнг),
- и политологи (Джантелли, Мантэю, Маритэн, Тойнби),
- и ученые (Карнап, Витгенштейн, Т. де Шарден, Эйнштейн, Рассел),
- и священники (Л.Кинг).

Сколько имен и сколько идей! И каких! Для счастья человечества предлагают:

- Альберт Швейцер, возродить этическую основу культуры,
- Рудольф Панныец, ввести в политике норму примата человечности,
- Макс Шелер, воспитать “новую молодежь” на истинно человеческих (на-

учных и религиозных) ценностях,

- Кайзерлинг, дополнить разумное развития духовным,
- Бертран Рассел, дать духовную свободу,
- Ясперс, “разбудить” человека, которого прежняя культура “усыпила”,
- П. Сорокин, возвысить человека от чувствования до ценностной идеи,
- Ортега-и-Гассет, стереть всякие границы, разделяющие людей: этнические, политические, конфессиональные и другие, чтобы было единство людей всей планеты,
- Маритэн, усилить моральные христианские идеи,
- Н. Бердяев, формировать религиозную душу,
- З.Фрейд, вскрыть бессознательные тайники души.

И вот в России начинается своя волна поиска пути к счастливому целостному человеку. Кто-то принимает что-то на веру, кто-то пытается что-то экспериментально проверить на практике.

Одно несомненно: нужно начать с молодого поколения, т.е. с образования. И вот появилось государственный стандарт по “теологии” в трех вариантах: специалитет, бакалавр, магистр. Почему курсы религиоведения, введенные раньше, оказались неудовлетворительными?

В чем различие между религиоведами и теологами, если объем знаний по религиоведению примерно такой же, как и по теологии?

Ответ очевиден: религиоведы преподают предмет, находясь на равном удалении от любой конфессии. Они с позиций секулярного знания и сугубо научными методами описывают суть каждой конфессии. Такое внешнее безразличие к религиозным традициям скрыто содержит позицию научно-критического отношения к ним. Теолог “несет” предмет изнутри, от себя, пытаясь лишь выразить веру на

языке логики, занимаясь по существу формулированием вероучения, т.е. миссионерством. Если в государственном стандарте “теология” общеконфессиональная часть близка к позиции религиоведения, то конфессиональная, где предполагается преподавание конкретного богословия – православного, мусульманского, иудейского, буддистского и т.д. – означает прямую подготовку священнослужителей с государственными дипломами об образовании.

Технический, индустриальный, научный передний край развития человечества ускоряющимися темпами уходит вперед. Духовное развитие, где находится депо качеств человека, вынесенных наукой за скобки как эк-

спериментально непроверяемых: любовь, уважение, смирение, верность, раскаяние, покорность, долг, милосердие, сострадание, честь, терпение, чувство красоты или омерзения к подлости и множество других – явно отстает от этого прогресса. Это отставание грозит привести человечество к трагическим планетарным последствиям. Сила и мощь природы в руках духовно неразвитых людей может обернуться глобальной катастрофой. Проблема ясна. Весь вопрос в том, как ее решить. Один из возможных вариантов сейчас пытается реализовать Россия. Возможно, это шаткая идея, но без нее было бы совсем плохо...

АННОТАЦИЯ

Автор данной статьи дает философский анализ проблемы соотношения научного знания и религиозной веры в бытии человека. Он призывает к признанию целостности человеческого бытия как ведущей ценности, в рамках которой возможен широкий континуум возможных путей развития человека. В свете этих идей в статье оценивается подготовка специалистов с дипломами теологов, которая представляется одним из способов избежать опасностей только религиозного или только научного взгляда на человека.

VALERY KHAZIEV, YELENA KHAZIEVA

TOLERANCE IN HUMAN'S BEING: KNOWLEDGE AND FAITH

SUMMARY

The paper deals with philosophical sophistication of the problem of correlation between scientific knowledge and religious faith in human being. It is suggested to recognize totality of human being as a major value providing a wide range of possible ways of human's development. In this vein the author evaluates instruction of specialists with theology diplomas which is to become one of the ways to avoid threats of one-dimensional adherence only to science or religion.

Ключевые слова: толерантность, вера, знание, наука, религия, теология, религиоведение, бытие.

Keywords: tolerance, faith, knowledge, science, religion, theology, religious studies, human existence.

Хазиев Валерий Семенович (Уфа, Россия) - доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета. E-mail: khasievbspu@mail.ru.

Хазиева Елена Валерьевна (Уфа, Россия) - кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии, социологии и политологии Башкирского государственного педагогического университета. E-mail: e_khazieva@ufacom.ru

Марат Салахов

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. МИССИОНЕРСКИЙ АСПЕКТ

Середина XIX - начало XX в. было периодом зарождения и развития отечественного востоковедения, а исламоведение превратилось в одну из его ведущих отраслей. Особая роль в изучении ислама принадлежит Казанской духовной академии. Наиболее заметными знатоками ислама были Г.С.Саблуков, Н.И. Ильминский, Е.А. Малов, Н.П. Остроумов, П.К. Жузе, М.Г. Иванов, А.А. Архангельский, М.А. Миропиев, Я.Д.Коблов и др. Как отмечал М.А. Батунский, студенты и преподаватели противомусульманского отделения Казанской духовной академии являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламоведами¹.

Одной из самых главных причин открытия Казанской духовной академии для правительства и высшей церковной власти стало «желание научно осветить сложный инородческий вопрос в России и выработать рациональные меры к сближению многомиллионного инородческого мира с коренным населением империи на почве религии и культуры».²

Рассматривая миссионерский аспект востоковедения и, в частности, исламоведения в Казанской духовной академии во второй половине XIX – начале XX века, необходимо обратиться к периодизации истории миссионерских отделений, позволяющей понять основные изменения, которые испытывали эти отделения на протяжении исследуемого отрезка времени. Можно выделить пять этапов³:

1) Причины образования и создание миссионерских отделений (1842-1858 гг.).

2) Положение миссионерских отделений в 1858-1868 гг.

3) Устав духовных академий 1869 г. Последствия его принятия для миссионерских отделений.

4) Устав духовных академий 1884 г. и изменения в миссионерском образовании с ним связанные.

5) Устав духовных академий 1910 г. и миссионерские кафедры.

Представленная периодизация отражает серьезные изменения, происходящие в сфере изучения ислама, и статусом самих миссионерских отделений в

Казанской духовной академии. Каждый из выделенных этапов характеризуется реформами в миссионерском образовании.

Причины образования и создание миссионерских отделений (1842-1858 гг.).

Работа по созданию миссионерских отделений в Казанской духовной академии началась сразу после открытия академии⁴. Определив наиболее распространённые языки у нерусских народов, проживающих на территории Среднего Поволжья и восточных окраинах Российского государства, руководство учебного заведения открыло в 1845 г. две кафедры: 1) турецкий, татарский и арабский языки и 2) монгольский и калмыцкий языки⁵. Ректор Григорий Митькевич (1844-1851 гг.) усердно заботился о введении в академии серьёзного изучения восточных языков. Именно по его инициативе были открыты два класса по изучению языков – монголо-калмыцкое с 8 января 1845 г. и татарско-арабское 22 января 1845 г. Первыми учителями-лингвистами стали выдающиеся ученые из Казанского университета А.К. Казем-Бек (вел занятия по турецко-татарскому и арабскому языкам) и А.А. Попов (преподавал монголо-калмыцкий язык). Оба профессора занимались главным образом изучением языков, и сведения по истории, этнографии и религии арабов, монголов и калмыков сообщали поверхностно. Тем не менее они успели за полтора года своего преподавания в стенах академии подготовить несколько отличных наставников нерусских языков для семинарий и двоих для Казанской духовной академии – А.А. Бобровникова и Н.И. Ильминского. Последние составили целую эпоху в истории миссионерского образования не только в самой академии,

но и во всем академическом округе⁶. Поэтому здесь необходимо указать, что даже «непродолжительное преподавание университетских профессоров оказалось очень важным для дальнейшей судьбы востоковедения в Казанской духовной академии. Оно определило основные направления в его развитии – изучение языков тюркских и монгольских народов России, истории ислама и буддизма, и создало преобладание научных исследований Казанского университета и Казанской духовной академии. Открытие в академии сначала татарско-арабского и монгольско-калмыцкого разрядов, а затем специальных миссионерских отделений было бы невозможно без преподавателей, прошедших подготовку у университетских профессоров. Способствуя подготовке первых преподавателей восточных языков Казанской духовной академии, А.К. Казем-Бек и А.А. Попов заложили основу для изучения здесь восточных языков»⁷.

Первым вопросом о более определенной постановке миссионерских кафедр поднял Н.И. Ильминский в 1848 г. В своей записке правлению академии он указал пути приобщения студентов к изучению восточных языков, призывал определить цели кафедр, разработать учебные программы и т.д. В начале 1854-1855 учебного года произошло открытие единственных в России миссионерских отделений: «Иноверцы и язычники, находящиеся в епархиях Казанского духовно-учебного округа, трех родов: а) татары, б) народы монгольского племени, в) чуваша, черемисы и вотяки. Все сии племена говорят разными языками и имеют каждый свои собственные заблуждения в отношении веры. Посему: 1) Необходимо открыть при Казанской духовной академии три параллельные миссионерские отделения для образования наставников

Семинарий и миссионеров, имеющих действовать на а) татар, на б) монгольское племя и на в) чуваш, черемис и вотяков. 2) В сии отделения должны быть помещаемы те студенты высшего и низшего отделения, которые изъявляют желание быть по окончании Академического курса или миссионерами, или наставниками в Семинариях Казанского Духовного Учебного округа по языкам означенных племен и по миссионерским предметам; преимущественно же должно помещать в сии отделения воспитанников тех епархий, в которых есть означенные племена»⁸. Таким образом, в академии были открыты четыре отделения: 1) противораскольническое, 2) противомусульманское, 3) противобуддистское и 4) черемисско-чувашское. С этого времени можно говорить о специфической миссионерской направленности образования в Казанской духовной академии по сравнению с другими аналогичными академиями. Открытие специальных миссионерских отделений требовало привлечения профессиональных преподавателей-востоковедов. В своей статье мы не будем останавливаться на деятельности противораскольнического отделения, зато подробно осветим историю других трех миссионерских отделений, связанных с изучением нерусских народов Поволжья, Приуралья, Сибири и др.

На черемисско-чувашском отделении студентам должны были преподаваться вероучение, этнография и языки этих племен и соответствующая часть миссионерской педагогики. Здесь надо отметить, что студенты всех миссионерских отделений освобождались от изучения истории, философии, математики и естественных наук. Преподавание было возложено на протоиерея Вишневого. В 1854 г. на это отделение записалось 12 человек. Через два года черемисско-чу-

вашское отделение было закрыто, так как число прошедших курс обучения в нем показался руководству академии достаточным для удовлетворения потребностей края⁹.

Противобуддистское отделение академии не проявляло широкой практической деятельности, как противомусульманское, вследствие уже самой отдаленности заведения от регионов с буддийским населением, и в основном носило только учебный характер. В 1854 г. на него записалось всего 7 студентов. И в последующие годы количество воспитанников в отделении не менялось. Единственным преподавателем здесь был А.А. Бобровников. Он читал лекции по монгольскому и калмыцкому языкам, вел буддийское учение с полемикой, миссионерскую педагогику и даже народную медицину. Преподаватель академии К.В. Харлампович высоко оценил деятельность А.А. Бобровникова и Н.И. Ильминского: «Последние составили целую эпоху в истории миссионерского образования не только в самой академии, но и во всем академическом округе»¹⁰.

Противомусульманское отделение должно было стать центром подготовки специалистов для ведения миссионерской деятельности среди мусульман, новообращенных христиан и язычников, проживающих в основном на территории Поволжья и Приуралья. Преподавателями на него были назначены Н.И. Ильминский, Г.С. Саблуков (с 1856 г.) и практикант татарского языка Ямбулатов. На отделении студентам преподавались в течение четырех лет следующие науки: «история Мухаммеда», «мухаммеданская вера» по ее источникам с раскрытием общего характера татар, их образа мышления, обычаев и привычек; педагогика, татарский и арабский языки в такой степени, чтобы студенты могли свободно объясняться с татарами в повседневной обстановке не только о

простых предметах, но и о христианском религиозном учении, заповедях, понятиях и т.д.¹¹. Занятия по разговорному татарскому языку летом проводились в татарской слободе, где студенты размещались на казенный счет. Таким образом, воспитанникам миссионерского противомусульманского отделения давались хорошие знания по религиозным учениям и истории ислама, христианства, по нерусским языкам, позволяющим эффективно их использовать в будущей миссионерской деятельности. Выпускники отделения могли свободно объясняться с татарами и по возможности оказывать на них религиозное влияние и информационное воздействие.

По своему назначению и определению противомусульманское отделение стало научным центром изучения истории и этнографии нерусских народов России, истории и учения ислама. Именно здесь сконцентрировались выдающиеся преподаватели и знатоки мусульманской религии. Как отмечал М.А.Батунский, студенты и преподаватели противомусульманского отделения Казанской духовной академии «...являлись первыми в России профессиональными миссионерами-исламооведами»¹². Высоко оценивает деятельность этого отделения и И.Алексеев, называя ее еще и новацией, культурно-политическим проектом: «Создание противомусульманского миссионерского отделения, готовившего высококвалифицированных специалистов, обладавших комплексным знанием социокультурных реалий, языков и религиозных верований мусульманских народов, империи было определенной новацией в религиозно-просветительской практике православной церкви и далеко не всегда вызывало сочувствие самих церковников. Можно сказать, что это был в большей степени культурно-политический, нежели цер-

ковный проект, инициированный светскими лицами, такими как Н.И. Ильминский. Он был ориентирован на практическую реализацию положения о господствующем характере православия методами целенаправленной культурной политики»¹³.

На начальном этапе своего существования противомусульманское отделение осуществляло сбор материала о предмете своего научного исследования, приобретало мусульманскую литературу и источники и нарабатывало методы работы с ними¹⁴. Деятельность противомусульманского отделения, по мнению Е.В. Колесовой, способствовала формированию в последней трети XIX в. профессионального миссионерского исламоведения¹⁵. Свидетельством его растущей репутации явилось приглашение казанских специалистов принять участие в подготовке III международного конгресса востоковедов, который проходил в Санкт-Петербурге в 1876 г.¹⁶

Примечательным моментом является то, что Казанская духовная академия организовывала зарубежные научные командировки преподавателей миссионерских отделений. Например, с целью изучения арабского языка, истории и учения ислама и Востока, а также в связи с возросшей необходимостью рассмотрения постановки миссионерской работы католического духовенства Совет Казанской духовной академии направил Н.И. Ильминского на два с половиной года в мусульманские страны (Египет, Аравия, Сирия и др.)¹⁷. Данная командировка была первым в России случаем «отправки за границу» преподавателя духовного учебного заведения¹⁸. Н.И. Ильминскому предписывалось: «За время путешествия основательно изучить арабский язык, историю Магомета, магометанской веры и ее сект... изучить магометанскую веру по ее источникам, вникнув при этом в ее

слабые стороны и указав удобнейшие способы выйти из нее в христианство... готовить материалы для составления удовлетворительной антикораники... заняться основательным изучением турецкого языка... досужие часы употребить на изучение персидского языка... также еврейского... составить особый сборник наиболее полезных наблюдений и открытий по части литературы и древностей... посещать в Сирии и в Египте древние храмы, обратить внимание на древние в них манускрипты и утвари...»¹⁹.

После возвращения из этой научной командировки в 1854 г. Н.И. Ильминский был назначен преподавателем в противомусульманское отделение академии. Он вел занятия по истории Мухаммеда, «мухаммеданской вере», педагогике, татарскому и арабскому языкам. На первых порах он ставил «изучение языков выше изучения мусульманства и особенно богословской против него полемики»²⁰.

На ранних этапах своей деятельности Н.И. Ильминский не придавал большого значения противомусульманской полемике и считал более приоритетным просветительскую деятельность в татарской среде, а именно популяризацию христианства. С 1856 г., освободившись от преподавания языков, он мог сосредоточиться на изложении мусульманского учения с более высокой интенсивностью. Этот курс он начал с рассмотрения подробного жизнеописания Мухаммада по арабским источникам и истории первоначального рассмотрения ислама. Затем у него следовал курс мусульманского законоведения – «Мухтасараль викайа» (в переводе с арабского «Избрание защиты»), с изложением подробных правил мусульманской религии. И, наконец, им была изложена мусульманская догматика по арабскому сочинению А.Несефи, в толковании шейха Тафтазани²¹.

Можно утверждать, что именно Ильминский был пионером в области изучения арабского языка и ислама в Казанской духовной академии. Его исследования стали толчком в деле развития крупного исламоведческого центра в Казанской духовной академии.

Другим преподавателем миссионерского противомусульманского отделения, известнейшим представителем казанского исламоведения второй половины XIX в. был Г.С. Саблуков. Его перевели в Казанскую духовную академию из Саратовской духовной семинарии в 1849 г. Выпускник Московской духовной академии, он владел тремя восточными языками (еврейским, арабским и татарским). По мнению И.Ю. Крачковского, знакомство и общение с академиками Х.Д. Френом и П.С. Савельевым заменило Г.С. Саблукову «недостававшую ему специальную научную школу»²².

Период 1856-1858 гг. является самым эффективным в деятельности противомусульманского отделения благодаря совместным усилиям Ильминского и Саблукова. Первый преподавал мусульманское вероучение с полемикой против него, второй – татарский и арабский языки²³. «Г.С. Саблуков в эти два года, – отмечал П.В. Знаменский, – занимался исключительно преподаванием языков. Он и сам в это время усидчиво занимался татарским и арабским языками, стараясь довести свои знания до совершенства и доводя свою работу до некоторой даже скрупулезности. Он сам рассказывал, как, например, желая овладеть произношением известного арабского звука, он по целым неделям настойчиво настаивал на этот звук и горло, и язык, или, стараясь усвоить в совершенстве манеру писать на столе, садился повосточному и чертил арабские буквы, держа руку с бумагой на коленке. Такою же внимательностью отличалось

и его преподавание... При переводах с татарского и арабского языков он общал такую массу филологических замечаний и вдавался в такие ученые подробности, что изумлял всех своих слушателей и оказывался даже слишком уже для них учен...»²⁴.

Положение в миссионерских отделениях в 1858-1868 гг.

Изменения и преобразования в учебной сфере 1858 г. связаны с деятельностью ректора Казанской духовной академии епископа Иоанна Соколова (1858-1864 гг.). Его мероприятия в этой сфере были направлены, прежде всего, против миссионерских отделений. Он не понимал значения изучения миссионерских предметов. «Какие-то курятники понастроили»²⁵, – выражался он о них презрительно и находил, что их кафедры занимаются не стоящими никакого внимания глупостями какой-то там татарвы да бурят и только мешают развитию в академии преподавания более солидных наук»²⁶. Иоанн самолично произвел радикальную перетасовку всех предметов преподавания, уничтожив миссионерские отделения с отменой одних предметов и передачей в основные отделения других (которые, таким образом, стали общеобязательными), соединив словесность с церковным красноречием, расширив курсы философии и восстановив математику. Он считал излишним изучение ислама и предлагал, уничтожив его особую кафедру, присоединить его к кафедре арабского и татарского языков, «обязав наставника, чтобы он, не вдаваясь в специальное изучение ислама, прямо и положительно руководил воспитанников к самому обличению магометанства в его главных основаниях»²⁷. Было сокращено число кафедр на миссионерских отделениях, на каждом отделении было остав-

лено по одному наставнику и уволен практикант разговорного татарского языка. Соответственно этому была произведена перетасовка наставников, в результате чего академию оставили лучшие профессора и важнейшие кафедры опустели»²⁸.

3 ноября 1858 г. Н.И. Ильминский покидает Казань и отправляется на службу в Оренбургскую пограничную комиссию. Одной из главных причин его ухода из академии стало, по мнению И.Ю. Крачковского, расхождение во взглядах с академическим начальством. Ректор академии Иоанн, несмотря на всю свою образованность и незаурядность, весьма пренебрежительно относился к миссионерским дисциплинам. Ильминский был «обличен в увлечении исламом и даже в его пропаганде»²⁹. Предметы татарского отделения ректор Иоанн сделал общеобязательными для младшего курса и их преподавание отдал Саблукову, а Ильминского перевел на математику.

После ухода Ильминского из противомусульманского отделения начальство требовало от Саблукова обращения внимания на вопросы полемики с мусульманством, отодвигая языки на задний план. Достаточно сказать, что некоторое время ему приходилось уделять на арабский и татарский языки только по одному часу раз в две недели. Хотя современники Саблукова высоко оценивали его педагогическую работу, при таких условиях она была малоэффективной и непродолжительной. В 1862 г., из-за нерасположения ректора Казанской духовной академии Иоанна, Саблуков уходит из противомусульманского отделения академии. Один из лучших его учеников за это время Е.А. Малов считал Саблукова даже основателем противомусульманской полемики в академии, т.к. Ильминский систематически ею не занимался. Саблуков составил и

программу этой науки, стараясь совместить в ней и изучение ислама по источникам, и вместе с тем опровержение его по сравнению с христианством³⁰.

Место преподавателя турецкого, татарского и арабского языков вновь занимает Ильминский. Он ведет работу по восстановлению на свои средства кафедры противомусульманской полемики. Один из его бывших студентов, Н.П. Остроумов, писал: «Н.И. Ильминский преподавал нам татарский язык. Преподавание его было в высшей степени просто, вразумительно и в то же время научно и занимательно». Выделял он и лекции Ильминского по арабскому языку: «К сожалению, неопределенность будущего положения нашего по выходе из академии охлаждала нередко наше усердие к занятиям арабским языком. Но почтительное уважение к Николаю Ивановичу тотчас же вызывало угрызения совести; мы чувствовали, что совестно, неприлично не явиться к нему на лекцию, и употребляли все усилия над собой, – шли в аудиторию. Иногда бывало на лекции его всего два человека, а он, как бы не замечая этого, усердно переводил с нами арабский текст и объяснял нам переводимое»³¹.

Кафедру противомусульманской полемики возглавил Евфимий Александрович Малов, «с первых же шагов определившийся не только как ученая сила на кафедре, но и как энергичный деятель на миссионерском поприще»³². Е.А. Малов после окончания миссионерского противомусульманского отделения академии в 1862 г. по небрежности начальства был определен на богословские науки в Казанскую семинарию. И только благодаря Ильминскому он в 1864 г. снова оказывается в академии и преподает свой любимый предмет. Малов, кроме преподавательской деятельности в Казанской духовной академии, ак-

тивно занимался практическим миссионерством и был известен своими многочисленными сочинениями. Он детально знал христианскую, иудейскую, мусульманскую религии, их догматы и источники³³. «Е. Малов... – писал А.Н. Григорьев, – являясь противником системы Ильминского, выдвигал на первый план метод полемики с муллами и мусульманским населением»³⁴. П.В. Знаменский добавляет, что его «натура, как будто нарочито созданная для практического миссионерства; притом он историк миссии и искусный наблюдатель нравов, умственных и религиозных понятий татар»³⁵. Е.А. Малов был активным инициатором создания в Казани православной миссии, прообраза Братства Святителя Гурия³⁶. Его практическая деятельность отразилась и в направленности его литературно-научных сочинений, являющихся преимущественно полемическими. Среди них: «Очерк религиозного состояния крещеных татар, подвергавшихся влиянию мухаммеданства» (1871), «Сличение мухаммеданского учения об именах Божиих с христианским о них учением» (1874), «Моисеево законодательство по учению Библии и по учению Корана (Опыт объяснения одного из очевиднейших противоречий в Коране)» (1889), «О крещеных татарах (из миссионерского дневника)» (1891), «Мухаммеданский букварь (миссионерско-критический очерк)» (1894), «О таинственной книге Гиллион (против мухаммедан и евреев)» (1893), «Что означают слова Корана: Авраам был народом?» (1914) и др. Большим интересом в миссионерской среде пользовались опубликованные протоиереем Е.А. Маловым в 1885 г. беседы с ученым муллой об Адаме по учению Библии и по учению Корана. Однако Е.А. Малов был не только миссионером, но и историком-краеведом, издавшим множество серьезных

трудов, посвященных историческому описанию местных церквей и монастырей.

Состав татарского отделения одновременно пополнился практикантом, крещеным татаринном В.Т. Тимофеевым. Он родился в 1836 г. в дер. Никифорово Мамадышского уезда. В 1847 г. Василий Тимофеев поступает в приходскую школу своего села, где и приобретает первые знания о христианской вере. Знакомство с русской грамматикой и православными книгами привело к тому, что на своих родителей и односельчан, ничего не знавших о христианстве и державшихся какой-то смеси древнетатарского язычества с мусульманством, он смотрел как на язычников. Поэтому в 1856 г. он покидает свою деревню и приезжает в Казань. Здесь он устраивается в монастырь послушником и продолжает свое религиозное образование. Стать священником ему помешала палата государственных имуществ, которая потребовала от него рекрутскую квитанцию. А на нее у Василия Тимофеева не было денег. Ему пришлось вернуться в свою деревню и заняться крестьянским хозяйством. Стать преподавателем и вернуться к любимым религиозным занятиям В.Т. Тимофееву помог счастливый случай. Н.И. Ильминскому его порекомендовал Г.С. Саблуков, охарактеризовав как толкового знатока татарского языка. Ильминский едет в монастырь, где и знакомится с Тимофеевым. Именно Ильминский приводит его в Казанскую духовную академию.

Некоторые изменения в отношении миссионерских отделений произошли после ухода с должности ректора Иоанна в 1864 г., в период правления ректора Иннокентия Новгородова (1864-1868 гг.). Он начал дело по восстановлению миссионерских отделений в прежнем виде. В 1865 г. по инициативе преподавателей проти-

вомусульманского отделения Св. Синод вновь преобразовал миссионерские отделения. Он восстановил их в том виде, в каком они существовали до 1858 г., уничтожив, таким образом, обязательность миссионерских предметов той или другой группы для всех студентов³⁷.

В 1867 г. архиепископ Иннокентий, встревоженный тем, что воспитанники этих отделений совершенно не востребованы в обществе (так, из 36 с успехом закончивших татарское отделение только 8 получили места по специальности – 2 в академии и 6 в семинариях), обратился со своими соображениями о лучшей постановке миссионерских предметов и о судьбе студентов, изучивших их, в Св. Синод. Хотя представители миссионерских отделений на запрос обер-прокурора Св. Синода дали определенный ответ о применении будущими выпускниками своих знаний на практике, высшие власти не стали подробно интересоваться положением отделений при составлении нового устава духовных академий.

Устав духовных академий 1869 г. Последствия принятия для миссионерских отделений.

Преобразование Казанской духовной академии по утвержденному Св. Синодом 30 мая 1869 г. уставу и штату духовных академий совершилось 15 августа 1870 г. С этой даты начинается новый период в преподавательской и научной деятельности всей Казанской духовной академии и особенно у существовавших прежде миссионерских отделений. В академии были введены три новых отделения: богословское, церковно-историческое и церковно-практическое.

Новый устав не только не учел, но и практически исключил миссионерские отделения из структуры учебных заведений такого типа³⁸. Только

благодаря настоянию Казанского архиепископа Антония и Казанской духовной академии Св. Синод указом от 24 июня 1870 г. за № 1408 разрешил преподавание в Казанской духовной академии некоторых миссионерских предметов против «мухаммеданства» и против буддизма, хотя на условиях довольно невыгодных: «1) Оставив неприкосновенным указанное академическим уставом распределение преподавательских кафедр, допустить в Казанской академии, при преобразовании оной, преподавание миссионерских предметов – противомусульманского и противобуддийского с относящимися к оным языками; 2) возложить это дело на двух наставников с предоставлением им равных прав с преподавателями других предметов относительно жалованья и служебных преимуществ, но без причисления их к какому-либо академическому отделению; 3) назначить для миссионерских предметов особые часы сверх назначенных уставом для других наук; 4) слушание миссионерских лекций не делать обязательным для студентов академии...»³⁹. Такая постановка миссионерских предметов не могла гарантировать определенного числа слушателей и привлечь к ним профессиональных работников. Вслед за Н.И. Ильминским бывшее противомусульманское отделение оставил и Е.А. Малов. Он перешел на кафедру еврейского языка и библейской археологии академии. Оставил было академию и практикант татарского языка В.Т. Тимофеев, лишенный штатного оклада, но скоро возвратился, получив вознаграждение из другого источника. Казалось, дело шло к закрытию миссионерских отделений, к прекращению изучения миссионерских предметов. Но благодаря некоторым лицам, в числе которых были Н.П. Остроумов и М.А. Машанов, бывшие миссионерские от-

деления получили заметную поддержку и не были закрыты.

Представителем миссионерского противомусульманского отделения академии после ухода Е.А. Малова стал Н.П. Остроумов (1870-1877 гг.), а после его отъезда в Туркестанский край – М.А. Машанов (1878-1911 гг., в 1911 г. уволен, но оставлен в академии как сверхштатный профессор до 1921 г.)⁴⁰.

Николай Петрович Остроумов родился в 1846 г. в Тамбовской губернии в семье протоиерея. После окончания Казанской духовной академии в 1870 г. преподавал здесь татарский и арабский языки и предметы против ислама. Большую часть своей жизни он провел в Туркестанском крае, в г. Ташкенте, куда уехал в 1877 г.

Михаил Александрович Машанов родился 11 мая 1852 г. в Петропавловске в семье протоиерея Александра Иоанновича Машанова. В 1872 г., после сдачи вступительных экзаменов, Михаил Машанов был зачислен на церковно-практическое отделение академии. Будучи студентом академии в 1872-1876 гг., Машанов на себе ощутил все изменения, вызванные принятием нового устава духовных академий 1869 г. И впоследствии, став преподавателем противомусульманских предметов, принимал все меры, чтобы впредь не допустить такого отношения к миссионерскому образованию в академии. Машанов прилежно посещал, совместно с другим студентом, Порфирием Меньшиковым, впоследствии ставшим священником, «миссионерские предметы против магометанства»: «обличение мухаммеданства», «историю Мухаммеда», арабский и татарский языки. Надо отметить, что они не являлись обязательными, поскольку, как было отмечено выше, устав 1869 г. исключил миссионерские отделения из структуры учебных заведений такого типа.

Это, несомненно, отразилось и на количестве студентов. Учащиеся больше не желали терять время и силы на приобретение знаний по «немодным» и чрезвычайно сложным «миссионерским предметам против магометанства». Поэтому занятия посещали лишь по-настоящему заинтересованные данными вопросами воспитанники. На каждый учебный курс их набиралось всего по 1-3 студента. Среди них был и Машанов. Он уже тогда задумывался о миссионерской деятельности среди нерусских народов. В частности, на его интерес к этим предметам указывает преподаватель противомусульманских предметов Казанской духовной академии Н.П. Остроумов: «...Михаила Машанова, который обратил на себя мое особенное внимание с самого начала своих занятий по преподаваемым мною в академии предметам. Своим постоянным усердием к делу и быстрыми успехами в усвоении моих уроков по языкам он представлял собою в числе других моих слушателей заметно выдающуюся личность... Г. Машанов во время своего пребывания в академии до такой степени усердствовал к изучению мухаммеданства, что... неопустительно посещал все мои классы и пользовался, кроме того, еще особыми от меня уроками, не делая при этом немало упущений в своих занятиях по избранной им группе специально философских предметов, о чем я осмеливаюсь утверждать на основании успешного его окончательного испытания по специальным предметам»⁴¹.

Практические занятия по разговорному татарскому языку вел у студентов священник, законоучитель Казанской Центральной крещено-татарской школы, ученик Н.И. Ильминского, переводчик Св. Писания и вероучительных книг на кряшенский язык, став крещеный татарин В.Т. Тимофеев.

После отъезда Остроумова в Тур-

кестанский край в 1876 г. его место занимает Машанов. Заслужено Машанова, несомненно, было использование на занятиях подлинных мусульманских источников (Коран, Хадисы, труды арабских богословов и т.д.). Лекционному делу в студенческой аудитории он всегда придавал большое значение и к каждой лекции готовился серьезно и ответственно. На первых занятиях «по миссионерским предметам против магометанства» он разъяснял студентам сущность нравственного учения ислама. По арабскому языку – перевод I и II главы Корана. По татарскому языку – перевод книг под заглавием: «Шархникая» (в переводе с арабского «Комментарий избранного» (фикх) и «Мухтасараль викайаэ» («Избрание защиты» (фикх)). Параллельно сообщал студентам правила грамматики того и другого языка, а также делал подробные объяснения встречающихся терминов мусульманского богословия и юриспруденции»⁴².

Устав духовных академий 1869 г. преобразовал и противобуддистское отделение. Оно, как и противомусульманское, было сокращено, а существовавшие при нем предметы оставались необязательными для изучения. Василий Васильевич Миротворцев в 1869 г. получил степень магистра богословия и стал преподавать монголо-калмыцкий язык в академии. С июля 1870 г., т.е. до введения нового устава, он становится экстраординарным профессором по кафедре миссионерских предметов против буддизма⁴³. В первые годы после введения устава 1869 г. число слушателей его было не более двух-трех. В 1871 г. никто из вновь принятых студентов не пожелал изучать эти предметы. В 1872 г. единственный представитель бывшего противобуддистского отделения Миротворцев перешел на кафедру русской гражданской истории. Ввиду того, что ему не нашлось заместите-

ля, архиепископ Антоний предлагал Совету академии совсем закрыть эту миссионерскую кафедру. Хотя Совет академии отверг это предложение, преподавание миссионерских предметов против буддизма уже не восстанавливалось до конца действия устава 1869 г., т.е. до 1884 г., когда был принят новый устав духовных академий.

Таким образом, открытые в 1854 г. единственные в дореволюционной России миссионерские отделения являлись своеобразными центрами изучения этнографии, истории, религиозных верований и языков нерусских народов Поволжья, Приуралья и Сибири. Рассматривая основные этапы существования отделений до 1884 г., мы приходим к выводу, что миссионерские отделения переживали в эти годы периоды как расцвета, так и застоя. Политика в этой сфере формировалась и предопределялась

под влиянием и высшей духовной власти, и государства. Несмотря на негативное отношение некоторых руководителей академии, преподавание учебных предметов миссионерских отделений сохранялось до самого закрытия академии.

Преподаватели миссионерских отделений стали инициаторами профессионального изучения христианства, ислама, буддизма и других религий, приверженцами которых являлись народы России. Исследования, проведенные преподавателями и выпускниками миссионерских отделений, стали известны по всей России, нередко получали высокую оценку среди современников и являлись неопределимым вкладом в отечественную науку. А сами отделения оказывались в центре внимания со стороны ведущих востоковедческих учреждений России.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Валеев Р. М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордый Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. – Казань, 1993. – С. 6.
2. Mark Batunsky. Russian missionary literature an islam // Zeitchrift für Religions und Geistesgeschichte. 1987/ - № 38. - S. 261.
3. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // Церковно-общественная жизнь. – 1906. – № 18 – С. 634.
4. М.З. Хабибуллин. Миссионерские отделения. Казанской духовной академии в 1842-1883 гг. // Православный собеседник №2 (15) – 2007. – С. .
5. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. II. – С. 5.
6. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 463. Л. 1; Д. 827. Л. 40.
7. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 740; Открытие Казанской духовной академии. – Б/м. – Б/г. – С. 59.
8. Колесова Е.В. Востоковедение в синодальных учебных заведениях Казани. Середина XIX – начало XX веков.: Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2000. – С. 47–48.
9. НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 827. Л. 39; Д. 1324. Лл. 96-97об.
10. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 744.
11. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк. // Православная богословская энциклопедия. – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 744.
12. Гвоздев И.А. 25-летие Казанской духовной академии. – Казань, 1868. – С. 49.
13. Batunsky, Mark. Russian Missionary Literature on Islam // Zeitschrift fuer Religions und Geistesgeschichte. 1987. – № 38. – S. 261.
14. Алексеев А. К проблеме культурного диалога: ислам и Казанское миссионерское исламоведение // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования: Материалы Всероссийской конференции «Ислам в советском и постсоветском пространстве: формы выживания и бытования», Казань, май 2003 г. / Под ред. Р.М.Мухаметшина. – Казань, 2004. – С. 68.
15. Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй полови-

- ны XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. – Казань, 1993. – С. 7; НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 898. Лл. 11 – 11об.
16. Колесова Е.В. Указ. соч. – С. 64.
17. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1876 г. – Казань, 1876. – С. 127-131.
18. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии // *Материалы по истории Татарии. Вып. 1.* – Казань, 1948. – С. 261; Спасский Н.А. Просветитель инородцев Казанского края Николай Иванович Ильминский. – Самара, 1900. – С. 32-33; НА РТ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 994. Л. 1.
19. Смоленский С.В. В защиту просвещения восточно-русских инородцев по системе Николая Ивановича Ильминского. – СПб., 1905. – С. 5.
20. Знаменский П.В. На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия. – Казань, 1892. – С. 82-83.
21. Крачковский И.Ю. Очерки по истории русской арабистики // *Избр. соч.* – Т. V. – М. – А., 1958. – С. 125-126.
22. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии... – С. 405-407.
23. Крачковский И.Ю. Чернышевский и ориенталист Г.С. Саблуков // *Избр. соч.: В 6-ти т.* – М. – А., 1958. – Т. 1. – С. 218.
24. Казанская духовная академия. Исторический очерк. – Казань, б/з. – С. 746; Валеев Р.М. Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в.: Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. – Казань, 1993.
25. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. I. – С. 408.
26. Миссионерское отделение при Казанской духовной академии и внутренняя миссия в России // *Церковно-общественная жизнь.* – 1906. – № 18. – С. 634-636; – № 19. – С. 654.
27. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. I. – С. 158.
28. Знаменский П.В. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842-1870 гг.). – Казань, 1892. – Вып. I. – С. 158.
29. Харлампович К.В. Казанская духовная академия. (1842-1907 гг.). Исторический очерк // *Православная богословская энциклопедия.* – СПб., 1907. – Т. VIII. – С. 709.
30. Крачковский И.Ю. Очерки по истории... – С. 126.
31. Православный собеседник. – 1880. – Ч. 1. – С. 296-297.
32. Остроумов Н.П. Воспоминания... – С. 132.
33. Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 748.
34. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М., 1997. – С. 38.
35. Григорьев А.Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.) // *Материалы по истории Татарии.* – Вып. 1. – Казань, 1948. – С. 264.
36. Знаменский П.В. На память о Николае Ивановиче Ильминском. К двадцатипятилетию Братства Святителя Гурия. – Казань, 1892. – С. 156-161.
37. Знаменский П.В. – С. 156-161.
38. Харлампович К.В. Указ. соч. – С. 710.
39. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1870 г. – Казань, 1870. – С. 6; Бердников И.А. Краткий очерк учебной и ученой деятельности Казанской духовной академии за пятьдесят лет ее существования. 1842-1892 гг. – Казань, 1892. – С. 18.
40. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1870 г. – Казань, 1870. – С. 6-7.
41. Терновский С.П. Историческая записка о состоянии Казанской духовной академии после ее преобразования. 1870-1892. – Казань, 1892. – С. 21, 30.
42. Протоколы заседаний Совета Казанской духовной академии за 1876 г. – Казань, 1876. – С. 96.
43. Отчет о состоянии Казанской духовной академии за 1877-1878 учебный год. – Казань, 1878. – С. 34-35
44. Терновский С.П. Указ. соч. – С. 430.

АННОТАЦИЯ

Середина XIX – начало XX вв. были периодом зарождения и развития российского востоковедения, в то время как исламоведение стало одним из ведущих его направлений. Главными специалистами по исламоведению были Г.С.Саблуков, Н.И. Ильминский, Е. А. Малов, Н. П. Остроумов, П. К. Жузе, М. Г. Иванов, А. А. Архангельский, М. А. Миропиев, Я.Д.Коблов и др. Миссионерское отделение Казанской духовной академии сыграло важнейшую роль в изучении Ислама. Казанское миссионерское востоковедение развивалось как прикладное востоковедение и было направлено на обеспечение христианизации на национальной периферии Российской империи.

MARAT SALAKHOV

THE ORIENTAL STUDIES IN KAZAN ECCLESIASTICAL ACADEMY IN THE
SECOND HALF OF 19TH CENTURY – EARLY 20TH CENTURY. A MISSIONARY
ASPECT

SUMMARY

Mid-19th – early 20th century was the period of origin and development of Russian Oriental Studies whilst Islamic Studies became one of its leading branches. The most famous experts in Islamic Studies were G.S.Sablukov, N.I. Ilminsky, E.A.Malov, N.P.Ostroumov, P.K.Zhuze, M.G.Ivanov, A.A.Arkhanguelsky, M.A.Miropiev, Ya.D.Koblov, etc. Missionary department of Kazan Ecclesiastical Academy played essential role in exploring of Islam. Kazan Missionary Oriental Studies have been developed as applied oriental studies aiming to facilitate Christianization of national periphery of the Russian Empire.

Ключевые слова: христианизация, миссионерская деятельность, Казанская духовная академия, востоковедение, исламоведение.

Keywords: Christianization, missionary activities, Kazan Ecclesiastic Academy, Oriental Studies, Islamic Studies.

Марат Рустэмович Салахов (Казань, Россия) – аспирант Института Татарской энциклопедии Академии наук Республики Татарстан, преподаватель кафедры естественных и гуманитарных наук Российского Исламского Института (РИИ). E-mail: marat-salakhov@yandex.ru

Динар Галлямов

ИДЖТИХАД И ТАКЛИД В БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН

С начала возникновения ислама решение вопросов потребностей и проблем мусульманского общества и проявление усилия на основе Корана и Сунны, в широком смысле, было названо иджтихадом. Иджтихад включает в себя:

- 1) мнение (райя);
- 2) поиск доказательства (истидлаль);
- 3) понимание, представление (фикх);
- 4) вывод скрытых значений из текстов (истинбат);
- 5) суждение по аналогии (кийас).

Начавшееся с Пророка Мухаммада и продолжавшееся до IV века по хиджре движение иджтихад, начиная с этого века, было приостановлено. Эпоха таклида началась примерно в первой половине IV века по хиджре, причин тому было много. После стремительного взлета исламской культуры и всех наук в первый «золотой» век Аббасидов¹, начался спад, в том числе и в иджтихаде. Причин остановки иджтихада и распространения таклида было много, вот лишь некоторые из них:

1) Исламское государство распалось на множество мелких государств. Правители и их подданные были больше заняты наращиванием и укреплением своей силы, междоусобными войнами, а не наукой;

2) После появления в III веке по хиджре основных 4-х правовых школ – мазхабов, у каждой из них появились ярые сторонники, которые всеми путями пытались доказать правильность именно их толка и ошибочность всех остальных;

3) После того, как мусульмане оставили законодательную власть без внимания и контроль над ней был ослаблен, в законодатели устремились люди, не имевшие на то должных знаний, не способные на полноценный иджтихад. Появились противоречащие друг другу фетвы, высказывания, дозволявшие запретное и проливавшие невинную кровь.

В таких условиях и было принято решение о закрытии ворот иджтихада и провозглашении таклида. Несмотря на то, что таклид был основной чертой мусульман на протяжении многих веков, вопрос таклида и возможности ве-

дения иджтихада оставался актуальным и обсуждаемым среди ученых Ислама все это время. Основоположник религиозного реформаторского движения мусульман Урало-Волжского региона Габдуннабир Курсави, будучи в Бухаре, защищал идею о том, что двери иджтихада открыты и будут открыты всегда. Говоря о том, что мусульмане «застряли в болоте таклида», и те, кто понимает религию, и те, кто не понимает ее, не спасутся от гнева Аллаха². Г. Курсави критиковал таклид, которому давал следующее определение: «Таклидом называется следование одного человека действиям или словам другого, признавая эти слова и действия правильными и истинными и не требуя на это никаких доказательств»³. Его возмущало «не требуя доказательств». Таких последователей он описывал следующим образом: «Он выучил наизусть слова муджтахидов, и не знает его доводов, поэтому, сравнивая высказывания, не может определить наиболее правильное. Знай же, что среди людей, относящих себя к знаниям, появились такие, чьи высказывания не соотносятся ни с высказываниями наших современников, ни со словами людей прошлых веков. Если собрать вместе их слова и нечестивые идеи, то может получиться отдельное религиозное учение. Особенно испугался я тех, кто, облачаясь в одежду ученых, настойчиво продолжает держаться невежества и ереси»⁴. Невежеством и ересью он называл отказ от иджтихада в решении задач, которые ставило перед мусульманами время, от поиска ответов на эти вопросы в Коране и сунне: «Некоторые думают, что времена иджтихада уже давно прошли. Они считают, что руководством для мукаллида могут служить только слова авторитетного ученого (муджтахидов)». Г. Курсави призывал к иджтихаду, по мере сил и называет его первой

обязанностью правоверного: «Знайте же, прежде всего, обязательным для каждого человека является, по мере сил, вести иджтихад, пытаясь достичь правды, истины. Если кто может вести свободный иджтихад, путь занимается им, если сил достаточно лишь для ведения иджтихада в рамках мазхаба, его обязанность – вести иджтихад в рамках мазхаба»⁵.

Здесь важно заметить, что ученые Ислама, в их числе и Г. Курсави, четко определяют вопросы, в которых дозволено применять иджтихад. Вопросом, в котором ведется иджтихад, они называют любой правовой вопрос, не имеющий неоспоримого, неподдающегося сомнению решения или суждения. Следовательно, иджтихад нельзя применять в вопросах верования, догматики, правовых вопросах, рассмотренных и разъясненных в Коране и сунне, например: обязательность пятикратной молитвы, пятничной молитвы, совершения хаджа. Состояние, в котором тогда находились мусульмане, возмущало не только Г. Курсави. Многие представители религиозной мысли всего мусульманского мира высказывали свои мнения по поводу таклида и иджтихада.

Ученый Джамал ад-Дин Ас-Суюти писал: «Сегодня многие люди твердят, что свободных муджтахидов уже нет давно в помине, что давно остались только муджтахиды, ограниченные рамками фетв своего имама. Но это не так. Говорящие так не знакомы с высказываниями ученых и они не видят разницы между различными категориями муджтахидов, а разница между ними есть»⁶. В чем же была разница между муджтахидами? Улем Аз-Зухейли в своей книге пишет: «Из слов Ас-Суютийи, Ибн Салаха, Ан-Навави становится ясно, что муджтахиды могут быть пяти видов:

1) Самостоятельный муджтахид, основоположник направления (школы).

Самостоятельно извлекает правовые нормы по собственным правилам, принципам. Он работает независимо от остальных муджтахидов.

2) Свободный муджтахид. Ученый, имеющий все качества для признания его самостоятельным муджтахидом, но несмотря на это, не выводит собственных правил, а работает по правилам определенного самостоятельного муджтахида.

3) Муджтахид тахриджа. Ученый, не выведивший новых норм, однако, по причине хорошего знания своей правовой школы мог разъяснять трудно понятные высказывания авторитетных ученых своей школы (не выходил за рамки фетв муджтахидов своей правовой школы).

4) Муджтахид тарджих. Работал в рамках определенного мазхаба. Если высказывания авторитетных ученых касательно одного вопроса расходились, мог выбрать наиболее правильное (его работа ограничивалась рамками фетв муджтахидов своей правовой школы).

5) Муджтахид фетв. Ученый, занимавшийся сохранением и передачей фетв, мнений муджтахидов своей правовой школы⁷. Далее Аз-Зухейли поясняет, что термин муджтахид к трем последним категориям применен лишь иносказательно, так как они новых фетв не выводят, а лишь работают над уже существующими. Естественно, что не всякий человек мог считаться муджтахидом. По этому поводу Г. Курсави пишет: «Условием иджитихада является наличие у человека пронизательного ума от природы, он должен обладать знаниями о Коране, должен хорошо понимать тексты-слова хадисов, иметь представление об иснаде (цепочке передатчиков того или иного хадиса), хорошо знать лексические и терминологические значения слов. Он также должен знать значения и особенности передачи смысла отде-

льными словами и конструкциями. Однако необязательно обладать знаниями о Коране полностью и охватывать всю Сунну, достаточно изучать часть, связанную с правовыми нормами; также необязательно заучивать все это наизусть, достаточно всегда иметь под рукой несколько сборников достоверных хадисов, связанных с правовыми нормами, например, два сборника достоверных хадисов ал-Бухари и Муслима. Дабы не вывести фетву, противоречащую иджма (единодушному согласию) сподвижников Пророка, необходимо знать, по каким вопросам был достигнут иджма, и то не все, а лишь касающиеся решаемого вопроса. Вдобавок к этому муджтахид должен владеть приемами кыйаса (суждение по аналогии)»⁸.

По мнению мусульманского ученого аш-Шахрастани, существует пять условий для признания ученого муджтахидом, это:

1) отличное знание арабского языка, оно подобно орудию, посредством которого достигается цель. Не владеющий орудием не сможет достичь цели;

2) знание комментариев к Корану, особенно аятов, связанных с правовыми нормами; знать, как эти аяты комментировали сподвижники, важно знать, как они их понимали и, если даже ученый не будет знатоком остальной части Корана, связанной с этико-моральными аспектами, это не повредит его иджитихаду;

3) Знание хадисов, состояния текста и передатчиков (иснад);

4) Должен отличать предписанное от предпочтительного, разрешаемое от остерегаемого;

5) Должен знать, по каким вопросам сподвижники и их последователи были единого мнения. Должен владеть приемами суждения по аналогиями (кыйас).

Ар-Рафиги и ан-Навави выдвигают несколько иные условия:

1) Коран. Не обязательно быть знатоком всего Корана, достаточно изучить то, что связано с правовыми нормами. Также не обязательно знать Коран наизусть;

2) Знать сунну Пророка Мухаммада (с.г.с.), не всю, а лишь связанную с правовыми нормами;

3) Знать, по каким вопросам ученые из числа сподвижников были одного мнения, а по каким расходились;

4) Владеть приемами суждения по аналогиям (кыйас);

5) Знание арабского языка.

Мухаммад аль-Газали к этим условиям добавляет, что не обязательно заучивать хадисы наизусть, достаточно иметь под рукой сборник хадисов, касающихся правовых норм, зная расположение глав в сборнике, при необходимости отыскав их, уже работать с ними. Также аль-Газали считает необязательным знать все вопросы, по которым сподвижники были единого мнения, достаточно было знать касающиеся решаемого вопроса. Наличие этих знаний необходимо для признания ученого свободным муджтахидом, действующим во всех областях исламского права, однако он не отрицал возможность некоторых ученых специализироваться на решении вопросов отдельных разделов права, достигая степени муджтахида в этой сфере, и оставаться мукаллидом в остальных разделах.

Как видно из сравнения, мнение Г. Курсави полностью совпадает с мнениями признанных ученых по основам фикха. Некоторым может показаться, что Г. Курсави призывал к отказу от мазхабов, к выведению собственного мазхаба. Но это не так. «Ученые ханафиты считают обязательным придерживаться принципов иджтихада и истинбата, выведенных Абу Ханифой, и это по причине его

наибольшей осторожности в суждениях...Тем не менее они не считают обязательным руководствоваться фетвами Абу Ханифы, более того, они не считают позволительным использовать мнение Абу Ханифы в выведение фетв, если не известно, на что он опирался в своем суждении. Таким образом, мазхаб (основной принцип), которого они все придерживались, это то, что никому не дозволено давать фетву (заключение), опираясь на доказательство, источник которого неизвестен»⁹.

Последователь Г. Курсави, великий улем и богослов Ш. Марджани полагал, что закрытие дверей иджтихада означает ограничение власти Аллаха временем и расстоянием¹⁰. Поэтому он отстаивал точку зрения, что кроме крайней необходимости подражание авторитетам (таклид) незаконно, каждому мусульманину нужен иджтихад по его силам. Ш. Марджани, говоря о том, что двери иджтихада никогда не закроются, высказывался также о компетентности муджтахидов в случае закрытия дверей иджтихада. Ш. Марджани говорит о большой вреде, наносимом мусульманам такими наиболее распространенными ошибками в исламском мире, как утверждение о безгрешности людей и обязательное принятие внушаемых книг. Ш. Марджани не воспринимает систему взглядов, утверждающих, что миссией муджтахидов был иджтихад и обращение к аргументам. По мнению, Ш. Марджани, первые муджтахиды (Абу Ханифа, Абу Йусуф, Имам Мухаммад ибн Шайбани, Имам Зуфар, Имам Малик, Имам Шафии, Имам Ибн Ханбал) отрицали таклид без крайней необходимости. Ш. Марджани говорит, что имамы при достижении новых доказательств находятся в новом иджтихаде, а некоторые ученые-последователи занимаются новым иджтихадом. Поэтому Ш. Марджани, изучавший классифика-

цию хадисов и проблему их отмены, высказывается, что хадисы в период вышеназванных муджтахидов были классифицированы, но не исследованы, поэтому невозможно говорить, что двери иджтихада закрыты. По его мнению, ни один имам не принимает хадис в более низкой степени, чем фетва закона. Ш. Марджани выражает свое согласие с тем, что отмененных хадисов немного и возможность последующей отмены не принесет вреда предыдущему решению, однако после четкого упразднения не следует использовать уже отмененное. Ш. Марджани выдвигает идею бесполезности таклида в каждом вопросе, даже если ты не муджтахид и что некоторые вопросы ясны из аятов и хадисов и без таклида¹¹.

В начале XX столетия проблема реформы Ислама и степени охвата сферы религиозных отношений и общественной жизни теснейшим образом была связана с трактовкой понятия «иджтихад» и поэтому не сходилась со страниц мусульманской периодической печати. Будущий муфтий Центрального Духовного Управления мусульман, богослов, редактор дореволюционной «Шуро» Риззатдин Фахретдин, подчеркивая наличие различных подходов к данной проблеме, обратил внимание, что: «Кое-кто говорит: «Врата иджтихада уже закрылись, следовательно, в дальнейшем муджтахидов быть не может. Некоторые заявляют: «Современные мусульмане должны следовать одному из четырех известных мазхабов» Есть и такие, которые говорят: «Подчинение одному из четырех мазхабов является подчинением самому Посланнику Аллаха (с.г.с). Есть и такие, которые считают людей, занимающихся Кораном и хадисами, и тех, кто провозглашает, что «врата иджтихада не закрыты», – сумасшедшими, безбожниками и еретиками»¹². Показывая богослов-

скую несостоятельность отрицания иджтихада, он подчеркивает: «Поразительно, но после четвертого века хиджры (X век по Григорианскому календарю – Д.Г.) в мире ислама стали считать, что невозможно появление из среды выпускников юридических факультетов исламских университетов ученых, подобных великим мудрецам древности. Когда до мусульман было доведено божественное откровение (вахий), что Посланник Аллаха (мир ему) является «Печатью пророков», то это положение стало одним из обязательных пунктов исламской веры. Но в Коране и Хадисах нет ни одного положения, которое гласило бы, что он является «Печатью муджтахидов». И каким образом можно обосновать необходимость веры в то, что после четвертого века хиджры не будет муджтахидов, зная, что божественного откровения с таким значением ниспослано не было?»¹³. Поэтому Р. Фахретдин считает, что «бесмысленен диспут мусульман о проблеме допустимости или запрещенности иджтихада», поскольку «под влиянием убеждения, что «иджтихад прекратился» в мире ислама умерли свободомыслие и гласность. Все, что бы ни делалось после этого правильного или ошибочного - все это стало выражаться только лишь в сохранении архаичности и беспрестанного повторения древних догм. Религия ислама, низведенная для улучшения положения человечества и предостерегающая постоянное обновление и реформирование, не имеет никакого отношения к традиции сохранения древностей»¹⁴. Р. Фахретдин, подчеркивая быстрое изменение жизни общества и бесконечности событий, говорит, что право также должно идти в ногу с этим и очень хорошо знающие об этом первые муджтахиды понимали, что их иджтихада будет недостаточно не то что последующим поколениям,

но даже их современникам. Рассматривающий данный вопрос и с точки зрения смены решений, Р. Фахретдин отстаивает мнение, что вместе с непостоянством законов, опирающихся на них, то есть в зависимости от времени и места, с условием опоры на аяты и хадисы, изменение возможно. По его мнению, единственно, что не подлежит изменению, это правило: «Со временем изменяются и решения» и первые муджтахиды с этой точки зрения, выполняя свой долг, решали проблемы общества. Р. Фахретдин высказывает мнение, что народы, географическое положение, климат вынуждали людей совершать различный иджтихад. Он выдвигает это мнение в качестве одного из основных аргументов в дискуссии о том, что двери иджтихада не закроются¹⁵. Р. Фахретдин разделяет мнение Ш. Марджани о том, что возможность допущения ошибки в иджтихаде велика, но не следует этого бояться. Р. Фахретдин придерживался мнения: «Один человек может быть и муджтахидом, и мукаллидом». Р. Фахретдин утверждает: «Даже отмененные хадисы намного достовернее, чем не упраздненные слова муджтахидов. Законность действия по отмененному хадису со знанием его отменяющего известна улемам». По его мнению, имеющаяся в хадисах классификация, как отмененный (мансух), истолкованный (муаввал) и обусловленный (мукайд) присутствуют и в словах первых муджтахидов. Р. Фахретдин считает, что каждый, кто знает арабский язык, может оперировать непосредственно Кораном, в отношении необходимых ему действий, хадисами, ясно объясняющими все вопросы, и для этого не нужно быть муджтахидом.

Габдулла Буби, муддарис новометодного медресе «Иж-Буби», автор книги «Прошло ли время иджтихада?», практически придерживаясь той же пози-

ций, что и Р. Фахретдин, считает, что отказ от иджтихада ведет к усилению невежества и фанатизма, несущим обществу неисчислимы бедствия¹⁶, которые способствуют распространению таклида как образа мышления, как метод познания окружающего мира: «кто бы мог представить, что Ислам, основа которого состоит из разума и мышления и в каждом своем постановлении обращающийся к разуму и мышлению, от свободы иджтихада будет брошен в подчинение таклиду и, полностью разрушив Коран и Сунну, на их место будут поставлены слова отдельных людей?»¹⁷. Поэтому для Г. Буби таклид – неприемлемый для Ислама метод, поскольку им нарушается принцип обращения Всевышнего к человеческому разуму и мышлению: «бездумный таклид – дело кяфилов/ неверующих, человек, не знающий свою религию с доказательствами и принявший ее простым признанием, не является правоверным»¹⁸. Только при условии реализации принципа иджтихада – главного стимула общественного развития прогресса и только: «Тогда мы сможем призывать к исламу цивилизованные нации. Если же мы скажем им сегодня: «Вот наш Шариат, он таков – составление его уже завершено муджтахидами, и поскольку времена понимания Корана и Сунны уже прошли, то вы их понять не сможете. Поэтому вы должны принять слова факихов, даже если они противоречат Корану и хадисам. Действуете согласно им, невзирая на то, соответствуют ли они интересам времени или нет. Вот, мусульманство ваше состоит в этом, а все, что противоречит этому – заблуждение», то появится ли у них симпатия к Исламу?»¹⁹.

Г. Буби говорит, что закрытие дверей иджтихада отрицает умственное развитие. По его мнению, ислам обращается к разуму и человеческой мысли, требует опираться на Коран и

Сунну, а не на слова того или иного человека. По мнению Г.Буби: «Говорить, что ислам – мировая религия, совершенно противоречит одновременно с этим утверждению, что двери иджтихада закрыты и уже невозможно понять Коран и Сунну спустя столько веков. Косвенно верно и то, что сподвижники Пророка Мухаммада и первые муджтахиды ничего не говорили о закрытии дверей иджтихада после себя, и вместе с разногласиями между собой по поводу иджтихада в одной правовой школе были и отличия во взглядах. Например, разногласий между Абу Ханифой и его учениками намного больше, чем между ним и имамами Шафия»²⁰. В таком случае, считает Г. Буби, основным мерилом является Коран и Сунна, если слова факихов и муджтахидов соответствуют им, то они должны быть приняты, в противном случае – отвергнуты. Г. Буби указывает, что таклид исходит из самой природы человека и в период детства очень полезен, однако с взрослением человека начинает приносить только вред. Г. Буби вспоминает о предостережении Аллаха, упоминаемой в Коране в суре «Бакара», и настаивает на отказе от «соответствия с дорогой отцов»²¹.

По мнению знаменитого улема Мусы Бигиева, таклид стал одной из крупнейших причин упадка мусульманства. В истории Ислама не было ничего подобного по своим последствиям, чем последствия от таклида. Муса Бигиев различал два вида таклида:

1) следование собственной традиции,

2) следование, или подражание Западу (М. Бигиев называет его «неотаклид»).

Конечно, следует помнить, что неотаклид – болезнь, возникшая на мусульманском Востоке в колониальный период его истории. Но он является прямым следствием традицион-

го таклида: «Прежний таклид, возложенный силой религии, стал нашей привычкой, свойством, поэтому неотаклид легко проник и завоевал нашу мысль и души»²². М. Бигиев пишет, что болезнь таклида привела разум и сердца мусульман в состояние полного застоя. Только таклид превратил Ислам из религии практического действия в религию голых догм. «Придавая нашей мысли слепоту, эта болезнь таклида осложнила наше общественное состояние и, в итоге, отвлекла наше внимание от чудесного Шариата»²³. Все политические и социальные проблемы, с которыми позже столкнулось мусульманское общество, проистекают из него. Еще одним последствием таклида является отсталость, косность и застойность, царящая в мусульманской системе образования. М. Бигиев, критикуя ее, пишет о «крайне порочных» медресе и минбарах. Он был убежден в том, что туркестанские и индостанские, арабские и турецкие медресе не дают шакирдам ничего кроме толкований к грамматике, синтаксису, логике, каламу и фикху, подвергая разрушению разум учащихся. Кафедры проповедников, которые наряду с медресе должны были придавать силу разуму, волю сердцам, доносить до людей религию, мораль и слово Корана, стали использоваться для затуманивания и обмана исламской уммы. В результате ложного знания, распространявшегося из этих двух святых храмов веры – медресе и минбаров – мусульмане потеряли как веру, так и мирское процветание. Подчеркивая отрицательную роль таклида в истории Ислама, Муса Бигиев обратил внимание, что в начале XX века формируется новый тип таклида: «Если традиционный таклид представлял собой жертвование Шариатом путем преклонения перед священностью мазхабов, то современный таклид стал отказом от Ислама и принесением в жертву мусуль-

манской уммы на фоне собственного самоуничтожения, возникшего из-за очарования величием западной цивилизаций и ее политическими достижениями. Мы, не следуя тому ценному, что есть на Западе, последовали всему бесполезному, что в нем имеется. Не понимая ничего из нового, мы, тем не менее, растеряли все самое святое, что у нас было ранее»²⁴. В этой связи М. Бигиева беспокоит то, что новый таклид постепенно превращается в методологический принцип осмысления всей истории мусульманских народов: «Страсть к новому таклиду не ограничивалась лишь нашими общественным состоянием. Мы стали подражать западной мысли и своим мышлением и своей историей. Мы придали истории Ислама тот же вид, какой имела история христианства. Так в мире Ислама возникли идеи религиозной реформации. В головах некоторых наших мыслителей возникли мысли о реформации по западному образцу. Они словно хотели, чтобы и Ислам не был бы лишен чести иметь свое движение, подобное движению М. Лютера. Некоторые турецкие писатели стали считать Ислам чем-то подобным протестантизму, возникшему в христианском мире, и провозгласили... пророка Мухаммада... реформатором, подобным Мартину Лютеру. Таким образом, получалось, что самое важное в Исламе – это его протестантская сущность! Получалось, что главное достоинство Великого Законодателя в том, что он был подобен Лютеру!»²⁵. Чтобы выйти из этого состояния считает Муса Бигиев «необходимо свободомыслие и священный статус Ислама»²⁶. Среди всех форм проявления таклида М. Бигиев особо выделяет следование какой-либо богословско-правовой школе – мазхабу. «По моему мнению, учение такой священной религии, как Ислам, никаким образом не может быть ограничено узкими рамками...

мазхабов. Ограничение ислама такими тесными границами, несомненно, является недостатком. В этом вопросе я, конечно же, отвергаю мазхабы»²⁷. Его не устраивала абсолютизация учения отдельного мазхаба, которая в свою очередь приводила к противостоянию представителей различных мазхабов и, в конечном счете, к расколу в мусульманской умме: «Ислам никогда не терпел убытка от разногласий. Все беды, обрушившиеся на него, происходили от призывов к объединению в рамках одного мазхаба, к единомыслию»²⁸. Поэтому его критика была направлена не против самих мазхабов, тем более их основоположников, а против современной их трактовки. Возникновение мазхабов он рассматривает как естественный процесс в развитии мусульманского права. Он считает, что основанные первыми имамами мазхабы ставили целью «показать каждому члену уммы пути применения Корана и Сунны Пророка во всех ситуациях соответственно времени и целесообразности... Это... большое наследство, оставленное нам непорочными предками... в качестве образца»²⁹. Муса Бигиев говорит о том, что уважение к первым муджтахидам не означает скопирования мыслей их последователей, отмечает, что необходимое по Шариату подражание одной или несколькими школами будет означать отмену Корана, а ограничение Ислама взглядами лишь нескольких муджтахидов или одного мазхаба будет означать: «опускание знания правильного пути до уровня знания одного – двух муджтахидов»³⁰. Он отстаивает мнение, что необходимо решать новые проблемы, возникающие на повестке дня, а для этого следует обращаться не к книгам мусульманского кодекса, а непосредственно к Корану и Сунне.

Ректор уфимского медресе «Галия-Диния» Зия Камали, по своим богословским взглядам считавшийся од-

ним из самых радикально мыслящих, по данному вопросу практически придерживался такой же позиций, что и М. Бигиев. При этом он подчеркивал, что отдает предпочтение ханафитскому мазхабу, основатель которого Абу Ханифа доводил до последующих поколений правоверное мусульманское учение, исходящее от самого пророка Мухаммада³¹. Г. Буби также обратил внимание, что возникновение мазхабов означало свободу мысли и слова: «Между сподвижниками Пророка и великими имамами возникали разногласия по вопросам иджтихада, но ни один из них не обвинял другого в неверии и заблуждении и не считал его врагом»³². Но постепенно люди стали слепо подражать высказываниям древних, хотя и авторитетных факихов, не утруждая себя достоверными доказательствами их правоты «из-за того, что каждая группа придерживалась руководства только одного имама, усилился фанатизм в мазхабах... эти разногласия стали...проклятием народов ислама»³³. Р. Фахретдин также высказался по этому вопросу. Он доказывал, что возникновение мазхабов является проявлением обновленческой сущности ислама, иначе: «не могли бы появляться такие великие деятели, как Имам Малик и Имам Шафии, Суфийан ас-Сури... и, тем более, сложиться правовые школы – мазхабы, как, например, мазхаб Имама Абу Ханифы, являющегося совершенным образцом воплощения свободомыслия»³⁴. В дальнейшем, следуя одному из четырех мазхабов, необходимо: «как можно плотнее и усерднее следовать за Кораном и Сунной. Ибо каждый из основоположников известных

четырех мазхабов запрещал следовать за собой, пока ищущий сам не находил и не узнавал доказательства. Это требование хорошо выражено в знаменитых словах Абу Ханифы: «Запрещено кому бы то ни было, кто не знает моего доказательства, выносить постановления – фетвы, ссылаясь на мои слова»³⁵. Р. Фахретдин считает, что нет причин для абсолютизации мазхабов и по другой причине, поскольку «когда речь идет о мазхабах, то следует знать, что основателями их не являются Абу Ханифа и Шафии, Малик и Ибн Ханбаль. Упомянутые мазхабы основаны другими людьми спустя много времени после смерти названных мыслителей. Поэтому они не совсем бы согласились с тем, что к их именам привязываются такие мазхабы, что очень часто их именами спекулируют или прикрываются ими»³⁶.

Мусульманские ученые, в целом, отстаивали мнение, что двери иджтихада открыты и необходимо готовить своих муджтахидов в каждом историческом периоде. Улемы, старающиеся предотвратить религиозный фанатизм, утверждали, что слова «иджтихад исчез» отравляют мусульманского общество. Среди реформаторов рубежа XIX-XX вв., были и те, кто считал тремя великими муджтахидами российских мусульман Г. Курсави, Ш. Марджани и М. Бигиева³⁷. К этому списку я хотел бы добавить еще одного человека, который, несомненно, достоин, быть назван муджтахидом российских мусульман современного периода – Ризаэтдина ибн Фахретдина.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Аббасиды – династия мусульманских халифов Багдадского халифата (750-1258гг.). Основатель династии Абу аль-Габбас, внук дяди Пророка Мухаммада (с.г.с.) – Абу аль Фазыл Габбаса аль Хашими. Династия пресеклась после монголо-татарского завоевания в 1258 году. Последний халиф Мустаксим был казнен внуком Чингисхана – Хулагу.
2. Курсави Г. «Аль-Иршад аль-гыйбадат/ Наставление рабам Аллаха». – Казань, 1999. – С. 7.
3. Там же. – С. 8.
4. Курсави Г. Наставление рабам Аллаха... – С. 9.
5. Там же. – С. 12.
6. Джамал ад-дин Ас-Суютый. «Тафсир аль-иджтихад аль-мактабат (Совершенство в коранических науках). – Мекка, 1982. – С. 68.
7. Аль – Зухейли. «Усуль аль-фикх аль- ислами/Основы исламского фикха». – Дамаск, 1998. – С. 24.
8. Курсави Г. «Наставление рабам Аллаха.... – С. 26.
9. Курсави Г. Наставление рабам Аллаха. – С. 26.
10. Утаки Х. «Мой ответ Ш. Марджани» // Шуру – 1911 – № 23. – С. 714-716.
11. Марджани Ш. «Муккадима». – Казань, 1897. – С. 20-30.
12. Фахретдин Р. «Дини вэ иджтимагый мэсэлэлэр/ Религиозные и общественные вопросы». – Оренбург, 1914. – С. 72.
13. Фахретдин Р. Религиозные и общественные вопросы... – С. 90.
14. Там же. – С. 91.
15. Фахретдин Р. «Религиозная беседа» // «Новый век». – Оренбург, 1906. – С. 372-379.
16. Буби Г. «Прошло ли время иджтихада?» - Казань, 1909. – С. 10.
17. Там же. – С. 22.
18. Там же. – С. 23.
19. Буби Г. Прошло ли время иджтихада? – С. 64.
20. Там же. – С. 65
21. «В день воздаяния те, кто вел за собою других, кто был примером для других в неверии и неповиновении, отделятся от тех, кто следовал за ними, и скажут им: «Мы не призывали вас следовать за нами по грешному пути. Это было ваше желание и неразумное поведение» /Коран. Сура «Бакара/Корова, аят 166; «Те, которые не идут прямым путем, привыкли следовать за тем, за чем шли их отцы. И тогда призывают из следовать за тем., что ниспослано Аллахом, они отвечают: «Нет, мы не откажемся от того, на чём застали наших отцов». Предпочтение «пути отцов» прямому пути, указанному Аллахом, – это большой грех. Неужели и тогда, когда их отцы лишены были разума и не шли по прямому пути?» /Сура «Бакара», аят 170.
22. Бигиев М. «Моя обязанность» // «Ил». – 22 октября, 1913. – № 3. – С. 34.
23. Там же. – С. 35.
24. Бигиев М. Моя обязанность.... – С. 35.
25. Там же. – С. 36.
26. Там же. – С. 37.
27. Бигиев М. Несколько вопросов вниманию народа. – Казань, 1912. – С. 16.
28. Бигиев М. Небольшие размышления по большим вопросам. – Казань, 1914. – С. 48.
29. Бигиев М. Моя обязанность... – С. 48.
30. Бигиев М. «Каваид-и – фикхия/Основы мусульманского законодательства». – Казань, 1910. – С. 184-185.
31. Камалов Т.Р. Зия Камали о вере и правочности в исламе // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994. – С. 67.
32. Буби Г. «Прошло ли время иджтихада?». – Казань, 1909. – С. 15.
33. Там же. – С. 16.
34. Фахретдин Р. «Религиозные и общественные вопросы» – Оренбург, 1914. – С. 73-74.
35. Там же. – 94.
36. Там же. – 95.
37. А.Г. Симбири «Современные вопросы» // «Шуро». – 1913. – № 9. – С. 263 – 264..

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ:

1. Бигиев М. «Мой долг» // «Ил». – 1913.
2. Бигиев М. Небольшие размышления по большим вопросам. – Казань, 1914.
3. Бигиев М. Несколько вопросов вниманию народа. – Казань, 1912.
4. Бигиев М. Основы исламского законодательства. – Казань, 1910.
5. Буби Г. «Прошло ли время иджтихада?» – Казань, 1909.
6. Камалов Т.Р. Зия Камали о вере и правочности в исламе // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. – Казань, 1994.
7. Курсави Г. «аль-Иршад лил Гыйбадат (Наставление рабам Аллаха)». – Казань, 1999.
8. Мараши И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850-1917). – Казань, 2005.
9. Марджани Ш. «Вафият ал-аслаф ва тахият ал-ахляф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам). Мукаддима». – Казань, 1999.
10. Мухаметшин Р. Ислам в татарской общественной мысли начала XX века. – Казань, 2000.
11. Симбири А.Г. «Современные вопросы» // Шура. – 1913. – № 9.
12. Утяки Х. Мой ответ Ш. Марджани // Шура. – 1911. – № 23. – С. 714-716.
13. Фахретдин Р. «Религиозные беседы» // Новый век. – Оренбург, 1906. – С. 372-379.
14. Фахретдин Р. «Религиозные и общественные вопросы». – Оренбург, 1914.
15. Хабутдинов А.Ю. Последний татарский богослов (Жизнь и наследие Мусы Джаруллаха Бигиева). – Казань, 1999.
16. Юзеев А. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX веков. – Казань, 1998.

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме соотношения иджтихада и тақлида в теории и практике современных мусульман в целом и в частности тому комплексному осмыслению, которое получила эта проблема в трудах мусульманских богословов дореволюционной России (Г. Курсави, Ш. Марджани, Р. Фахретдин, М. Бигиев и др.).

DINAR GALLYAMOV

IJTIHAD AND TAQLID IN THEOLOGICAL THOUGHT OF RUSSIAN MUSLIMS

SUMMARY

The paper deals with the problem of correlation between Ijtihad and Taqlid in theory and practice of modern Muslims in general and with integrated comprehension of this problem in works of Muslim scholars of pre-Revolutionary Russia (G. Kursavi, Sh. Marjani, R. Fakhretdin, M. Bigiyev etc.).

Ключевые слова: иджтихад, тақлид, фикх, Г. Курсави, Ш. Марджани, Р. Фахретдин, М. Бигиев.

Keywords: Ijtihad, Taqlid, Fiqh, G. Kursavi, Sh. Marjani, R. Fakhretdin, M. Bigiyev.

Галлямов Динар Фатихович (Уфа, Россия) – аспирант исторического факультета Башкирского государственного университета (БашГУ).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
МИНБАР
ИСЛАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

MINBAR
Islamic Studies

2009, Т. 2, № 2

Выпускающий редактор Р.Г. Батров
Технический редактор Р.Р. Ильясов
Корректор Р.Р. Закиров
Верстка Р.Р. Ильясов

Подписано в печать 07.12.2009 г.
Формат 70x108/16 Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,2
Тираж 300 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии РИУ